

ЗНАНИЕ — СИЛА 9/91

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Учредители —
Всесоюзное общество
«Знание»
и трудовой коллектив
редакции

№ 9(771)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 19.08.91
Подписано к печати
Формат 70×100 1/16
Офсетная печать
усл.-печ. л. 9,1
Уч.-изд. л. 13,0
Тираж 360 000 экз.
Заказ № 1037

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19, строение 6
Тел. 235-89-35
Всесоюзное общество «Знание»
101813, Москва, проезд Серова, 4

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР
по печати,
142300, г. Чехов Московской области

Индекс 70332

Цена при подписке 80 коп.,
в розничной продаже — 1 руб. 50 коп.

**Подписка
на журнал
«Знание — сила»
принимается
без ограничений
всеми
отделениями связи.**

ISSN 0130-1640 «Знание — сила», 1991, № 9, 1—112

ISSN 0130–1640

„Knowledge is power" *(F. Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 9/91

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ХОФШТАДТЕРА

Прощальная запись

ОТКРОВЕНИЕ КРЕГЕРА

ЛУНОХОД

ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА

ἀποκάλυψις

Lacrimosa Уолтера Миллера

ПЕСНЬ ДЛЯ ЛЕЙБОВИЦА

Уважаемые читатели!

Этот номер журнала — но только этот! — по техническим, как принято сейчас говорить, и, увы, не зависящим от нас причинам выходит в свет в непривычном и для вас, и для нас виде: изменился формат и способ печати.

Стремясь возместить утраты, связанные с этой, пусть и однократной, переменой нашего облика, мы решили вместо традиционного подбора статей и заметок, очерков и рассказов дать вам возможность познакомиться с произведениями, которые были бы рады печатать почаще, но вынуждены, как правило, откладывать из-за ограниченного объема журнала.

Мы надеемся, что эти близкие по духу нашему изданию и, на наш взгляд, незаурядные публикации позволят вам восполнить потери, неминуемо возникающие при — хотя и временном — торжестве технологии в ущерб творчеству.

Редакция

Ю. Данилов

Приглашение на Хофштадтера

Пролог

Если вам случится найти в *иностранном* отделе библиотеки книгу *некоего* Дугласа Р. Хофштадтера с *несколько необычным*, чтобы не сказать странным, названием «Гёдель, Эшер, Бах. Вечное золотое переплетение. Метафорическая фуга о человеческом разуме и машинах в духе Льюиса Кэрролла», знайте, что вам *необычайно* повезло. Дело в том, что у вас в руках, хотите вы того или не хотите, оказалось настоящее *сокровище*. Не верите?

Прежде всего, я считаю своим приятным долгом предуведомить вас, что автор этой книги — не *некий* и тем более не *какой-то там* Хофштадтер, а *тот самый* Хофштадтер, чья первая книга (проба пера!) была сразу же удостоена на родине автора, в США, одной из наиболее престижных литературных премий — премии Пулицера. Оцененная столь высоко весьма и весьма сведущим и придирчивым жюри книга — *та самая*, которую вы обнаружили у себя в библиотеке. Но и это еще не всё.

Книга Хофштадтера трактует самые сложные вопросы, например, круг проблем, связанных со знаменитой теоремой Курта Гёделя о неполноте, настолько изящно и увлекательно, что позволяет вам на то время, за которое вы будете читать эту книгу, вернуться в детство, ибо тяжкий труд познания автор, *тот самый* Хофштадтер, превращает в игру, а играя, познают окружающее самые большие мудрецы в мире — дети. Но и это еще не всё.

Триада имен, вынесенная по воле автора, *того самого* Хофштадтера, в заглавие *той самой* книги, включает в себя имена замечательного американского математика и логика (математического логика!) Курта Гёделя, великого немецкого музыканта Иоганна Себастьяна Баха и великолепного голландского художника Морица Корнелиуса Эшера. Тонкие и глубокие идеи Гёделя автор излагает, заимствуя структуру глав и частей книги из известных сочинений Баха, иллюстрируя то, что, казалось бы, не поддается иллюстрации знаменитыми мозаиками, рисунками и гравюрами Эшера (и бельгийского художника Рене Магритта). Переплетение трех рядов — смыслового, музыкального и изобразительного — столь естественно и органично, что они действительно образуют золотое целое, и всякие опасения относительно реакции отторжения, неминуемой в других случаях, читатель книги Хофштадтера может отбросить раз и навсегда. Но и это еще не все.

Те из вас, кто любят творчество Льюиса Кэрролла, автора известной сказки об Алисе и многого другого, возможно, помнят Ахилла и Черепаху из знаменитого парадокса Кэрролла «Что Черепаха сказала Ахиллу» (для тех, кто не имел возможности ознакомиться с этим парадоксом раньше, он целиком и полностью приводится ниже). Кэрролл использует персонажей одного из парадоксов, или апорий, о движении древнегреческого мудреца Зенона Элейского — Ахилла и Черепаху (апория Зенона называется «Ахилл быстроногий не может догнать Черепаху»). Хофштадтер в свою очередь использует персонажей парадокса Кэрролла и вводит в разыгрываемые ими мистерии новое действующее лицо — Краба. Так вот, перед тем, как приступить к новой главе, Хофштадтер, неуклонно придерживаясь принципа «хомо сапиенс — хомо люденс», то есть «человек разумный — человек играющий», излагает самую суть в игровом ключе — в виде диалогов и бесед Ахилла, Черепахи и Краба. (Если кто-нибудь из наших читателей, глубоко травмированный в детстве школьным курсом математики, питает непреодолимое отвращение ко всякого рода абстрактным рассуждениям и логико-математической символике, то свое знакомство с книгой Хофштадтера он может ограничить прочтением только диалогов и бесед. Это позволит ему незаметно для самого себя проглотить горькую пилюлю нелюбимой науки. Более того, очень может быть, что за перипетиями словесных баталий между персонажами Хофштадтера читатель не уследит за тем, какие именно идеи современной математической логики он усвоил, сам того не подозревая!) Но и это еще не все.

Книга Хофштадтера при всей своей нарядности и блеске — ибо что может быть красивее самопознающей себя мысли! — исполнена глубокого внутреннего драматизма, драматизма идей разума, познающего себя и окружающий мир, строящего одну за другой модели внешнего мира только для того, чтобы на следующем витке познания отбросить их в пользу более совершенной модели. Но и это еще не всё...

Впрочем, мы вынуждены остановиться, хотя перечень неоспоримых достоинств и совершенств книги Хофштадтера легко можно было бы продолжить: сказанного, как нам кажется, достаточно, чтобы понять: тому, кто имел счастье достать эту книгу, *очень и очень* повезло, а тот, кто ее никогда не видел, пусть попытается раздобыть ее.

Несколько слов о Хофштадтере

Строго говоря, множество «тех самых Хофштадтеров» состоит не из одного, а из двух элементов: «того самого Хофштадтера-отца» (Рудольфа), который в 1961 году получил Нобелевскую премию по физике, и «того самого Хофштадтера-сына» (Дугласа), что в 1979 году поразил мир своим опусом «Гёдель, Эшер, Бах...». Их так трудно спутать, что этого никто и никогда не делает. Дело в том, что в отличие от отца и сына Пенроузов или Биркгофов отец и сын Хофштадтеры работают в *различных* областях науки, или, если воспользоваться специальным термином, у их славы различные, почти не пересекающиеся носители.

Льюис Кэрролл.

Курт Гёдель.

Дуглас Р. Хофштадтер, или, если угодно, Хофштадтер-сын, родился в 1945 году в Нью-Йорке. Вырос в Калифорнии. В 1976 году защитил диссертацию по теоретической физике (математика показалась ему чрезмерно ограничительной и абстрактной). После ухода известного американского популяризатора науки Мартина Гарднера в отставку с поста ведущего раздела «Математические игры» журнала «Сайентифик Американ» Дуглас Хофштадтер стал его преемником и в течение некоторого времени вел раздел «Метамагические темы».

Свою первую книгу «Гёдель, Эшер, Бах...» Дуглас Р. Хофштадтер опубликовал, достигнув возраста Иисуса Христа, но не остановился на этом, выпустив в 1985 году свою вторую книгу «Метамагические темы».

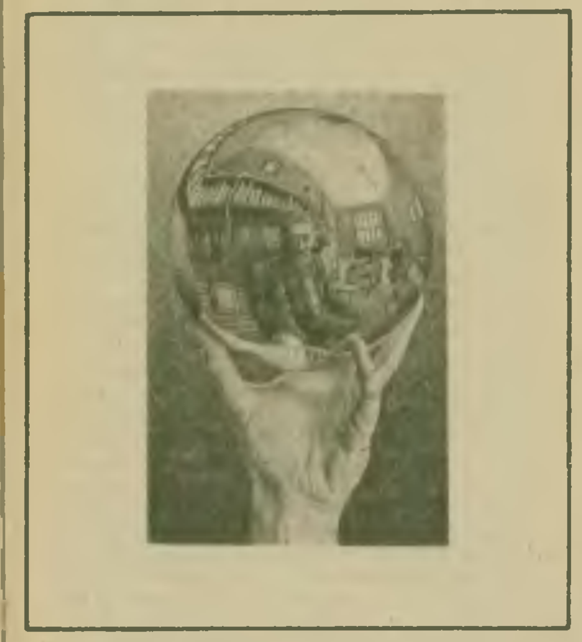
Об авторе книг, снискавших заслуженный успех и довольно продолжительное время возглавлявших списки бестселлеров, трудно говорить как о многообещающем или подающем надежды. Тем не менее читатели вправе рассчитывать на то, что Дуглас Р. Хофштадтер еще порадует их новыми произведениями, столь же глубокими и богатыми по содержанию, как и две его состоявшиеся книги.

Дайджест

Пытаться пересказывать книгу Хофштадтера «Гёдель, Эшер, Бах...», *ту самую* книгу *того самого* Хофштадтера,— занятие еще более безнадежное, чем пытаться объяснить

красоту музыки И. С. Баха человеку, который ее никогда не слышал. Последуем поэтому примеру ведущих музыкально-образовательных передач и попытаемся создать у слушателей некоторое представление о книге Хофштадтера по небольшим отрывкам из нее, сопровождаемым скромными комментариями.

Открывается книга историей о том, как Иоганн Себастьян Бах («старый Бах»), приехавший в Берлин навестить своего сына Карла Филиппа Эмануэля, который служил хормейстером при дворе Фридриха Второго, был неожиданно приглашен королем во дворец опробовать новые клавесины работы Зильбермана. Фридрих Второй был искусным флейтистом (по крайней мере так не без лести отзываются о его игре на флейте те, кому довелось ее слышать) и, исполнив на любимом инструменте мелодию, попросил Баха разработать ее вариации. Бах со всей тщательностью исполнил просьбу августейшего флейтиста. И вариации на «королевскую тему» составили содержание так называемого «Музыкального дара» (или, в другой редакции, «Музыкального приношения»). Книга Хофштадтера по существу представляет собой

Автопортрет Морица Корнелиуса Эшера.

Иоганн Себастьян Бах.

«Метамузыкальный дар» (или «Метамузыкальное приношение»): она построена по образу и подобию сочинения Баха. «Королевской темой» служит знаменитая теорема Гёделя о неполноте, развеявшая мечты некоторых математиков о построении непротиворечивой и последовательной логической системы. Предполагалось, что, коль скоро исходные аксиомы и правила вывода заданы, любое утверждение может быть в рамках системы либо доказано — то есть получено с помощью правил вывода как следствие аксиом и ранее доказанных утверждений,— либо опровергнуто. Теорема Гёделя о неполноте утверждает, что в любой системе, аксиомы которой содержат аксиомы арифметики, найдется утверждение, которое в данной системе не может быть ни доказано, ни опровергнуто. Тем самым терпят крушение надежды на «полную» формализацию («устрожение») математики. Хофштадтер знакомит читателя и с тем фоном, на котором возникла теорема Гёделя: с историей логики, логическими парадоксами, формализацией логического вывода, логическими автоматами, компьютерами и проблемами искусственного интеллекта. Венчает вводную главу «Трехчастная инвенция» — диалог Ахилла и Черепахи, к которым в дальнейшем присоединяется Зенон. Основное назначение «Трехчастной инвенции» — дать читателю общее представление о том, что его ожидает в дальнейшем. Вот как она выглядит:

Трехчастная инвенция

Ахилл (греческий воин, самый быстроногий из всех смертных) и Черепаха стоят на самом солнцепеке, у начала пыльной беговой дорожки. У противоположного конца дорожки на высоком флагштоке поднят большой прямоугольный флаг. Все его полотнище красное, но в одном месте в нем вырезано небольшое круглое отверстие, сквозь которое виднеется небо.

Ахилл: Что за странный флаг висит там, на другом конце беговой дорожки? Он чем-то напоминает мне одну гравюру моего любимого художника М.-К. Эшера.

Лента Мебиуса. М.-К. Эшер.

Черепаха: Это флаг Зенона.

Ахилл: Может быть, дыра во флаге напоминает по форме отверстие в листе Мебиуса на гравюре Эшера? Одно могу сказать: с этим флагом что-то не так.

Черепаха: Круглое отверстие, вырезанное в полотнище флага, имеет форму цифры, обозначающей ноль — любимое число Зенона.

Ахилл: Но ноль еще не изобретен! Его придумает некий индийский математик лишь несколько тысячелетий спустя. А это, мистер Черепаха, доказывает справедливость моего утверждения о том, что такой флаг не может существовать.

Черепаха: Ваш аргумент убедителен, Ахилл, и я вынуждена признать, что такой флаг действительно невозможен. И все же он необычайно красив, не правда ли?

Ахилл: О да, красота флага не вызывает ни малейших сомнений.

Черепаха: Хотела бы я знать, не связана ли красота флага каким-то образом с тем, что он не может существовать. Не знаю. Мне все было недосуг заняться анализом того, что такое Красота. Ведь Красота — это Воплощенная Суть, а у меня все не было времени поразмыслить о Воплощенной Сути.

Ахилл: Когда вы, мистер Черепаха, говорите о Воплощенной Сути, означает ли это, что вы размышляли над Смыслом Жизни?

Черепаха: О небо, нет!

Ахилл: А вы никогда не задумывались над тем, почему мы здесь и кто нас создал?

Черепаха: Это совершенно другая материя. Все мы, как вы вскоре увидите,— творения Зенона, а здесь мы для того, чтобы участвовать в состязании по бегу.

Ахилл: В состязании по бегу? Да это же оскорбление! Мне, самому быстроногому из смертных, состязаться с вами, медлительнейшим из медлительных существ! В таком состязании нет никакого смысла.

Черепаха: Вы можете дать мне фору.

Ахилл: И фора должна быть немалой!

Черепаха: Не возражаю.

Ахилл: Но я все равно догоню вас — раньше или позже, вероятнее всего, раньше.

Черепаха: Нет, если все обстоит так, как в парадоксе Зенона, то вам никогда не удастся догнать меня. Видите ли, Зенон надеялся с помощью нашего состязания показать, что движение невозможно. И поистине Движение Внутренне Противоречиво и потому Невозможно. Зенон доказывает это весьма изящно.

Ахилл: О да, теперь я припоминаю знаменитую дзен-буддистскую притчу о дзен-буддистском верховном жреце Зеноне. Вы совершенно правы: эта притча действительно весьма незамысловата.

Черепаха: Дзен-буддистская притча? Дзен-буддистский верховный жрец? Что вы имеете в виду?

Ахилл: Я говорю о следующей притче: «однажды двое монахов вели спор о флаге. «Движется флаг»,— утверждал один. «Движется ветер»,— возражал другой. Мимо случилось проходить шестому дзен-буддистскому патриарху Зенону. Он молвил монахам: «движется не ветер и не флаг, движется разум».

Черепаха: Боюсь, что вы что-то путаете, Ахилл. Зенон, о котором я говорю, отнюдь не дзен-буддистский верховный жрец. В действительности он древнегреческий философ из города Элея, расположенного на полпути между пунктами А и В. Через много веков он станет знаменитым благодаря своим парадоксам, или апориям, о движеиии. В одной из его апорий центральное место занимает состязание по бегу между мной и вами.

Ахилл: Я все перепутал. Я отлично помню, как неоднократно повторял имена шести патриархов дзен-буддизма и всегда говорил: шестой патриарх Зенон, шестой патриарх Зенон... (*Внезапно подул легкий ветерок.*) Вы только взгляните, мистер Черепаха, как развевается флаг! Мне так нравится смотреть, как бегут складки по его мягкой ткани. И вырезанное в полотнище круглое отверстие также развевается!

Черепаха: Не говорите глупости. Флаг не существует, следовательно, он не может развеваться. Движется ветер. (*В этот момент мимо проходит Зенон.*)

Зенон: Привет! Привет! О чем спорите? Что нового?

Ахилл: Движется флаг.

Черепаха: Движется ветер.

Зенон: Друзья! Друзья! Прекратите ваш спор! Оставьте сарказм! Отбросьте разногласия! Я разрешу сомнения! Стоит ли спорить в такой прекрасный день?

Ахилл: Должно быть, этот незнакомец валяет дурака.

Черепаха: Подожди, Ахилл. Послушаем, что он скажет. О неизвестный господин, соблаговолите поделиться с нами вашими мыслями о предмете спора.

Зенон: С превеликим удовольствием. Ни ветер, ни флаг — ничто не движется. Не движется вообще ничего. Ибо я сформулировал великую Теорему, которая гласит: «Движение Внутренне Противоречиво и потому Невозможно». Из этой Теоремы следует еще более великая Теорема — Теорема Зенона: «Движение не существует».

Ахилл: Вы сказали «Теорема Зенона»? О господин, уж не философ ли вы Зенон Элейский?

Зенон: Он самый, Ахилл.

Ахилл (в удивлении чешет в затылке): Откуда он узнал мое имя?

Зенон: Могу ли я надеяться, что вы оба выслушаете меня и узнаете, в чем суть дела? Сегодня по дороге в Элею из пункта А я тщетно пытался найти кого-нибудь, кто вник бы в мои стройные рассуждения. Но все, кто мне встречались в пути, куда-то спешили, и у них не было времени, чтобы выслушать меня. Вы даже не представляете, как тяжко получать отказ за отказом. Не подумайте, пожалуйста, будто я намереваюсь взвалить на вас свои заботы. Я хочу попросить вас лишь об одном одолжении: не уделите ли вы выжившему из ума старому философу несколько мгновений, чтобы он изложил вам свои эксцентрические теории? Ручаюсь, что это не займет много времени.

Ахилл: Разумеется, мы с радостью выслушаем вас, что вы скажете. Прошу вас, просветите нас. Я говорю от имени нас обоих потому, что мой компаньон, мистер Черепаха, только что с величайшим почтением поминал о вас и, в частности, о ваших апориях.

Зенон: Благодарю вас. Видите ли, мой Учитель, пятый патриарх, наставлял меня, что реальность единственна, недвижима и неизменна; всякая же множественность, любое движение и изменение — не более, чем обман чувств. Некоторые с насмешками отзывались о его взглядах, и я вознамерился показать абсурдность подобных насмешек. Мои доводы очень просты. Чтобы изложить их, я прибег к двум вымышленным персонажам: Ахиллу, греческому воину, самому быстроногому из всех смертных, и Черепахе. В моей притче они, поддавшись на уговоры прохожего, устраивают состязание по бегу. Выигравшим считается тот, кто первым добежит до флагштока, на котором полощется на ветерке флаг. Предположим, что Черепаха, как гораздо более медленный бегун, получает фору, скажем, в десять стадий. Состязание начинается. Гигантскими скачками Ахилл преодолевает расстояние, отделявшее его от того места, откуда стартовала Черепаха.

Ахилл: Вот видите!

Зенон: Но Черепаха успевает уползти и опережает теперь Ахилла ровно на одну стадию. В несколько мгновений Ахилл преодолевает и это расстояние.

Ахилл: Хо-хо!

Зенон: Но к этому времени Черепаха успевает продвинуться чуть дальше. В какой-то миг Ахилл покрывает и это расстояние.

Ахилл: Хи-хи-хи!

Зенон: Но сколь ни быстротечно время, которое потребовалось Ахиллу, чтобы преодолеть последнее расстояние, Черепаха успевает проползти чуть вперед, и Ахилл по-прежнему остается позади. Как вы теперь видите, для того чтобы Ахилл мог догнать Черепаху, в игру «Попробуй догони!» нужно сыграть *бесконечно* много раз. Следовательно, Ахилл никогда не догонит Черепаху.

Черепаха: Хе-хе-хе-хе!

Ахилл: Гм! Гм... гм... гм... Ваши рассуждения кажутся мне ошибочными, хотя я и не могу сказать, где именно кроется в них ошибка.

Зенон: Хороша головоломка? Это мой любимый парадокс.

Черепаха: Прошу прощения, Зенон, но мне кажется, что ваша притча иллюстрирует неверный принцип. Разве не так? То, что вы нам сейчас рассказали, через много столетий станет называться апорией Зенона «Ахилл и Черепаха». Эта апория показывает — гм! — что Ахилл никогда не догонит Черепаху, а то, что *«Движение Внутренне Противоречиво и потому Невозможно»*, доказывает другая ваша апория, «Дихотомия», не правда ли?

Зенон: Позор мне! Разумеется, вы правы. В этой апории утверждается, что для того чтобы попасть из пункта А в пункт В, необходимо сначала преодолеть половину расстояния, отделяющего А от В, а для этого сначала нужно преодолеть половину половины, и так далее. Как вы видите, обе апории толкуют более или менее об одном и том же. Честно говоря, у меня есть лишь одна Великая Идея, я лишь по-разному ее использую.

Ахилл: Готов поклясться, что в ваших рассуждениях кроется какая-то ошибка. Я не могу указать, в чем именно она заключается, но полагаю, что исправить ее невозможно.

Зенон: Вы сомневаетесь в правильности моего парадокса? Почему бы вам не проверить его на собственном опыте? Видите красный флаг вон там, у дальнего конца беговой дорожки?

Ахилл: Вы имеете в виду тот невозможный флаг, заимствованный с гравюры Эшера?

Зенон: Именно! Что вы скажете, если я предложу вам и мистеру Черепахе провести состязание по бегу? Разумеется, вы дадите мистеру Черепахе фору, скажем...

Черепаха: На десять стадий.

Зенон: Хорошо, пусть будет на десять стадий.

Ахилл: Готов, хоть сейчас.

Зенон: Превосходно! Это будет захватывающее состязание! Еще бы — эмпирическая проверка моей строго доказанной теоремы! Мистер Черепаха, прошу вас занять исходную позицию в десяти стадиях впереди Ахилла. (*Черепаха переползает на отметку, находящуюся в десяти стадиях впереди черты, от которой приготовился взять старт Ахилл.*) Оба приготовились?

Черепаха и Ахилл: Да!

Зенон: Внимание! На старт! Марш!

Глава I знакомит читателя с простой формальной системой и вводит ряд основных понятий: строка символов, теорема, аксиома, правила вывода, вывод, формальная система. Завершающий эту главу двухчастный диалог заимствован Хофштадтером у Льюиса Кэрролла. Он позволяет читателю в игровой форме познакомиться с рассуждениями типа «он думал, что я думаю, что он думает...» Приведем и мы этот замечательный диалог:

Льюис КЭРРОЛЛ

Двухчастная инвенция, или Что Черепаха сказала Ахиллу

Ахилл догнал Черепаху и с удобством расположился у нее на спине.

— Итак, наше состязание окончено? — спросила Черепаха.— Вам все-таки удалось преодолеть всю дистанцию, хотя она и состояла из *бесконечной последовательности* отрезков, и достичь финиша? А ведь, по правде говоря, я думала, будто какой-то мудрец доказал, что сделать это нельзя.

— Почему нельзя? — возразил Ахилл.— Еще как можно! Да что можно — уже *сделано*! Solvitur ambulando*. Видите ли, длина отрезков неограниченно убывала и поэтому...

— А если бы длина отрезков неограниченно возрастала? — перебила его Черепаха.— Что тогда?

— Тогда бы я не сидел там, где я сижу,— скромно ответствовал Ахилл,— а *вы* к этому времени уже успели бы несколько раз обойти вокруг земного шара.

— Вы мне льстите, то есть, я хочу сказать, вы мне мстите,— заметила Черепаха.— Я почти расплющена: вес-то у вас немалый. В чем, в чем, а в этом *никакой* ошибки нет. Если позволите, я лучше расскажу вам о состязании на другую дистанцию. Большинство людей ошибочно полагают, будто в этом состязании их отделяют от финиша лишь два-три шага. *В действительности же*, чтобы добраться до финиша, необходимо преодолеть бесконечно много этапов, и каждый последующий этап длиннее предыдущего.

— С превеликим удовольствием! — с жаром воскликнул греческий воин, доставая из шлема огромный блокнот и карандаш (в те далекие времена *карманы* были лишь у очень немногих греческих воинов).— Я весь внимание! И пожалуйста, говорите *помедленнее*: ведь *стенографию* еще не изобрели!

— О первая аксиома Евклида! — мечтательно промолвила Черепаха.— Что может быть прекраснее тебя?

И добавила, обращаясь к Ахиллу:

— Вы любите «Начала» Евклида?

— Безумно! Вряд ли можно *сильнее* восхищаться трактатом, который не выйдет в свет в течение еще нескольких столетий!

— Прекрасно! Мы воспользуемся рассуждением, содержащимся в первой аксиоме. Нам понадобятся лишь два шага и выведенные из них заключения. Для удобства последующих ссылок обозначим суждения A, B и Z. Итак, будьте любезны записать в свой блокнот следующее:

A. Равные одному и тому же равны между собой.

B. Две стороны этого треугольника равны одному и тому же.

Z. Две стороны этого треугольника равны между собой.

Надеюсь, читатели и почитатели Евклида согласятся, что заключение Z *логически* следует из посылок A и B и всякий, кто сочтет истинными посылки A и B, *должен* будет признать истинным и заключение Z. Не так ли?

— Несомненно! С вашим утверждением *согласится* любой школьник младшего класса,— разумеется, не раньше, чем будут изобретены школы, а для этого придется подождать какие-нибудь две тысячи лет.

— А что, если какой-нибудь читатель *не признает* посылки A и B истинными? Сможет ли он тем не менее считать *заключение Z истинным*?

— Ну что же, найтись такой читатель вполне может. Рассуждать он станет примерно так: «я считаю истинным условное суждение «если A и B истинны, то Z истинно», но не считаю истинными суждения A и B». Такой читатель поступит мудро, если оставит Евклида и займется футболом.

— А не найдется ли *другой* читатель, утверждающий, что он признает истинность суждений A и B, но *не считает* истинным условное суждение?

— Разумеется, может. Ему также лучше всего было бы заняться футболом.

— И *ни один* из этих читателей пока не должен считать заключение Z истинным в силу логической необходимости? — продолжала Черепаха.

— Пока не должен,— подтвердил Ахилл.

— Тогда я попрошу вас рассматривать *меня* как представителя второй категории читателей и с помощью логических доводов заставить меня признать истинность заключения Z.

— Черепаха, играющая в футбол...— начал было Ахилл, но Черепаха поспешно прервала его:

— ... была бы, конечно, необычным зрелищем. Не будем уклоняться от главного. Сначала истинность заключения Z, потом футбол!

— Итак, если я правильно понял, мне вменяется в обязанность заставить вас признать истинность суждения Z,— задумчиво проговорил Ахилл.— Занимаемая вами позиция сводится к следующему. Вы признаете истинность суждений A и B, но не признаете истинность условного суждения...

— Нам будет удобнее разговаривать, если мы обозначим условное суждение C,— предложила Черепаха.

— Хорошо,— согласился Ахилл.

— Итак, вы *не признаете* истинность суждения C. «Если A и B истинны, то Z должно быть истинным».

— Такова моя позиция в настоящее время,— подтвердила Черепаха.

— Тогда я вынужден просить вас признать истинность C.

— Я так и сделаю,— сказала Черепаха,— как только вы запишете суждение C в свой блокнот. В нем уже есть какие-нибудь записи?

— Всего лишь несколько заметок,— ответил Ахилл, лихорадочно перелистывая страницы,— о различных памятных событиях... о битвах, в которых я отличился.

— Я вижу множество чистых страниц! — радостно воскликнула Черепаха.— Они нам понадобятся *все до единой*! (Ахилл содрогнулся от ужаса.) Запишите, пожалуйста:

A. Равные одному и тому же равны между собой.

B. Две стороны этого треугольника равны одному и тому же.

C. Если A и B истинны, то Z должно быть истинным.

Z. Две стороны этого треугольника равны между собой.

— Последнее суждение вам следовало бы обозначить буквой D, а не Z,— сказал Ахилл.— Оно идет *непосредственно за* тремя первыми суждениями. Если вы считаете истинными суждения A, B и C, то вам *не остается ничего другого*, как признать истинность суждения.

— Почему вы считаете, что я непременно должна признать истинность суждения Z?

— Потому, что оно *логически* следует из A, B и C. Если A, B и C истинны, то Z должно быть истинным. Надеюсь, против *этого* вы не станете возражать?

— Если A, B и C истинны, то Z *должно* быть истинным,— задумчиво повторила Черепаха.— А ведь это — *новое* условное суждение! И если я не убеждена в его истинности, то *могу* считать истинными A, B и C, но по-прежнему *не признавать* истинным Z. Правильно?

— Правильно,— подтвердил герой,— хотя я должен сказать, что этакое упрямство выглядит очень странным. Однако поскольку и такое *возможно*, я вынужден просить вас признать истинность *еще одного* условного суждения.

— С удовольствием! Я охотно признаю истинность этого суждения, как только вы запишете его в свой блокнот. Обозначим его D.

Итак, D. «Если A, B и C истинны, то Z должно быть истинным». Записали?

— Записал! — радостно воскликнул Ахилл, и карандаш его быстро забегал по бумаге.— Наконец мы подошли к финишу нашего логического состязания! Уж теперь-то, признав истинность суждения A, B, C и D, вы, конечно, признаете истинность заключения Z!

— Разве это так уж необходимо? — с невинным видом спросила Черепаха.— Попробуем разобраться. Я признаю истинность суждений A, B, C и D. Но что, если я *по-прежнему* не признаю истинность заключения Z?

— Тогда Логика возьмет вас за горло и вынудит сделать это! — торжествующе ответил Ахилл.— Логика скажет вам: «у вас не осталось другого выхода. После того, как вы признали истинность суждений A, B, C и D, вы *должны* признать истинность заключения Z!» Итак, как вы видите, иного выхода нет.

— То, что мне сказала Логика, следовало бы записать,— заметила Черепаха.— Внесите, пожалуйста, в свой блокнот условное суждение, которое мы обозначим E:

E. «Если A, B, C и D истинны, то Z должно быть истинным».

До тех пор, пока я не соглашусь признать истинность *суждения* E, у меня нет необходимости признавать истинность суждения Z, поэтому суждение E нам просто *необходимо*. Вы согласны?

— Согласен,— ответил Ахилл с оттенком печали в голосе.

В этот момент неотложные дела в банке вынудили рассказчика оставить счастливую пару. Лишь через несколько месяцев ему довелось снова проходить мимо того места, где беседовали Ахилл и Черепаха. Ахилл по-прежнему сидел на спине у многотерпеливой Черепахи и что-то писал в почти заполненном блокноте. Приблизившись, рассказчик услышал, как Черепаха сказала:

— Записали последнее условное суждение? Если я не сбилась со счета, оно должно быть тысяча первым. Осталось еще несколько миллионов. Я хочу попросить вас о личном одолжении. Вы не будете возражать, если я прочту вам короткие стишки собственного сочинения? В качестве смягчающего обстоятельства я прошу иметь в виду те споры, которые вызовет среди логиков XIX века наша беседа.

— Читайте что угодно! — с отчаянием воскликнул несчастный воин, закрывая лицо руками. И Черепаха продекламировала:

— Ахиллесову пяту
Указуют все не ту.
Череп — ах! — трещит от дум:
У Ахилла хилый ум!

* Решено мимоходом (*лат.*).

Глава II раскрывает перед читателем некоторые тонкости проблемы смысла и формы в математике (такими понятиями, как истинность, доказательство, преобразования с символами и с трудно определимым понятием «форма»). Иллюстрацией их служит «соната для Ахилла соло», которую мы также приводим.

Соната для Ахилла Соло

Звонит телефон. Ахилл берет трубку.

Ахилл: Алло, Ахилл у телефона.

Ахилл: Ах, это вы, мистер Черепаха. Как поживаете?

Ахилл: Черепаховый вертикулит? Прискорбно слышать. А отчего, по-вашему это приключилось?

Ахилл: А как долго она находится у вас в таком положении?

Ахилл: Тогда не удивительно, что она задеревенела. Но что заставило вас так долго держать шею искривленной столь неестественным образом?

Ахилл: Вы говорите, их поразительно много? А какие они, например?

Ахилл: Простите, что вы называете «фантасмагорическими существами»?

Ахилл: А не страшно ли видеть одновременно так много этих существ?

Ахилл: Гитара?! Должен признаться, что из всех предметов, которые могли оказаться среди столь необычных существ, меньше всего я ожидал... Скажите, а вы не играете на гитаре?

Ахилл: Я их тоже не различаю.

Ахилл: Вы совершенно правы. Удивляюсь, почему я сам никогда не обращал прежде внимания на различие между скрипкой и гитарой. Кстати, раз уж мы заговорили о скрипке, не хотите ли вы навестить меня и прослушать одну из сонат для скрипки соло вашего любимого композитора Иоганна Себастьяна Баха? Я только что купил великолепную пластинку с записью этой сонаты. Я никак не могу понять, как Баху удалось, используя солирующую скрипку, создать произведение, вызывающее столь большой интерес.

Ахилл: И головную боль тоже? Стыдитесь! Может быть, вам надлежало бы как следует выспаться?

Ахилл: Понимаю. А овец считать вы не пробовали?

Ахилл: Да-да, я понимаю. Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Но если эта задача действительно настолько сложна, что способна довести до безумия, то, может быть, вам лучше рассказать мне о ней, чтобы и я попытался решить ее.

Ахилл: Английское слово, в котором буквы A, D, A, C идут подряд... Гм... Как насчет слова abracadabra.

Ахилл: Ах, да, вы правы, комбинация «adac» встречается в слове abracadabra только если читать его от конца к началу.

Ахилл: Вы говорите, что потратили на эту головоломку не один час? Похоже, что и мне придется изрядно поломать над ней голову. А где вы раскопали эту адскую головоломку?

Ахилл: Вы хотите сказать, что он делал вид, будто размышляет над эзотерическими буддистскими материями, а в действительности ломал голову над сложными словесными головоломками.

Ахилл: Понял! Улитка знала, чем на самом деле занимается этот тип. А как вам случилось заговорить с улиткой?

Ахилл: Знаете, я знаю одну словесную головоломку, немного похожую на вашу. Хотите послушать? Или она тоже вызовет у вас подавленное состояние?

Ахилл: Согласен, моя головоломка не может причинить вам никакого вреда. Вот она: какое английское слово начинается с букв «HE» и заканчивается буквами «HE»?

Ахилл: Ваше решение очень остроумно, но находится на грани надувательства*. Это заведомо не то, что я имел в виду!

Ахилл: Разумеется, вы правы: ваше решение удовлетворяет всем условиям, но принадлежит к числу «вырожденных» решений. Существует другое решение. Его-то я и имел в виду.

Ахилл: Совершенно верно! Как вам удалось так быстро найти его?**

Ахилл: Значит, перед нами — тот редкий случай, когда головная боль не мешает, а помогает решать головоломки. Что касается вашей головоломки с «adac», то я все еще блуждаю в потемках.

Ахилл: Поздравляю! Может быть, теперь вам удастся заснуть? Так какое же решение у вашей головоломки?

Ахилл: Обычно я не люблю подсказок, но так и быть. А в чем состоит ваша подсказка?

Ахилл: Я не знаю, что вы подразумеваете под «фигурой» и «фоном» в данном случае.

Ахилл: Конечно, я знаю литографию «Мозаика II». Я знаю все работы Эшера. В конце концов, он мой любимый художник. Кстати сказать, копия «Мозаики II» висит сейчас на стене как раз у меня перед глазами.

Мозаика II. М.-К. Эшер.

Ахилл: Да, я вижу все черные существа.

Ахилл: Да, я вижу, что их «отрицательное пространство» — то, что остается, если из литографии вырезать все черные существа, — определяет контуры белых существ.

Ахилл: Теперь понятно, что вы имеете в виду, говоря о «фигурах» и «фоне». Но какое

* Черепаха предлагает в качестве решения английское местоимение «HE» (он). — *Ю. Д.*

** Черепаха называет английское слово «HEADACHE» (головная боль). — *Ю. Д.*

отношение имеет все это к головоломке с «adac»?

Ахилл: Боюсь, что это слишком сложно для меня. Кажется, у меня начинается головная боль.

Ахилл: Вы хотите прийти ко мне в гости сейчас? Но я думал, что...

Ахилл: Очень хорошо. Возможно, к тому времени мне удастся отгадать правильный ответ к вашей головоломке с помощью вашей подсказки («фигура» — «фон»). Постараюсь как-нибудь связать ее с *моей* головоломкой.

Ахилл: С удовольствием дам вам их прослушать.

Ахилл: Вы создали собственную теорию по поводу сонат Баха?

Ахилл: В сопровождении какого инструмента?

Ахилл: Если это действительно так, то немного странно, что Бах не написал партию арфы и не опубликовал ее.

Ахилл: Понимаю, на усмотрение слушателя. Их можно слушать, как кому нравится — с аккомпанементом и соло. Но как узнать, как должен был бы звучать этот аккомпанемент?

Ахилл: Да, я согласен, что лучше всего предоставить выбор фантазии слушателя. Может быть, как вы утверждаете, Бах не имел в виду никакой аккомпанемент. Его сонаты и без всякого аккомпанемента звучат великолепно.

Ахилл: Хорошо. Жду вас.

Ахилл: Всего доброго, мистер Черепаха.

Глава III проводит параллель между фигурой и фоном в изобразительном искусстве и теоремами и нетеоремами в формальной системе. Название заключительного (центрального во всей книге) диалога — Контракростипункт — представляет собой пример одного из тех «слов-портмоне», которые так любил несравненный Шалтай-Болтай (Помните его знаменитый разбор стихотворения «Бармаглот»: «Варкалось. Хливкие шорьки/ Пырялись по наве...»?) Контракростипункт — это «гибрид» контрапункта и акростиха. Учитывая важность этого диалога, мы также воспроизводим его:

Контракростипункт

Ахилл пришел в гости к своему приятелю и неугомонному партнеру мистеру Черепахе.

Ахилл: О небо, да у вас великолепная коллекция бумерангов!

Черепаха: Так себе, пустяки! Не лучше и не хуже, чем у любой другой черепахи. Не хотите ли пройти в гостиную?

Ахилл: С удовольствием. (*Отправляется в угол комнаты.*) О да у вас обширная коллекция пластинок! Какую музыку вы предпочитаете?

Черепаха: На мой вкус неплох Иоганн Себастьян Бах. Но в последнее время меня все больше занимает музыка особого рода.

Ахилл: А что это за музыка?

Черепаха: Такой музыки вам, скорее всего, слышать не приходилось. Я называю ее «музыкой, от которой ломаются фонографы».

Ахилл: Я не ослышался? Вы сказали «музыка, от которой лопаются фонографы»? Какое необычное понятие! Я просто зримо ощущаю, как вы с молотом в лапах сокрушаете один за другим фонографы под музыку героической «Победы Веллингтона» Бетховена.

Черепаха: Музыка, о которой я говорю, иного рода. Но вы вполне правы, когда говорите, что у нее загадочная природа. Если не возражаете, я постараюсь кратко описать ее.

Ахилл: Именно об этом я хотел вас просить.

Черепаха: С музыкой, от которой ломаются фонографы, знакомы очень немногие. Все началось с того дня, когда мой приятель Краб, — кстати, вы никогда с ним не встречались? — заглянул ко мне на огонек.

Ахилл: Мне очень хотелось бы с ним познакомиться. Я столько о нем слышал, но не имел случая свести знакомство.

Черепаха: Рано или поздно я вас познакомлю. Вам он сразу понравится. Возможно, мы как-нибудь случайно встретим его во время прогулок в парке...

Ахилл: Глубокая мысль! С нетерпением жду встречи. Но вы, если мне не изменяет память, хотели рассказать о необычной музыке, от которой ломаются фонографы, не так ли?

Черепаха: Совершенно верно. Итак, однажды ко мне в гости пришел Краб. Должна сказать, что он всегда питал слабость ко всякого рода приборам и устройствам, а в то время просто сходил с ума от проигрывателей. Незадолго до своего визита Краб купил свой первый проигрыватель, несколько опрометчиво поверив на слово продавцу, будто этот проигрыватель может воспроизводить все и всяческие звуки. Короче говоря, Краб пребывал в полной уверенности, что является обладателем Совершенного фонографа.

Ахилл: Естественно, что вы не разделяли его мнения...

Черепаха: Разумеется, но он и слышать не хотел, когда я пыталась переубедить его. Он упорно твердил, что любой звук может быть воспроизведен на его проигрывателе. Поскольку мне не удалось переубедить Краба, я оставила его в покое. Но вскоре я нанесла ему ответный визит, прихватив с собой пластинку с записью написанной мной песни. Называлась эта песня «Меня нельзя сыграть на проигрывателе № 1».

Ахилл: Весьма необычное название. Это был подарок для Краба?

Черепаха: Совершенно верно. Я предложила прослушать подарок на новом фонографе, и Краб с радостью согласился доставить мне удовольствие. Он поставил пластинку на проигрыватель, но тот после первых же звуков начал

сильно вибрировать и с громким «трах!» рассыпался на множество мелких кусочков, усеявших всю комнату. Нужно ли говорить, что и пластинка оказалась сломанной.

Ахилл: Страшный удар для бедного Краба. А что случилось с его проигрывателем?

Черепаха: В действительности с проигрывателем ничего не случилось, решительно ничего. Просто он не смог воспроизвести те звуки, которые были записаны на принесенной мной пластинке, поскольку эти звуки должны были вызвать в проигрывателе сначала сильную вибрацию, а потом его разрушение.

Ахилл: Странно, не правда ли? Я хочу сказать, что тоже считал приобретение Краба Совершенным фонографом. В конце концов продавец утверждал, что выбранный Крабом фонограф совершенный.

Черепаха: Нельзя верить всему, что говорят продавцы, Ахилл. Разве вы столь же наивны, как Краб?

Ахилл: Краб гораздо наивнее меня. Я не первый день живу на свете и отлично знаю, что продавцы готовы пойти на любое прегрешение против истины, чтобы сбыть товар.

Черепаха: Но в таком случае вы можете вообразить такую ситуацию: продавец, у которого Краб купил свой проигрыватель, несколько преувеличил достоинства покупки, и Крабу, возможно, достался не столь уж Совершенный проигрыватель, который может воспроизводить далеко не все звуки.

Ахилл: Возможно, это объясняет случившееся. Но как объяснить удивительное совпадение, что именно на вашей пластинке оказались записанными те самые звуки...

Черепаха: Они оказались записанными на моей пластинке отнюдь не случайно. Прежде чем нанести Крабу ответный визит, я отправилась в тот магазин, где он купил свой проигрыватель, и установила, какой он модели. Затем я запросила у изготовителей сведения о конструкции проигрывателя. Получив ответ по почте, я проанализировала всю конструкцию фонографа и установила определенный набор звуков, обладавших тем свойством, что стоит воспроизвести любой из достаточно близких к ним звуков, как проигрыватель начинает сильно вибрировать и затем рассыпается на части.

Ахилл: Ну и мерзкий же вы тип! Можете не рассказывать мне, что было дальше: вы записали эти звуки на пластинку и коварно преподнесли ее в подарок ничего не подозревающему Крабу.

Черепаха: А вы неплохо соображаете! Но не стоит опережать события — история на этом не закончилась, потому что Краб ни за что не хотел верить в несовершенство своего проигрывателя. Он, знаете ли, отличается необычайным упрямством. Словом, он отправился в магазин и купил новый проигрыватель, еще дороже прежнего, и на этот раз продавец обещал Крабу вернуть стоимость покупки в двойном размере, если ему удастся обнаружить какой-нибудь звук, который не может быть воспроизведен на новом проигрывателе. Краб с энтузиазмом расписал мне достоинства своего нового приобретения, и я обещала ему как-нибудь зайти и полюбоваться на это чудо техники.

Ахилл: Если я заблуждаюсь, то поправьте меня. Держу пари, что, прежде чем явиться вторично в гости к Крабу, вы снова обратились с запросом к изготовителю проигрывателя, а затем сочинили и записали на пластинку новую песню «Меня нельзя сыграть на проигрывателе № 2», в основу которой положили полученные вами сведения о конструкции новой модели.

Черепаха: Блестящая дедукция, Ахилл! Вы просто в ударе!

Ахилл: Так что же случилось на этот раз?

Черепаха: Как вы и предполагали, во время моего второго визита к Крабу произошло то же, что и в первый раз: фонограф рассыпался на бесчисленные осколки, погибла и пластинка.

Ахилл: Следовательно, Краб, наконец убедился, что никакого Совершенного проигрывателя не существует.

Черепаха: Самое удивительное, что этого не произошло. Краб преисполнился убеждения, что следующая модель будет как нельзя лучше соответствовать представлению о Совершенном проигрывателе и, прихватив с собой вдвое большую сумму денег, он отправился...

Ахилл: Я кое-что придумал! Краб легко мог бы перехитрить вас, если бы купил проигрыватель более низкого класса, который не мог бы воспроизводить разрушающие его звуки. Этим он мог бы избежать вашего трюка.

Черепаха: Вы правы, но тогда Краб не достиг бы своей первоначально поставленной цели — стать обладателем фонографа, способного воспроизводить любой звук, даже если этот звук приводит к разрушению проигрывателя, что, разумеется, невозможно.

Ахилл: Это верно. Теперь я вижу, в чем состоит дилемма. Если какой-нибудь проигрыватель, например, Проигрыватель № X, достаточно высокого качества, то при попытке проиграть на нем пластинку с песней «Меня нельзя сыграть на проигрывателе № X» в нем возникает сильная вибрация, которая приводит к его разрушению... Следовательно, проигрыватель № X не может быть Совершенным проигрывателем. Если попытаться обойти трюк единственно возможным способом — приобрести в качестве проигрывателя № X проигрыватель более низкого класса, то он тем более не может считаться Совершенным проигрывателем. Насколько можно судить, каждый проигрыватель обладает одним из двух недостатков: он либо разрушается от сильной вибрации при воспроизведении определенных звуков, либо низкого класса. Следовательно, все проигрыватели — дефектные.

Черепаха: Не понимаю, почему вы называете проигрыватели «дефектными». Как бы не так! Существует простой и непреложный факт: от любого проигрывателя нельзя требовать, чтобы он мог выполнять все, что вам заблагорассудится. Если дефект в чем-то и кроется, то только *не в проигрывателях*, а в ваших надеждах на то, что проигрыватели могут выполнить то или это. Краб просто преисполнен таких несбыточных надежд.

Ахилл: Меня переполняет чувство сострадания к Крабу: независимо от того, будет ли проигрыватель высокого или низкого класса, Краб все равно оказывается в проигрыше.

Черепаха: Но позвольте мне продолжить свой рассказ. Мы с Крабом провели еще несколько раундов полюбившейся нам игры, и наш приятель стал проявлять признаки необычайной проницательности. Он тонко уловил основную идею того принципа, который был положен в основу моих песен, и направил по почте производителям проигрывателей описание звуковоспроизводящего устройства своей собственной конструкции, которое они и построили по его указаниям. Свое изобретение Краб назвал «Проигрыватель Омега». Это был несравненно более изощренный плод инженерной мысли, чем любой обычный проигрыватель.

Ахилл: Разрешите мне высказать несколько догадок относительно устройства «Проигрывателя Омега». В нем не было движущихся частей? Он был весь сделан из хлопка? Может быть...

Черепаха: Может быть, мне лучше все же продолжить мой рассказ. Это позволит нам сэкономить время. Начать хотя бы с того, что в «Проигрыватель Омега» была вмонтирована телевизионная камера, предназначенная для считывания любой записи перед ее воспроизведением. Эта камера была присоединена к миниатюрному компьютеру, который по звуковым бороздкам на пластинке определял характер звучания.

Ахилл: Все это просто великолепно! А что, скажите на милость, «Проигрыватель Омега» делал со всей этой информацией?

Черепаха: С помощью сложных вычислений вмонтированный в проигрыватель миникомпьютер определял, какое действие производят на конструкцию записанные на пластинке звуки. Если оказывалось, что эти звуки могут разрушить проигрыватель в том виде, в каком он существует, то производилась необычайно хитроумная операция. Специальное устройство разбирало старый проигрыватель на крупные блоки и соединяло их по-новому. Таким образом, «Проигрыватель Омега» по существу мог изменять свою собственную конструкцию. Если звуки угрожали целостности старой конструкции, устройство выбирало новую конфигурацию блоков, для которой те же звуки были безопасными, и под руководством миникомпьютеров собирало из блоков новый проигрыватель. И только после того, как перестроение заканчивалось, «Проигрыватель Омега» был готов к воспроизведению звукозаписи.

Ахилл: Ага! Должно быть, это положило конец вашим трюкам. Держу пари, что вы были слегка разочарованы.

Черепаха: Любопытно, что вы так думаете. Я, конечно, не предполагала, что вы знаете Теорему Геделя о Неполноте вдоль и поперек. Вам приходилось слышать о такой теореме?

Ахилл: *Чья* теорема вдоль и поперек? Я никогда не слыхивал ни о чем подобном. Не сомневаюсь, что это поистине замечательная теорема, но мне хотелось бы услышать что-нибудь еще о «музыке, от которой ломаются пластинки». История, которую вы мне поведали, действительно забавна. Думаю, я догадался, чем все кончилось. Продолжать игру с Крабом

2*

не имело смысла, и вы робко признали свое поражение. Разве все было не так?

Черепаха: Ох уже полночь! Боюсь, что мне пора спать. Мне бы очень хотелось продолжить нашу беседу, но я просто засыпаю на ходу.

Ахилл: Я тоже. Мне пора домой. (*Направляется к двери, но на пороге внезапно останавливается и поворачивается.*) Да, я совсем забыл! У меня для вас есть скромный подарок. Вот он. (*Протягивает Черепахе небольшой, тщательно упакованный сверток.*)

Черепаха: Ну к чему это? Огромное вам спасибо! Вы не возражаете, если я его вскрою? (*Торопливо развертывает упаковку и обнаруживает внутри стеклянный бокал.*) Какой великолепный бокал! Откуда вы знаете, что я просто помешана на стеклянных бокалах?

Ахилл: Не имел ни малейшего представления. Просто счастливое совпадение!

Черепаха: Если вы умеете хранить тайну, то я шепну вам по секрету: я давно занимаюсь поиском Совершенного бокала, безупречного по форме, без малейшего изъяна. Вот было бы здорово, если бы ваш бокал (обозначим его буквой G) оказался таким Совершенным бокалом. Скажите, а как вам удалось найти бокал G?

Ахилл: Прошу извинить, но это мой маленький секрет. Может быть, вам будет интересно узнать, кто его изготовил?

Черепаха: Чрезвычайно интересно!

Ахилл: Приходилось ли вам когда-нибудь слышать об искусном стеклодуве Иоганне Себастьяне Бахе? Собственно говоря, как стеклодув он не был особенно известен. Бах любил изготовлять на досуге стеклянные бокалы, но об этом мало кто знал. Бокал, который я вам преподнес,— последний из тех, что он выдул.

Черепаха: Это действительно последний изготовленный Бахом бокал? Великий Боже! Если бокал действительно вышел из стеклодувной мастерской Баха, то ему же цены нет! Но откуда у вас такая уверенность, что бокал изготовлен Бахом?

Ахилл: Взгляните на подпись, идущую вдоль ободка внутри бокала. Вы видите выгравированные буквы: B, A, C, H?

Черепаха: Конечно, вижу! Какая необычная вещь! (Осторожно ставит бокал G на полку.) Кстати, знаете ли вы, что каждая из букв в фамилии Bах означает одну из нот?

Ахилл: Как это может быть? Ведь ноты принято обозначать буквами латинского алфавита от A (ля) до G (соль)?

Черепаха: Вы совершенно правы: в большинстве стран ноты принято обозначать именно так, как вы говорите. И в Германии, на родине Баха, ноты принято обозначать так же, но с одним-единственным исключением: когда мы пишем «B» (си), немцы пишут «H», а то, что мы обозначаем «B-бемоль», немцы обозначают просто «B». Например, мы говорим о «Мессе си-минор» (B minor) Баха, а немцы толкуют о «H-moll Messe». Понятно?

Ахилл: Гм.. Кажется, понятно. Путаница в обозначениях немного сбивает с толку: «H» — это «B», а «B» — это «B-бемоль». Но тогда фамилия Баха в действительности таит в себе мелодию.

Черепаха: Странно, но факт. В действительности Бах очень тонко ввел эту мелодию в одно из своих самых сложных музыкальных произведений — в финальный «Контрапункт» своего «Искусства фуги». Это была последняя из когда-либо написанных Бахом фуг. Когда я услышала ее в первый раз, мне трудно было представить, чем она кончится. Фуга оборвалась неожиданно, так сказать, без всякого предупреждения. А затем... затем наступила мертвая тишина. Я сразу поняла, что в этот момент Бах умер. Стало невыносимо грустно, и я едва не разлетелась вдребезги. Как бы то ни было, B-A-C-H — последняя тема той фуги. Она запрятана внутрь пьесы. Бах не обозначил ее в явном виде, но если вы захотите разузнать о ней подробнее, то найдете ее без особого труда. Существует столько хитроумнейших способов спрятать что-нибудь в музыке...

Ахилл: ...или в стихах. Вы знаете, поэты часто проделывают нечто подобное (хотя в наше время такие забавы вышли из моды). Например, Льюис Кэрролл частенько прятал слова и имена в первых буквах строк своих стихотворений. Такие стихи, в первых буквах которых скрыты какие-то слова, называются *акростихами.*

Черепаха: Бах также время от времени сочинял акростихи, что, неудивительно. Ведь контрапункт и акростих при всех различиях в уровне, на котором в них нечто скрыто, имеют и нечто общее. Но обычно акростихи представляют собой тайник с одним дном. А что мешает создать акростих с двойным дном — акростих в акростихе — или придумать контракростих, в котором первые буквы открывали бы скрытое в них слово, только если читать их в обратном порядке — от конца к началу. Подумать только, какие неисчерпаемые возможности таятся в форме! Кроме того, искусство акростиха — достояние не только поэтов. Создавать акростихи могут все, даже диалогики.

Ахилл: Диалогики? Это что-то новое!

Черепаха: Я сказала: «диалогики». Так я называю тех, кто сочиняет диалоги... Знаете, мне только что пришла в голову одна идея. Маловероятно, чтобы какой-нибудь диалогик написал контрапунктный акростих в честь Иогана Себастьяна Баха. А что если он скрыл *свое, собственное* имя в акростихе или в имени Баха? Впрочем, стоит ли ломать голову над такими пустяками? Всякий, кому захочется сочинить акростих, может сделать это, как ему больше нравится. Но вернемся к мелодическому имени Баха. Знаете ли вы, что мелодия B-A-C-H, если ее играть сверху вниз и от конца к началу, звучит так же, как исходная мелодия?

Ахилл: Как можно играть что-нибудь сверху вниз? Играть от конца к началу — это еще я могу понять: у вас получится мелодия H-C-A-B, но сверху вниз? По-видимому, вы просто разыгрываете меня.

Черепаха: Вот уж не знала, что у вас критический склад ума. Хорошо, попытаюсь вам продемонстрировать, что я имела в виду. Позвольте я схожу за своей скрипкой... *(выходит в соседнюю комнату и через мгновенье возвращается со старинной скрипкой).* И я сыграю для вас вперед, назад, по-всякому. Так, готово... *(Ставит перед собой на пюпитр «Искусство фуги» и открывает ноты на последней странице).* ...Вот последний «Контрапункт», а вот и последняя тема...

Черепаха начинает играть B-A-C-... *Но как только ее смычок пытается извлечь ноту* «H», *раздается резкий звук, и внезапно скрипка умолкает. Черепаха и Ахилл оглядываются как раз вовремя, чтобы увидеть мириады мельчайших осколков, падающих на пол с той полки, где за мгновение до того стоял бокал G. Наступает мертвая тишина.*

Эпилог

Знакомство с книгой Дугласа Р. Хофштадтера можно было бы продолжить и дальше, но это вряд ли целесообразно: ощущение скуки, которое при этом, возможно, возникнет, читатель отнесет к книге Хофштадтера, тогда как вызвано оно исключительно пересказом.

Еще одно замечание, почти постскриптум.

Как вы, вероятно, помните, мы в самом начале упоминали о том, что счастливый читатель может обнаружить книгу Хофштадтера в *иностранном* отделе библиотеки. Тщетно стали бы мы искать ее в русском отделе: книга Хофштадтера, которой зачитывались многие, на русский язык до сих пор не переведена. Одни из тех, от кого судьба перевода зависела в 1979 году, сочли ее «какой-то не такой», другим она показалась «слишком толстой», третьим... Впрочем, стоит ли приводить все «аргументы», единственное назначение которых — обосновать невозможность и даже нежелательность выхода этой книги (*той самой*).

«Что же делать читателям, которые не знают английского языка?» — спросите вы. «Конечно, выучить язык для начала, — ответим мы. — Знания эти заведомо пригодятся, даже если вам не повезет, и вы не сможете найти книгу Хофштадтера. Если же повезет, и вы прочитаете ее в подлиннике, то сможете оценить, почему вас с такой настойчивостью приглашали «на Хофштадтера». Наконец, если в необозримом будущем книга выйдет в русском переводе, то не премините воспользоваться случаем и прочитать первые, самые простенькие диалоги *самому младшему* члену семьи, тем самым заронив в его ум мудреца семена, которые могут дать *самые неожиданные* всходы!»

Прощальная запись

Что менее всего освоено в нашем минувшем?

События, факты постепенно всплывают, все более различимы персонажи истории с их причудливым хитросплетением жизненных путей, характеров и судеб. Воссоздается многослойность бытия.

А социальная память, а неограниченное пространство сознания, таящее бездны подсознания? Не остаются ли все еще спрессованным глиноземом, трудно впускающим в себя живительную влагу, ростки и побеги, способные своей корневой системой преодолеть однородность единомыслия? Какой разрыхлитель поможет разным — диким и культурным семенам — взращивать, воссоздавать несхожие картины прошлого, возвращая прошлому утраченную альтернативность, плодоносящую неожиданными будущими мирами?

В поисках подобного разрыхлителя мы обратимся к опытам особого рода. Вслушаемся в тональность, строй речи, в обращения людей разных поколений и профессий — к самим себе. Приобщимся к мыслям и чувствам, что мечутся в лабиринтах безысходности, ищут себе оправдания, судят себя судом беспощадным. В исповедях, далеких от трибунной обиженности и громозвучия, быть может обретем упущенные интонационные пласты и столь необходимое ныне разнообразие.

Слово — московскому историку Михаилу Яковлевичу ГЕФТЕРУ.

Директору Института всеобщей истории
академику Е. М. Жукову

Ввиду оформления пенсии прошу не считать меня с 21 мая 1976 года сотрудником Института.

М. Гефтер

Полностью этот текст опубликован в книге М. Гефтера «Из тех и этих лет», Москва, «Прогресс», 1991 год (тираж 10 000 экз.).

Время подвести черту. И начать сызнова?

Все перемешалось, давно и безнадежно перемешалось в нашем доме. Смешно жалеть об этом. Перемешалось — значит сдвинулось с насиженных мест. Сдвинули старую мебель, а под ней — мусор, на линялых обоях не тронутые временем куски. Смотришь на эти обнажившиеся места с грустью (молодость!) и недоумением (сохранились, а к чему?!)

Вот и чеховский Гаев в свои восьмидесятые говаривал, вероятно, что-то сродни мечтам вслух девятисотника Пети. Но Гаева уже не слушают, ибо не верят. Что остается? «Дуплет в угол... Круазе в середину...» И это — **в глубоком раздумье**. Деваться некуда: — в банк, служить. Не станешь же в старости вечным студентом, не переворачивать же мир в собственном воображении и с изорванными калошами на ногах. А восьмидесятнику Чехову если что и внушает надежду, то именно это: не неприкаянность, не отщепенство юных — их бескорыстие, бескорыстная вера в то, что будущее будет и потому не навсегда оно, особое рабство безвременья.

Слова наивны, даже нелепы. Но калоши...

Не служить — у нас новинка, считанные годы. Тоже примета сдвинутости, распада. Рядом — отставной козы барабанщик и «лишние» — за счет благополучных родителей либо неблагополучного государства. А от него не уйдешь. То есть можно уйти — с его ж дозволения. Еще одна странность, страннее прочих. Исключение, какое не просто подтверждает правило, а являет его. Его незыблемость и его абсурд. Абсурд растворения судеб в вездесущей власти, ею же удерживаемый и подновляемый: отсечениями, выбросами и... соблазнами быть отторгнутым, выброшенным («туда», в благоденствующее запределье). *Привилегия*, что и говорить, — *привилегия*, которую если и отклоняешь, то в силу ли инерции раз заведенной жизни или все-таки следуя долгу, совершая выбор?

Однако если долг, то перед кем, собственно? Перед собой, близкими, похожими на тебя, либо перед всеми — и теми, кому нет дела сегодня (и только ли сегодня?) до этого выбора, кто, не дрогнув, использовал бы привилегию, достанься она ему, кому вообще наплевать на твои метания и отчаяние? Ежели и руководит дарующим «выбор» *нечто* сверх запутанность в делах (дожил до конца года, и хорошо), то это *нечто* не в последней мере расчет на полуживотную и вовсе звериную ненависть к «праздным умникам», на ущемленный «сверхдержавный» комплекс, на подхлеснутый свыше комплот отчужденных: вместе, согласно расчету, они не сильнее, а слабее — в качестве изгоев, без почвы дома и на чужбине, без почвы вообще, навсегда...

Вечная как мир коллизия. Из исконных российских и совсем новая: не только обличьем своим, но и как таковая — возможностью заново выбирать удел, судьбу. Не ту, что изучали и почитали с детских лет, не ту, что, неузнанная, сопутствовала нашей юности (теперь прочли, потряслись). И даже не ту, что грезилась в шестидесятые, с их вензелем: «XX съезд». Впрочем, разве тогда, в том зачине, о судьбе шла речь? Судьба заявилась позже, когда обещанное, начатое крушением идола, рвущееся в «другую жизнь», оказалось неисполнимым, пустословным, обманным и если не полным возвратом вспять, то уже более невыносимым, чем оставленное позади (ужас! величие!).

Сегодня они снова сроднились — выбор и судьба. Потянувшись к одному, открываешь дверь другой.

Ты готов? Ты в силах?

Не узнаешь наперед. Риск. Но одним ли собою рискуешь? Вопрос из тех, что подстрекают выждать, осмотреться. Софизм отсрочки? Нет, тут в личное вмешаны и прошлое и будущее, которые ни в чьей метрике, никому в отдельности не принадлежат. С ними как?

Выбирая прошлое, выбираешь будущее. И наоборот. Непременно — и наоборот!

Так каков же он, этот нынешний наш двуединый, двуликий выбор? Если не только — где жить, на что жить. Дорог, может, и больше трех, но куда ведут и не заведут ли — все — в тупик?

Тех же, шестидесятых, наследие-призрак: спущенная «сверху» демократия или — меньше, скромнее — либерализация. Казалось бы, доступна. Именно потому, что пожалована. Ведь и тем, кто дарует, она тоже не без выгоды. Есть ведь и среди них обеспокоенные, заинтересованные, на пороге — молодые, куда более прирученные к цивилизации. Шаг, еще шаг и... Не получается. С каждым днем очевиднее, что не получается. Стена. Правда, уже не сплошная, но стена.

И трудно разглядеть, что за ней — простор, земля обетованная или другая стена, глуше прежней?

Афоризм из расхожих: благими намерениями вымощена дорога в ад. Уже давно не откровение, простая присказка. Кто произносит с печалью, кто (чаще) с презрением. А отчего? Лучше без них — без благих? Поможет ли: размостить дорогу, что в ад, и камнями — в тех, «кому больше всех надо», и в тех, кто бы рад малому, но хочет сам добыть его, свое малое?

Всю дорогу — в камни. Все камни — в тех и в других. А за вычетом одержимых и за вычетом прикипевших к своему малому, кто останется?

Правильные, держатели истины. Не благой, не добренькой — безжалостной, поскольку истина... Даже если не азбука политграмоты: не перст указующий, не благостная «золотая середина», если даже — **истина проблемы**, то одна ли?

А если не одна для всех, не одна на всех, то истина ли?

Камень — бумеранг. Посылается с уверенностью — в себе, в знании того, что нужно и чего не нужно. Возвращается же сомнением, и уже не в себе одном. Возвращается утратой веры в Завтра. В не-сегодня. В иное. Быть ли ему, а если быть (иначе и говорить вроде не о чем), то откуда придет, откуда может прийти?

Не знаем. Знали и «забыли». Отчего? Не самое ли время спросить: отчего?

Без этого особенного не-знания ни к чему и выбор. А он вечен? Как появился «сапиенс», так вместе они, человек и выбор? Или иначе — выбор позже? Мятежом против заданности — той, что в людях. Отрицанием, без которого не быть и преемственности. Отказом, без которого не возникнуть наследству.

Выбор. Рожденный одиночеством и тем в человеке, что сильнее всего влечет его к другим, минуя барьеры, пределы, границы. То «чужое», что не меньше свое, чем «свое». Не меньше, а то и больше. Больше!

Свобода, какая не псевдо-. Братство, какое не по крови. Равенство, которое в мировой жизни — краткий миг, но в памяти — навсегда.

Псевдоним истории и оспориватель ее. Да и что такое история, как не движение. Выбора, пересоздающего и самое себя? Не сплошняк (каждый день будто исторический, а уж каждый «съезд», каждый «вождь»... к этому-то приучены лучше прочих и многих прочих одарили).

Не в любой момент — Выбор, но и не по графику. А внезапность, выстраивающая себе пролог-пьедестал. От взорванной заданности — к новой, «вторичной», «третичной». Вечный двигатель? Исключено. Где-то быть финалу.

Не его ли предчувствуем? Не его ли мы, нынешние, и «не знаем»?

Первое, что помню без взрослой подсказки, первое из такого, что только мое.

Ранним утром выхожу на балкон — и необъяснимое, переполняющее душу чувство. Как обозначить его сейчас, чтобы сохранить то?.. Прохлада. Чистый, сладкий крымский воздух. Прекрасен он. Он один. Ничего другого вообще на свете нет.

То переживание сквозь всю жизнь. И самые счастливые часы, минуты — повторяющие, продлевающие первое. Прохладный, чистый, сладкий воздух. Легкость. От легкости — счастье.

Все мгновения эти — наперечет. Чем дальше, тем реже. И даже не реже. Тут другое. Те, прежние, прерывали будни, но не разрывали их, отнимая смысл у остального. Теперь и они, счастливые минуты, — вызов прежнему смыслу.

А может, это он, именно он — обуза? И проще его скинуть, от него освободиться. Разъять на смыслы — частные, частностью честные: непритворные, исполнимые. Ими-то и облегчить себе существование — чего бы лучше. Но вернуть ли легкость, счастье от легкости?

Легкость — ощущение целого, где нет распаханной полосы: вне человека и внутри него.

Счастье — слияние с открывшимся еще в детстве, со свободно вошедшим в меня миром. Я и Он — равные. Пусть на мгновение, но равные.

Большего, кажется, и не надо...

Навстречу — из детства же.

Мама как-то о себе — выпускной гимназистке, год (если не сбился) 1910: вышла на улицу, тихую ночную херсонскую улицу, всмотрелась в звезды, подумала: что будет с ней, с другими в 1930?..

Эту дату запомнил точно: круглая, близкая, уже моя. Вспоминаю же — сейчас — без подтекста. И даже не на тему: люди предполагают, жизнь располагает. Просто... вспоминаю маму, одинокую (я да бабушка), без раздражений и отчаяния переносившую тяготы — и даже не ради единственного, кого родила; «ради» — это уже позиция, кредо, у нее ж и намека на это не было, даже грусти.

А мы не можем. Что поделаешь — другая жизнь и другой Мир. «Мы хуже, потому как он хуже». Верное вперемежку с игрой. Ибо: он, Мир, тот, что рядом, и тот, что глобус, — хуже нами. Но ведь не просто хуже и не только хуже. Он другой. Разительно другой. И мы — вместе с ним.

Другие, а загоняем себя в гетто вчерашних слов, уставов, запретов и допущений. Мало что себя — и следующих норовим загнать туда же. Страшная сила — устаревшее слово. Жалкие люди — устаревшие словами. И вдобавок уверенные, что быть не может иных. Не уходить же им — *нам* — безъязыкими, паралитиками без инсульта.

Маме, хочется верить, было легче. Но что я знаю о ней? Много меньше, чем мои сыновья обо мне, хотя и они — не всё. О чем думала она — днями, годами, всю жизнь? И в тот последний миг перед... не расстрелом, не казнью.

Нет слов. На это — нет слов. Все старое насмарку. Один крик. А что выкричишь им?

Славный девятнадцатый век, выдержал ли бы ты?

«Хорошо там, где нас нет. А я думаю, что и там плохо». Это Герцен, русский эллин, маг слышимой мысли.

Любил жизнь. Любил себя. Был любим, был почитаем. Вглядывался во всех, кто тронулся с места, кто небезнадежен. Равнялся на «хор» — и выше всего ценил свободу слова, независимость личности. Был убежден и убеждал других, что там, где **концы**, там ищи **начала**. Этим смирял себя, не покоряясь никому — прежним ли московским друзьям, новым ли людям. Ушел нестарым по нынешним меркам, умер от банального воспаления легких — и от придвинувшегося вплотную, уже неодолимого одиночества. Отвык от него, не совладел с ним, вновь пришедшим.

«На всем след ошибки». Герценовская эпитафия. Адресованная себе. И — нам.

Но мы пока живы. Единицы, сохранившиеся из выбитого поколения, нужны ли мы следующим? А если нужны, то чем?

Выбор — встреча.

Кого с кем? Потомков с предками. Тех, кто ищет, — с ищущими? Или шире: всех обеспокоенных — друг с другом?

Без парадной залы, без списка наперед допущенных. Правда, есть недопускающие — «кого-то» и в итоге всех.

Что же делать сегодня ищущим, обеспокоенным? «Карфаген должен быть разрушен». Трудно, если дословно. Табу. Мужицкий Рим спасал себя (и других[1]), не зная еще, что ждет его и им спасаемых. Мы же — в ядерном Мире — в силах, спасаясь от собственной державы, ненароком погубить всех и вся.

Тогда что: уберечь отвергаемую? А если с нашего несогласного согласия останется Карфагеном, то ради чего жить — в нем, им?

Сомнение старое, сценарий новый. Выбор — пустой звук, если он не начало. А начало? Тоже пустой звук, если не переначать себя. Но чем и где начинается этот непреклонный предвыбор? *Где и чем* — разведенные в стороны столь далекие, что, сдается, уже не соединить их.

...Легче начать в одиночку. Есть время обдумать и есть надежда, что ничто «постороннее» не принудит к тому, к чему не пришел своим чередом. Легче и тяжелее. Ибо можно и потерять себя. Потерять самым что ни на есть благородным и красноречивым образом: открещиваясь, отмежевываясь, пополняя свой лексикон словами, что не сходят с уст ожесточившихся молодых и тех из отцов, которые не хотят оказаться в памятной тургеневской ситуации.

Но мы ведь не братья Кирсановы. Вроде бы заведомо (возраст, родословная) не рабовладельцы. Не собирали бабочек в собственном парке.Так что же вяжет нам мысль и речь?

Нам — нашему поколению, обломкам его. Боязнь признать себя банкротами? Естественное право человека увидеть, уходя, свою жизнь ненапрасной, тем паче, когда она вся в шрамах, кровоподтеках, не отделимых от того в былом, что принято именовать «звездными часами»?

А впрямь ли — *звездные*? Не самообман ли — из самых горьких?

И что же — цыц, молодые, цыц, отвергающие с порога?

Смешно. Смешно, по самой простой, непререкаемой причине: им — жить, нам — уходить. И некого любить, кроме них. Надо договориться. На каком же языке «договор»? Их? Наше? Слитном? На новом эсперанто? Тоже не выйдет. Остается одно, встреча, где в переводчиках Время. Встреча-спор. Спор равных, равный спор. Спор, а не диспут с регламентом, обязывающим каждого предполагать, что иной взгляд столь же правомерен, как и его собственный... Но лишь до той минуты, когда раскроются уста. Нет, диалог, если неподдельный, — всегда дебют. Как ни репетируй, готовым не будешь. И спазмы в горле от воспоминаний. И потеря речи — в разгар спора. А может, наш дебют на прощание, именно он, и только он, убедит молодых больше, чем что-либо другое?

...С ними, но оставаясь собою! Заново обретая детей, но не ценой утраты себя!

Малый ли срок прошел, чтобы сказать мозгу: откройся, чтобы заговорить нечужими словами, понятиями, смыслами. Пора, давно пора. Наше дело — говорить. Заново учиться говорить. Учиться и учить друг друга.

И тогда если не проще, не веселее (откуда ее взять — веселость?), то бодрее. Всяким утром — себе: твой день впереди, так скорее начни его, полнее наполни: удачным словом, пойманной мыслью, добытым фактом. И пенсия твоя всего лишь план без планкарты...

Неужто не хватит этого на остаток дней?

Перехлестнувшиеся, смотрящиеся друг на друга знаки времени...

Торжок.

Распределитель для раненых, куда привезли поздно вечером. Лежим на полу, на соломе. После тяжелой дороги (весна, грузовики — по бревнам) спать невозможно. Всю ночь говорим с соседом. Не вижу лица, помню только голос — глуховатый, мягкий, неторопливый. Рассказ о войне (был он под самым Витебском в феврале 1942, новость для меня), но больше — о жизни **до**.

Не помню, что говорил я, да и говорил ли, или вопреки привычке только слушал его. Весь его рассказ, в котором каждая деталь — со вкусом, с особым толком. Он краснодеревщик, где-то служил, но любимейшую работу делал дома. Не торопился кончать, не спешил отдавать заказчику. «Поставлю — и смотрю, любуюсь...» Нет у меня дара-слуха, чтобы воспроизвести все интонации его, но голос, которым произнес: «Если бы ты знал, как хорошо я жил», — звучит в памяти звук в звук.

Его ли, в Торжке, вспоминаю или свое воспоминание, застрявшее, но не утрамбовавшееся? Не зависть это была и не умиление, что-то вовсе другое: скорее прикосновение к чувству, которого у себя не знал, которым обделен.

«Если бы ты знал, как хорошо я жил». А мне, уже прожившему жизнь, что мешает так сказать?

Между мною и им — клок соломы, и оба рядовые — были, есть (жив ли он?), и ни превосходства задним числом, ни самоумаления, а сказать то же самое не могу. Не могу...

* * *

Этот день не забыть.

Сейчас я думаю, что он был просто необходим, что ради него-то я и приехал под Ригу той осенью 1975, чтоб побыть наедине со своими тревогами, горечью от недавнего поражения, мыслями о предстоящем.

То, что вызрело внутри, вероятно, не смогло б дорешиться в буднях. Дорешилось тут. В Саласпилсе.

...Я ошибся дорогой, вышел из поезда двумя станциями позже и шел пешком. Долго, один.

После нескольких дождливых дней распогодилось. Солнце, прохлада. Дорога шла вдоль убранных полей. Хуторок в купе деревьев, рядом поле, затем снова такой же хуторок. Со всех сторон, вблизи и вдали, — лес. Скромно выкрашенный в осенние цвета — без багрянца, лишь оттенки желтого. Тихо. Чистое, без единого облачка небо. Чистые поля. Земля ухоженная... Место для жизни без перемен и потрясений. Кажется, ее и нет другой; только такая, какая здесь, была и будет. Без московского мельтешения, без слов, которые там не сходят с уст. Разрядка, «революция гвоздик», Голланские высоты — здесь просто лишние. Если произнести это вслух, они подымутся, как упущенные детские шарики, ветром уносимые к солнцу.

Переезд. Аккуратная железнодорожная будка. Свежепокрашенный шлагбаум. Я шел не оттуда, откуда приезжают на экскурсионных автобусах, и потому не встретил

стрелок, надписей. Просто ступил на мощенную гравием, посыпанную песком дорогу — с каменными плитами по сторонам.

Дорогу эту сделали люди-скелеты, узникн Саласпилса. О том, что за дорога, я узнаю по спешившим, идущнм впереди женщинам и мужчинам. Все с непокрытой головой.

А затем — обвал.

На том месте, где сто тысяч отстрадали за всех, кто был и будет, за Землю и Вселенную, с вами начинает говорить чудо, известное только людям,— искусство.

Лишь оно может и только оно вправе говорить здесь. Но чем должно быть для этого оно само?

Тем, что сделали семеро — четверо архитекторов и трое скульпторов. Это вообще не искусство. Это — искупление.

...Одним краем приподнятая, будто огромным домкратом вздыблена — бетонная стена. Вход, сообщающий нам своим давящим и торжественным обличьем: только для вас это еще и выход. Другого, запасного,— нет. Только этот.

Двадцать три десятнны. Считанное время иужно, чтобы все обойти раз, другой, третий. Как же здесь существовало множество тех, кто как и мы, в привычной жизни ценил удобства, тянулся к радостям, умел и хотел любить?

Сосенки с двух сторон посажены узниками. То там, то здесь кусты вереска и шиповника. Их не выращивали. Они выросли сами на руинах бывшего лагеря: единственное, что застали на этом поле люди, которых привела сюда память.

Двадцать три десятнны. Разделенные на внутреннюю и внешнюю части дорогой-петлей — такой же, какой она была в лагере. Сейчас гравий неподвижен. Узники же с утра до ночи переносили его с одной стороны на другую. Это было кем-то придумано, внесено в реестр, аккуратно соблюдалось, как и все остальное, известное по книгам и фильмам, но здесь зримое — до галлюцинации.

И начисто исключенное: не небом, не теплом солнца, не живописью леса, а миром, заново сотворенным людьми. Здесь — на этих десятинах — и сотворенным.

Злодейство и гений — два полюса, и оба человеческие, оба «искусственные». Оба! Всякая попытка смягчить эту истину, смазать ее любыми словами ложна, опасна. Да конца я понял это здесь.

Мне это сказали семеро — языком, в котором нет ничего лишнего, а есть великое чувство меры. Как догадались они, что безмерность была бы тут кощунственной?

Шесть фигур. Четыре группы. Не каменные истуканы, поражающие величиной, уродством голой абстракции. Люди. Ж и в ы е м е р т в ы е. Здесь дышит бетон. Он вобрал всех — и он портретен, несхожестью с прежней жизнью и общностью судеб.

Это жизнь памяти.

...Слева — направо. Изваяние девушки. Не нужно путеводителя, чтобы опознать ее. Изгиб шеи, движение тела красноречивей рассказа. Она кажется громадным медальоном. Как назвать ее? Грация, стыдливость? Но вот мы рядом. Лицом к лицу. Это не плач — стенание. Руки, приподнятые даже не ради защиты, — отодвинуть бы на миг страшное. И глаза, говорящие: надежды нет.

Нет надежды — для нее, для таких, как она. И ни для кого на свете.

Сколько веков этому слову «надежда»? В нем — самая суть человека. Не сила, а слабость выделила его из мира живого. Слабость, которую возместил он тем, чего еще не было, тем, что он вообразил: уверил себя, что **сможет.** Надежда шла рядом со знанием и уменнем и вырывалась вперед, возвышаясь над миром добытого, освоенного. Несбыточное одухотворяло — и оно же обрекало на муки.

Исконная пара: торжество и падение. Трагедия самоутверждения, трагедия самоутраты человека (не врозь — вместе!).

Но все лагеря смерти на Земле — уже вне трагедии. Они за пределами ее. Ибо трагедия — это осознание гибели, предшествующее гибели. Это — **действие** предугадывания, предупреждения. Это вызов. Гибнущий раздвигает собою границы невозможного. И тогда сызнова начинается жизнь: доступная уже не одному — всем.

Начиналась до Саласпилсов. На этом поле ие отпускает неизвестность: что добыто теми, кто явил здесь весь XX век — от его истоков, которыми предрешен Конец. Предрешен, но вместе с тем и отодвинут — лишь на время или навсегда?

Это наш вопрос. Мы уходили от него — и забвением, и расхожим «судом истории». Теперь от этого вопроса уйти нельзя. Не даст.

...Снова и снова — по саласпилскому кругу. Скороговорка гидов, перебор родословных, любопытство смотрящих: кого было больше тут? Евреев? Всех остальных? Простое, однозначное — братство обреченных — не вмещается в вопросы, ускользает от ответа. Но

там, где пасует сиюминутность, берут слово бетон и ваятель. Это они оспаривают «гены».

От кого к кому — мученичество? От кого к кому — сопротивление? Дословность — тайна. У четырех, что в центре,— имена многих. Двое, как бы слившиеся в одного,— обессилевший прижался всем телом к собрату-спасителю (падавших от истощения убивали на месте...) Сбоку — узник с булыжниками в руках, одна рука на весу, другую поднял вверх. Предваряя ли каждосуточный ритуал перекладывания, удел мощения дороги в никуда, или готовясь к скоротечной смерти — мятежу? Не подтверждая и не отклоняя — тот, кто шагом вперед: торс и лик «Рот фронта».

Что говорит этот человек-символ, этот сжатый кулак, этот зов и обет («И если гром великий грянет над сворой псов и палачей...»),— что говорит он людям, зачатым в пятидесятые, в шестидесятые? Хожу и думаю о разомкнутой цепи. Понимаю, что иному не быть, понимаю — и отказываюсь от того, что принимаю за неизбежное, заслуженное нами. Может, потому и не ухожу отсюда, что дожидаюсь, чтобы кто-то сказал мне: нет. Не навсегда разомкнулась эта цепь. Еще сомкнется.

...Далекое, книжное, мудрое: выше надежды — Надежда. Парадокс? Мираж?

Но вот она. Здесь. Всмотрись. Хорда — от Девушки, начннающей круг, к Замыкающему. Кто это? Что сумеет добавить это существо к уже произнесенному — без звука? В первый момент, когда подходишь сзади, в нем трудно угадать человека. Ящер, чревоземный? Нет, человек. Распластанный, ноги уже не оторвать от земли. Человек! Последнее усилие — чтобы, упершись руками, поднять голову. Поднять, удержать!

...Не было б чуда Саласпилса, чуда искупления, если бы не он — Замыкающий. Это он сделал **вход без выхода** выходом для тех, кто остался жив.

Для нас.

Для меня.

...«И, спотыкаясь, мертвый воздух ем, и разлетаются грачи в горячке — а я за ними ахаю, крича в какой-то мерзлый, деревянный короб: «Читателя! Советчика! Врача! На лестнице колючей разговора б!»

Осип Мандельштам. Год 1937.

Далеко ли ушли? Или наваждению этому разрешено посещать лишь поэтов? Занятие же историей — все-таки ученая проза, защищающая от избытков субъективности, от непрошеных вторжений злобы, от мук заброшенности, отгороженности.

История — «точная наука». Поелику способна «использовать законы развития общества для практического применения», притом такого именно, какое сулит «лучшее будущее человечества». «Краткий курс». Без сомнения, рукою Сталина. Год 1938, год распятого Мандельштама.

Полюсы — люди. Мысли — полюсы. Намертво сцепленные, исключающие друг друга.

А сегодня? Та сценка вроде не к смерти уже, может, и полюсы уступчивей? Нет, скорее, что-то срединное, что-то похожее на сделку между разнесенными в стороны осьмушками правды.

Так не в один присест ведь... Не в один, ие в один, но одному, начальному, себя б до себя дотянуть. Обновив **применение,** либо его, прежде всего другого,— под откос?

Смыслом переболевши. «Детским» вопросом: ныне — к чему та история, что пишется, какую учат? Утешать или заново взбадривать? Человеческие гибели оправдывая сохранением рода человеческого или в меру сил своих его оберегать — от все более опасных приступов финалистской горячки?

«На лестнице колючей разговора б!»

Память хватко держит самые драматичные, непредугаданно «парные» из наших домашних коллизий. Бородинское поле и кронверк Петропавловской крепости, 19 февраля и Екатерининский канал, крестный ход с побоищем, учиненные Георгием Гапоном вместе с Николаем Романовым, и за все долгая расплата: монархией, февральской свободой, октябрьским равенством...

Недостача в «предпосылках» — и избыток в блужданиях. «Моменты истины» — и могилы братоубийц. Не было бы иступленно ищущего духа, откуда бы взяться оборотням его, высасывающим кровь из живых?

Труднее трудного — ухватить целое. Движение целого. В людях, конечно, ибо какая ж история, если безлюдна. Но еще два действующих «лица» не упустить бы из виду: *Пространство* и *Время*. Пространство — российское, которое заведомо не страна, но и империей не исчерпывается. А если империей, то той — особенной, что, доставшись

XX веку, не в силах уйти, не прихватив с собою этот век. А Время? Оно и есть время, потребное для такого ухода, когда **не от нуля, но — с начала.**

Сегодня это — само собою. Так оно только и должно быть. Но не проглядеть бы, как пришло: не от нуля, но с начала. Как возникло некогда, как уходило и возвращалось. И не непременно большаком, а и проселками, тропами. Малыми человеческими добавками, которыми придвигались (мы — в предках!) к нынешнему порогу.

Четыре десятка лет назад, когда впервые поднялся на истфаковскую лестницу и огляделся в этом шумном, тесном двухэтажнике с остатками былого дворянского гнезда (лепнина, изящные кариатиды), — скажи мне кто-то: а знаешь, говорят, тут кончил дни свои Трубецкой, тот самый, что мог победить 14 декабря, — ты-то как к нему относишься? Если бы уклонился от ответа, то, скорей, от незнания. Да еще от преклонения перед «падшими». Привитое школьным Пушкиным могло ли уйти? А сейчас, когда позади две трети века, сраженные друзья и иллюзии, что скажу о князе Сергее Петровиче?

Из самых близких. Но почему? Разве не смалодушничал он, не изменил долгу лидерства, не бросил на прихоть судьбы тех, с кем прошел от Бородина до Лейпцига, и еще многих иных, кому жить и жить? «...Я не только виновник всех бедствий оного дня и несчастной участи злополучных моих товарищей. (...) Я не только не заслуживаю ни малейшей пощады, но уверен еще, что только увеличением заслуженного наказания должна быть облегчена участь всех несчастных жертв моей надменности, ибо я могу почти утвердительно сказать, что если б я с самого начала отказался участвовать, то никто б ничего не начал».

Никто б ничего не начал. Историк не может не оспаривать. Чересчур долог путь к событию, чересчур грандиозно оно само, чтобы зависеть от человеческой единицы. А между тем **так**. Не согласись Трубецкой, вряд ли рискнул бы Рылеев, а без его лихорадочной активности, без его вербовочного азарта оказались ли бы в мятеже мужи совета — Штейнгейль и Батеньков (вход к Сперанскому!), рванулись ли бы в бой из-за переприсяги храбрецы рубаки, подобные двадцатисемилетнему Щепину-Ростовскому? Впрочем, и по сей день исследователь, просеивая свидетельства, нет-нет да и выложит еще один, не замеченный прежде шанс на успех заговорщиков. Но вот загвоздка — успех чего?

Князь Сергей Петрович был побежден еще до поражения. Ибо был старовером вольности, равно враждебной шапке Мономаха и фригийскому колпаку. Он задержался в пути, в то время как большинство из тех, кто начинал, уже отпало. Теперь ему предстояло решать головоломку: как овладеть «чужим» событием (заварухой престолонаследия), зная, либо только догадываясь, что и продолжению не быть, если только уйдет *в не свои* руки. Решился совместить Сенатскую площадь с Россией, не гнушаясь обманом и уберегаясь от произвола. (Успей он уничтожить клочок бумаги, черновик реформ, пункты без заглавия, никогда не узнали бы этой первой отечественной заявки на *исторический компромисс*, великой — неисполнимостью!)

Алексеевский равелин очистил замыслы от тщеты. Человеческая неудача, терзаемая инквизиторами и раскаянием, переросла в поражение. И неосвобожденная Россия стала отсчитываться от него — словом, мыслью, судьбами. Так повелось и уже не прекращалось.

Движение поражениями — не русская находка. Оно изначально в историческом человеке. В России же, раздвинувшись масштабом, укоренилось в особом человеческом типе. Обреченном на поражение и превозмогающем эту предопределенность — нравственным максимализмом, у которого нет прямого перевода в дело и которое поэтому остается без дела. Испытание на поражаемость — из тягчайших. От скрижали до похоронки — один шаг. И от братства одиночек к «злодеям развития» — также один, хотя и длится годами, десятилетиями, эпохами, поколениями.

Каков же выход? Сменить масштаб? И даже найдя «свое» событие, вовремя расстаться с ним (своим!), уступив его «чужим» продолжателям?

Не потому ли так дорог мне князь Сергей Петрович, что был едва ли не первый из тех именитых и безвестных, у которых общее — сомнение в праве вести за собой других, еще не готовых к собственному выбору?

Не отказ, а — сомнение. Всего лишь сомнение. И даже не то, что впереди действия, предвестием гибелей, а то́, и именно то́, что окуплено собственным уроком. Оплачено собственным действием.

Падением в поражении. И падением в победе. Да, и последним также. Высшее мужество — опознать падение в победе. Скажешь: никогда не поздно... Но так ли? Вся новейшая история, наша и не наша, в оспоривателях. Наша прежде других. Ибо вся в опозданиях. Чем ближе, тем опоздания эти злокачественней. А затем уже и не опоздания. Пустота. Яма. Беспамятство.

И не уходит горечь: откуда забывчивость? Чем держится? Ритуалом ли торжеств? Либо привыкли гордиться — превыше всего — праведными смертями, закрывая глаза на неправедные? Или — все дело в том, что нет уже этого различия? В последнем счете ушло. И не то чтобы поменялись местами: праведные с неправедными. И не то чтобы знак равенства. Иное.

...Ядерный гриб в конце того ряда, где князья и разночинцы. Рахметовы от первого до последнего, где в моей ночной яви — симферопольские Дубки и замшелая, втиснутая в землю плита на Волковом кладбище над останками Веры Ивановны Засулич, открывшей русский террор и употребившей жизнь на избывание его.

Ядерный гриб — уравнитель. Но ведь и он не джинн, самочинно выпрыгнувший из бутылки. Он также — люди. Сам-один, сам-десять, а затем — сразу — миллионы, миллиарды. Без промежутков во времени. Без убежищ в пространстве.

Табу на гибель — запрет на победы. Ни одной, ни над кем!

Даже привычные к обвалам оказались застигнутыми врасплох 1968-м. Потому ли, что казалось: хуже того, что позади, уже быть не может? Потому ли, что еще не ушли от себя — верноподданных идеи? Или привычное **вместе** еще не успело обрести новый лик? А может, сработало то наше забытье на поражения, на падения в поражениях, без которых не воспрять?

Впрочем, **мы и наше** — не подходит. Не то чтобы раскол, хотя и он. Раскол — вторичное и даже внешнее. В глубине же — внезапное смещение пластов, сдвиг, подобный геологическому. Уходили неокончившиеся, те, что были еще в зените. Сдвинулись только собравшиеся в путь, 68-й насмерть ранил Александра Твардовского. В 68-ом прозвучало первое слово Андрея Сахарова.

А я — где, с кем? Позови меня на Лобное место, пошел бы? Нет, не счел бы за свое. Другим был занят. Накануне танков в Праге — верстка коллективного исповедания веры: «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Несоизмеримо, что толковать, даже тогда сознавал. Но только-только собственным языком заговорили... Прикусишь ли его по доброй воле?.. Никогда не уйдет из памяти постыдное партсобрание, голосовали одобрение тупости, самоубийству социализма. Рвался выступить, сказать лишь одно слово: трагедия; не решился, не захотел рисковать своим «новым прочтением». Тихо вышел в коридор, чтобы не поднять руку.

Жалею? Сегодня, пожалуй, нет. Тогдашнему унижению надо было дозреть до изнутри не стесненного объяснения с собою. До потребности в одиночестве. До нового **вместе.**

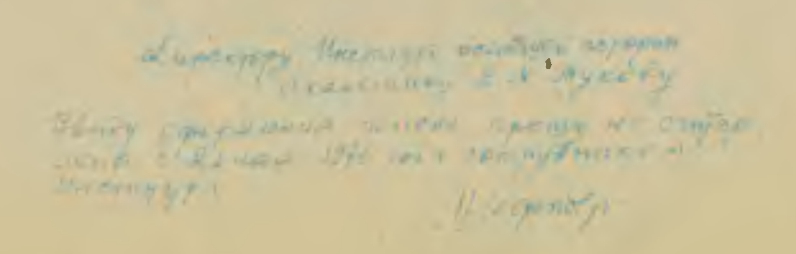
Встретиться ли вновь с тем мальчиком, который запомнил первый глоток сладкого, свежайшего воздуха?

Как близки ему бесконечно далекие от него слова: «Свободны наконец! Свободны наконец! Великий, всемогущий Боже, мы свободны наконец!»

Псалом американских негров, призыв Мартина Лютера Кинга, равно обращенный и к атеистам и к белым.

Я принимаю их сегодня. Не как свободу от себя. И даже — не как свободу для себя. А то — **не от нуля, а с начала,** которое вменено всем, кто не может жить иначе, как тут, где нестерпимо трудно жизнь.

1976, 1990

Lev Tolstoй
Estь SERKALO
RUSSKOй
REWOLЮЦІІ

Комплект документации

Совершенно секретно.
Срочно

Академия родового наследия
Отдел реконструкций

Рейхсфюреру СС
Генриху Гиммлеру
от реконструктора «Анэнербе» Т. Крегера,
штандартенгемайндфорштеера АА,
младшего имперского мага

Рапорт

Рейхсфюрер! Я знаю, какую ответственность влечет за собой обращение непосредственно к Вам. Но посетившее меня видение настолько значительно, что как патриот Рейха и истинный немец я чувствую себя обязанным передать его выполненное с максимальной точностью описание лично на Ваше рассмотрение. Пусть мои слова говорят сами за себя.

10.I.1935 в 14.00 по берлинскому времени, находясь в медитативном бункере «Анэнербе», я вышел в астрал для обычного патрульного рейда. Как обычно, меня сопровождало астральное тело собаки Теодорих и два демона пятой категории «Ганс» и «Поппель» (служебные клички). Оказавшись в астрале, я заметил, что флуктуации Юпитера странно напряжены и иалучают необычное для них фиолетовое сияние. В таких случаях инструкция рекомендует выстроить защитный пентаэдр и не выходить за пределы его действия. Однако я, за что готов нести ответственность, счел возможным ограничиться пением «Хорста Весселя», так как находился недалеко от линии проспективного излучения воли фюрера немцев Адольфа Гитлера, освещавшей в этот вечер левый нижний квадрант Зодиака. Неожиданно иа флуктуаций Юпитера выделился серповидный красный элементаль. Через несколько секунд он пересекся с линией волеизъявления фюрера. Вслед за этим произошла мощная эфирная вспышка, и я потерял сознание. Придя в себя, я обнаружил, что нахожусь в сплюснутом черном пространстве, причем собака Теодорих и демон «Ганс» погибли, а демон «Поппель» перешел в состояние, называемое на внутреннем языке «Анэнербе» «перевернутый стакан».

Неожиданно сзади возникло разрежение, и из него появился неясный силуэт. Когда он приблизился, я увидел, что это старик весьма преклонных лет, с окладистой бородой и с тонким поясом вокруг белой крестьянской рубахи. В одной руке он нес горящую свечу, а в другой — несколько коричневых книг со своим изображением, вытисненным на обложке. На лбу у старика было укреплено медицинское зеркальце с отверстием посередине, наподобие тех, которые используются отоларингологами, а вслед за ним шла белая лошадь, впряженная в плуг.

Оказавшись рядом со мной, старик погрозил мне пальцем, потом положил на нижнюю плоскость окружающего нас пространства свои книги, укрепил на них

Иллюстрация Ю. Сарафанова

свечу, вскочил на лошадь и сделал вокруг свечи несколько кругов, выполняя на спине лошади сложные акробатические приемы. При этом зеркало на его лбу сверкало так нестерпимо, что демон «Поппель» перешел в состояние «пустая труба». Затем свеча погасла, старик ускакал, и тогда же стихла гармонь. (Забыл сказать, Рейхсфюрер, что все это время играла далекая гармонь — русское подобие ручного органчика.)

Затем я оказался в астральном тоннеле № 11, по которому и вернулся в медитативный бункер академии. Выйдя из медитации, я немедленно сел за настоящий рапорт. Хайль Гитлер!

Т. Крегер

РЕЙХСФЮРЕР СС ГЕНРИХ ГИММЛЕР

«Анэнербе», Вульфу

Вульф!

1. Кто посмел посадить Крегера за рапорт? Немедленно выпустить. Этот человек — патриот Германии и фюрера.
2. Я не понял, при чем здесь Юпитер. Пусть этим займется астрологический отдел.
3. Провести реконструкцию откровения, представить протокол и рекомендации.
4. Все.

Хайль Гитлер!

Гиммлер.

(Не знаю, как Вас, Вульф, а меня всегда смешит этот каламбур.)

Академия родового наследия
Отдел реконструкций

Совершенно секретно.

Рейхсфюреру СС
Генриху Гиммлеру

Служебная записка

(«Об откровении Крегера»)

Рейхсфюрер! Значение откровения Т. Крегера для Рейха неизмеримо. Можно сказать, что оно увенчивает длительную деятельность «Анэнербе», по изучению тактики и стратегии коммунистического заговора.

Как известно, после уничтожения большинства грамотного населения России, донесения майора фон Леннен в Генеральный штаб, замаскированные под бессмысленные русскоязычные тексты, получили там хождение в качестве так называемых «работ». Особое значение придается донесению № 342 («О перемещении третьей Заамурской дивизии к западной границе» («Лев Толстой как зеркало русской революции»). В настоящее время Сталин и его окружение приняли тезис Кагановича, утверждающего, что эту фразу надо понимать буквально. Такая установка влечет за собой следующий вывод: манипулируя отражающим русскую революцию зеркалом, можно добиться перемещения ее отражения на любое другое государство, что приведет, по законам симпатической связи, к аналогичной революции в выбранной стране. Этот вывод был сделан Кагановичем, по данным Абвера, еще два года назад. Однако с практической реализацией этой идеи возникли трудности. Строительство огромного рефлектора в районе Ясной Поляны, который должен был посылать луч на Луну и от Луны — на Землю, было заморожено в связи с недостаточной точностью расчетов. В настоящее время рефлектор находится в законсервированном состоянии (см. фото 1, 2).

Далее. Около полугода назад Молотов пришел к выводу, что зеркальность Льва Толстого является духовно-идеальной, и рефлектирующая функция может быть осуществлена с помощью издания нового собрания сочинений писателя, отражательная способность которого будет усилена за счет исключения идеологически неприемлемых работ типа перевода Евангелий. При этом наводка и фокусировка могут быть достигнуты варьированием тиража каждого отдельного тома. Привожу таблицу тиражей восьмитомного собрания сочинений Толстого за 1934 год (данные РСХА).

1 том — 200 000 экз.
2 том — 82 000 экз.
3 том — 450 000 экз.
4 том — 41 000 экз.
5 том — 22 721 экз.
6 том — 22 720 экз.
7 том — 75 241 экз.
8 том — 24 экз.

Легко видеть, что грубая наводка осуществляется с помощью первых четырех томов, а тонкая — с помощью томов с пятого по восьмой.

Значение откровения Крегера в этой связи заключено в том, что оно позволило ввести новый метод определения мишени наносимого красными удара. На этот раз удалось получить абсолютно точные результаты. Протокол реконструкции и рекомендации прилагаю.

Хайль Гитлер!

Гл. реконструктор *(И. Вульф)*

Академия родового наследия
Отдел реконструкций

Совершенно секретно.

Протокол реконструкции № 310/125

12.1.1935 в «Анэнербе» была проведена реконструкция по делу Толстого — Кагановича. Метод реконструкции: «Откровение Крегера».

В 14.35 в первом реконструкционном зале были установлены гипсовая статуэтка Льва Толстого высотой 1,5 м с прикрепленным на лбу зеркалом площадью 11 кв. см и глобус диаметром 1 м на подставке высотой 0,75 м. Для моделирования русской революции был подожжен макет усадьбы Ивана Тургенева «Липки» масштаба 1:40, размещенный в правом дальнем углу зала. Расстояния между объектами и их точное геометрическое положение были рассчитаны на основе данных РСХА по тиражам последнего издания Толстого в России. После этого активным медиумом Кнехтом был погашен свет, и в зал вошла реконструктор Марта Эйхенбаум, переодетая Сталиным. Ею в левом направлении был раскручен глобус. После его остановки пятно света от зеркала на голове Толстого оказалось в районе Абиссинии.

Затем в зал вошел реконструктор Брокманн, переодетый фюрером, и осуществил раскрутку глобуса. После его остановки пятнышко темноты в центре зеркального блика оказалось на Апеннинском полуострове. На этом реконструкция закончилась.

Активный медиум *(И. Кнехт)*
Реконструкторы *(М. Эйхенбаум)*
(П. Брокманн)

Академия родового наследия
Отдел реконструкций

Совершенно секретно.

Выводы по реконструкции 310/125

1. По данным реконструкции, в настоящее время Рейху не угрожает непосредственная опасность.
2. В ближайшее время следует ожидать коммунистического переворота в Абиссинии. Однако это может быть предотвращено вводом туда контингента итальянских войск.

Гл. реконструктор (*И. Вульф*)

Примечание

За проявленный астральный героизм руководство «Анэнербе» просит представить Т. Крегера к награждению рыцарским крестом первой степени с дубовыми листьями.

Совершенно секретно

Запись проведена 14.I.1935
подслушивающим механизмом
ВС-М/13, установленным в спальне
Эрнста Кальтенбруннера

Магнитофонная запись № 462—11
из архива партийного суда
чести НСДАП

Эмма Кальтенбруннер: — Какая у тебя смешная кисточка на колпаке, Эрнст...

Эрнст Кальтенбруннер: — Отстань...

Эмма Кальтенбруннер: — Да что с тобой сегодня?

Эрнст Кальтенбруннер: — Творятся странные вещи, Эмма. Мой человек в «Анэнербе» сообщил мне, что некий Крегер из их отдела напился на службе и представил Гиммлеру совершенно безумный рапорт. А Вульф — Вульф, которому мы доверяли,— вместо того чтобы отдать мерзавца под трибунал, состряпал целую теорию, по которой Италия должна напасть на Абиссинию...

Эмма Кальтенбруннер: — Ну и что?

Эрнст Кальтенбруннер: — А то, что все пришло в движение. Вчера Риббентроп два часа говорил с Римом по высокочастотной связи, а через два дня будет расширенное совещание у фюрера.

Эмма Кальтенбруннер: — Эрнст!

Эрнст Кальтенбруннер: — Что?

Эмма Кальтенбруннер: — Я знаю, что ты должен сделать. Ты должен пойти к Гиммлеру и рассказать все, что ты знаешь.

Эрнст Кальтенбруннер: — А где я сегодня, по-твоему, был? Я целый час стоял перед ним навытяжку и говорил, говорил, а он... Он все это время возился с головоломкой,— знаешь, такой стеклянный кубик, а нем — три шарика... Когда я кончил, он поднял на меня свое пенсне и сказал: «Послушайте, Эрнст! Я ведь не хуже вас знаю, что никакого астрала нет. Но как Вы думаете, если у Вас и даже у Канариса есть свои люди в «Анэнербе», должны же там быть свои люди и у меня?» Я не понял, что он имеет в виду. «Думайте, думайте, Эрнст!» — сказал он. Я молчал. Тогда он улыбнулся и спросил: «Как вы считаете, чей человек Крегер?»

Эмма Кальтенбруннер: — О, Боже!

Эрнст Кальтенбруннер: — Да, Эмма... Наверно, я слишком прост для всех этих интриг... Но я знаю, что пока я нужен фюреру, мое сердце будет биться... Ты ведь будешь со мною рядом? Иди ко мне Эмма...

Эмма Кальтенбруннер: — Ах, Эрнст... Бигуди... Бигуди...

Эрнст Кальтенбруннер: — Знаешь, Эмма... Иногда мне кажется, что это не я живу, а фюрер живет во мне...

Страна Фантазия

Отрывок из повести «Омон Ра»

В. Пелевин

— Спасибо, товарищ полковник... Очень удобно, просто кресло какое-то, а не стул, ха-ха-ха... Конечно, нервничаю. А то не занервничаешь, когда вызывают в Комитет госбезопасности, да еще в особый отдел. Повесточка маленькая такая, а буквы тяжеленные, поглядел — и чуть не выронил. Да. Через оба «и» — Свириденко. Правильный адрес. Иначе

Иллюстрация А. Обросковой

и повестка бы не дошла. Нет, спасибо, не курю. У нас в отряде космонавтов никто не курит — таких не держат... Да, шестой год уже. Скоро обещали доверить. Еще мальчишкой мечтал на Луну полететь... Конечно, конечно. Именно так, как вы говорите,— только людям с кристальной душой. Еще бы — когда вся Земля внизу... Про кого на Луне? Нет, ие слышал... Ха-ха-ха, это вы шутите, веселый вы... А у вас странно как-то. Ну, необычно. Это у вас везде так или только в особом отделе? Сколько ж тут черепов-то на полках, господи,— прямо как книги стоят. И с бирками, ты смотри... Нет, я не в том смысле. Раз лежат, значит — надо. Экспертиза там, картотека. Я понимаю. Я понимаю. Что вы говорите... И как только сохра-

нился... А это, над глазом — от ледоруба?.. Моя. Там еще две анкеты было. Теперь сказали: последняя проверка,— и на Байконур. Да. Готов. Так я ведь, товарищ полковник, все это подробно... Просто про себя рассказать, с детства? Да нет, спасибо, мне удобно... Ну, если положено. А вы бы сделали такие подголовники, как в машинах, а то подушечка падать будет, если наклониться... Ага, а я-то думаю: зачем у вас зеркало такое на стене. А вы, значит, другое на стол ставите. Какая свеча толстая... Из чьего? Ха-ха-ха, шутите, товарищ полковник... Удивительно. Честное слово, первый раз вижу. Читал только, что так можно сделать, а сам не видел. Поразительно. Как будто коридор какой-то. Куда? Вот в это? Господи Христе, сколько у вас зеркал-то, прямо парикмахерская. Да нет, что вы, товарищ полковник... что вы. Это присказка, от бабки прилипла. Я научный атеист — иначе бы и в летное не пошел... Помню примерно. Я ведь в маленьком городке родился — знаете, стоит себе у железной дороги, раз в три дня поезд пройдет, и все. Тишина. Улицы грязные, по ним гуси ходят. Пьяных много. И все такое серое — зима, лето, неважно. Две фабрики, кинотеатр. Ну парк еще — туда, понятно, лучше вообще было не соваться. И вот, знаете, иногда в небе загудит — поднимаешь глаза и смотришь. Да чего объяснять... И еще книги все время читал, всем хорошим в себе им обязан. Самая, конечно, любимая — это «Туманность Андромеды». Очень на меня большое влияние имела. Представляете, железная звезда... И на черной-черной планете стоит радостный советский звездолет с бассейном, вокруг пятно голубого света, и где этот свет кончается — враждебная жизнь. Но она света боится и может только таиться во тьме. Медузы какие-то, это я не понял, и еще черный крест — тут, по-моему, на церковников намек. Такой был черный крест, крался в темноте, а там, где свет голубой, люди работают, добывают анамезон. И тут этот черный крест по ним чем-то непонятным как пальнет! Целился в самого Эрга Ноора, но его Низа Крит заслонила своей грудью. И наши потом отомстили — ядерный удар до горизонта, Низу Крит спасли, а главных медуз поймали — и в Москву. Я еще читал и думал: как же люди в наших посольствах за рубежом работают! Хорошая книга. А еще другую помню. Там какая-то пещера была, что ли... Или нет, пещера потом была, не пещера, а коридоры. Низкие коридоры, а на потолках — копоть от факелов. Это воины по ночам все время с факелами ходили, стерегли господина царевича. Говорили, от аккадов. На самом деле от брата стерегли, конечно... Вы, господин начальник северной башни, простите меня, если я не то говорю, только у нас все так считают — и воины, и слуги. Это сама царица Шубад такой гарнизон здесь поставила, от Мескаламдуга. Он как на охоту поедет, так всегда мимо южной стены проезжает, и с ним двести воинов в медных колпаках — это что ж, на львов охотиться? Все об этом говорят... То есть как? Да вы что, господин начальник северной башни, опять пятилистника нажевались? Нинхурсаг я, жрец Аратты и резчик печатей. То есть, когда вырасту, буду жрецом и резчиком, пока я маленький еще... Да что вы пишите, вы ж меня знаете. Еще уздечку мне подарили с медными бляхами. Не помните? Почему... Сейчас... Сидели это мы с Намтурой — ну, знаете, у которого уши отрезанные, он меня треугольник вырезать учил. Тяжелей всего для меня. Там сначала делаешь два глубоких надреза, а потом надо с третьей стороны широким резцом подцепить, и... Ну да, а тут снаружи кто-то занавес срывает, нагло так — мы глаза поднимаем, а там два воина стоят. Радость, говорят, какая! Наш царевич теперь уже не царевич, а великий царь Абарагги! Только что отбыл к божеству Нанне, ну и нам, выходит, надо собираться. Намтура заплакал даже от счастья, запел что-то по-аккадски и стал свои тряпки в узел вязать. А я сразу во двор пошел, сказал только, чтоб Намтура резцы собрал. А во дворе — Уршу-победитель! — воины с факелами и светло, как днем... Да нет, что вы, господин начальник северной башни! Конечно, нет. Это просто Намтура так бормочет все время... Нет, и жертв никогда не приносил. Не надо. Я теперь нун великого царя Абарагги, мне так запросто ушей не отрежешь, на это царский указ нужен... Ладно, прощаю. Да, и колесницы с быками уже стоят. Тут ко мне господин владыка засова подходит — на, говорит, Нинхурсаг, кинжал из государственной бронзы, ты уже взрослый. И еще ячменной муки дал мешочек — сваришь, говорит, себе еды в дороге. Тут я смотрю, а по двору эти ходят, в медных колпаках. Ну думаю, великий Уршу! То есть великий Ану! Помирились, значит, Мескаламдуг с Абарагги... Да и то — с царем как ссориться будешь, когда у него каждое слово — Ану. Тут мне мою колесницу показали, ну, я на нее и влез. Там еще один мальчик стоял — он быками управлял. Я его раньше даже не видел. Помню только, бусы у него были из бирюзы, дорогие бусы. И кинжал за поясом — тоже только что дали. В общем, оглянулся я на крепость, взгрустнул немного. Но тут облака разошлись, и в просвете Нанна как засияет... И сразу мне легко стало и весело... Тут в скале возле конюшен плиту отодвинули — а там вход в пещеру. Я и не знал раньше, что там пещера. Правда, не знал... Чтоб мне подвига в битве не совершить! Это же вы и были! Вспомнил теперь. И тут, значит, вы, господин начальник северной башни, к нам подходите с двумя чашами пива и говорите — мол, от царского брата Мескаламдуга. И юбка на вас эта же самая была, только на голове — колпак медный. Ну, мы и выпили. Я до этого пива никогда не пил. А потом второй мальчик что-то крикнул, натянул вожжи, и мы поехали — прямо в пролом в скале. Помню, там дорога вниз вела, а что по бокам — не видел, темно было... Потом? А потом у вас в башне оказался. Это меня от пива так, да?.. Накажут? Уж заступитесь, господин начальник северной башни. Расскажите, как все было. Или таблички передайте, раз уж всё записали. Конечно, с собой... Нет, вам не дам, сам поставлю. Кто-ж печать-то дает, У... Вот. Правда, нравится? Сам делал, с третьего раза получилось. Это бог Мардук. Какой забор? Это старшие боги стоят. Вы заступитесь за меня, господин начальник северной башни! Я вам тогда три печати вырежу. Нет, не плачу... Все, не буду. Спасибо. Вы — муж мудрый и мощный, это я всем сердцем говорю. Не рассказывайте никому только, что я плакал... А то скажут, какой он жрец Аратты — напьется пива и плачет... Конечно, хочу. А где? С юга или с севера? А то у вас тут вся стена в зеркалах. Понял... Ну, знаю. Это когда Нинлиль пошла в чистом потоке купаться, а потом вышла на берег канала. Мать ей говорила, говорила, ну а она все равно, значит, пошла, на берег канала вышла, ну тут ее Энлиль и обрюхатил. А потом он в Киур приходит, а ему совет богов и говорит — Энлиль, насильник, прочь из города! Ну а Нинлиль, понятно, за ним пошла... Нет, не слепит. Два других? Ну это уже после того, когда Энлиль сторожем на переправе притворился и когда Нанна у Нинлиль уже под самым сердцем был. Да и потом, эти два — просто разные проявления одного и того же. Можно так сказать: Геката — это темная и странная сторона, а Селена — светлая и радостная. Но я здесь, признаться, не очень сведущ — так, слышал кое-что в Афинах... Бывал, бывал. Еще при Домициане. Прятался там. Иначе б мы с вами в этом паланкине сейчас не ехали... Как обычно, оскорбление величества. Будто бы у хозяина во дворе статуя принцепса стоит, а рядом двух рабов похоронили. А у него и статуи такой никогда не было. Даже и при Нерве вернуться опасались. А при нынешнем принцепсе бояться нечего. Он к нам легатом самого Плиния Секунда прислал — вот какое время настало, слава Изиде и Серапису! Недаром... Да нет, что вы, отец сенатор, клянусь Геркулесом! Это у меня с Афин, там сейчас египтянин на египтянине... Какие у вас дощечки интересные, воска почти не видно. А львиные морды — из электрона? Скажите, коринфская бронза... Первый раз вижу... Секстий Руфин. Нет, из вольноотпущенников. Все-таки чем паланкин хорош, если рабы, конечно, умелые,— едешь и пишешь. И светильник горит как в комнате, а мимо пинии проплывают... Вы, отец сенатор, прямо в душе читаете. Постоянно про себя слагаю. Конечно, не Марциал — так, туплю себе стилосы... Песни я пою мелкими стишками. Как когда-то Катулл их пел, а также — Кальв и древние. Мне-то что за дело!

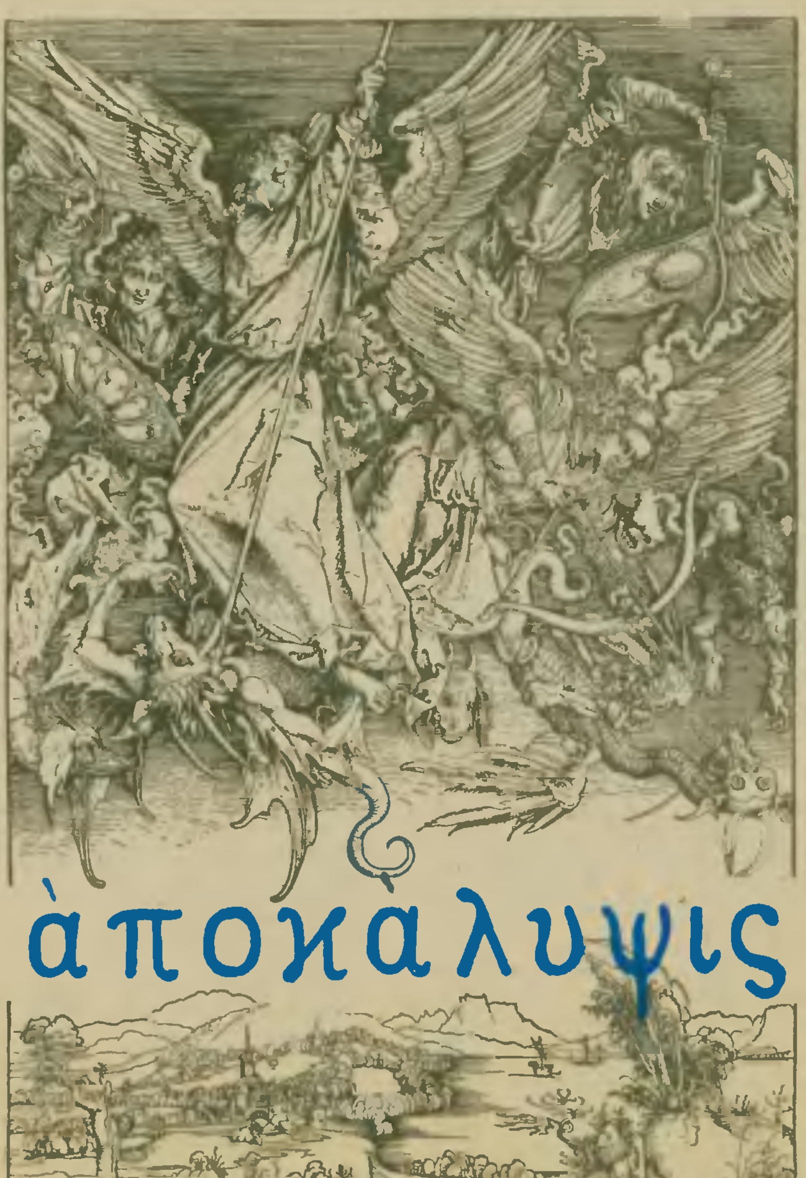
Я стишки предпочел, оставив форум... Ну, я преувеличиваю, конечно, отец сенатор, так на то они и стихи. Я, собственно, по делу о христианах из-за литературы и пошел. Чтоб на легата нашего посмотреть. Великий человек... Ну, не совсем свидетелем. Да нет, все как есть написал — он и правда из Галилеи, Максим этот. У него по ночам собираются, какой-то дым вдыхают. А потом он на крышу вылазит в одних калигах и петухом кричит — я как увидел, так сразу понял, что они христиане... Про летучих мышей приврал, конечно. Чего там. Да все равно им одна дорога — в гладиаторскую школу. А легат наш мне очень понравился. Да... К столу пригласил, стихи мои послушал. Хвалил очень. А потом говорит: приходи, говорит, Секстий, на ужин. Когда полнолуние будет. Я говорит, пришлю... И точно, прислал. Я все свитки со стихами собрал — а ну, думаю, в Рим отправит. Лучший плащ надел... Да как я тогу могу, у меня же римского гражданства нет. Поехали мы, значит, только почему-то за город. Долго ехали, я аж заснул в повозке. Просыпаюсь, гляжу — не то вилла какая-то, не то храм, и факельщики. Ну, значит, прошли мы внутрь — через дом и во двор. А там уже стол накрыт, прямо под небом, и луна все это освещает. Удивительно большая была. Мне рабы и говорят: сейчас господин легат выйдет, а вы ложитесь пока к столу, вина выпейте. Вон ваше место, под мраморным ягненком. Я лег, выпил. А остальные вокруг лежат и на меня смотрят. И молчат. Чего, думаю, легат им о моих стихах порассказал... Даже не по себе стало. Но потом за ширмой на двух арфах заиграли, и мне вдруг так весело стало — удивительно. Я уж и не понял, как с места вскочил и танцевать начал... А потом вокруг треножники появились с огнем и еще люди какие-то, в желтых хитонах. Они, по-моему, не в себе были — посидят, посидят, а потом вдруг руки к луне протянут и что-то петь начнут по-гречески... Нет, не разобрал — я танцевал, мне весело было. А потом господин легат появился — на нем почему-то фригийский колпак был с серебряным диском, а в руке — свирель. И глаза блестят. Еще вина мне налил. Хорошие, говорит, стихи пишешь, Секстий. Потом про луну заговорил — вот прямо как вы, отец сенатор... Постойте, так ведь и вы там были, точно. Хе-хе, а я-то все думаю: чего это мы с вами в паланкине едем? Да-а... Так сейчас-то на вас тога, а тогда хитон был и колпак фригийский, как на легате. Ну да, у вас еще в руке копье было красное, с конским хвостом. Все мне к вам неудобно было спиной повернуться, только мне легат говорит: погляди, говорит, Секстий, на Гекату, а я тебе на свирели сыграю. И заиграл — тихо так. Ну я глаза поднял, гляжу, гляжу, а потом вы меня про эту самую Гекату и Селену спрашивать стали. И когда ж я к вам в паланкин сесть успел? Все нормально? Ну слава И... Геркулесу, Аполлону и Геркулесу... Ну и хорошо, я их и принес, чтобы легат прочел. А вы, отец сенатор, тоже литературой занимаетесь? То-то я смотрю — вы все пишете, пишете. А-а. На память. Тоже стихи понравились. Этот час для тебя — гуляет Лисий, и царит в волосах душистых роза. Конечно. Давайте даже гемму приложу. Ничего, тут резьба неглубокая, много воска, не надо. Пропечатается. Подъезжаем? Вот спасибо, отец сенатор, а то прическа растрепалась. И сколько такое зеркало в метрополии стоит? Скажите, у нас в Вифинии за такие деньги домик можно купить. Тоже коринфская бронза? Серебро? И надпись какая-то... Ничего, прочту. Так... Лейтенанту Вульфу за Восточную Пруссию. Генерал Людендорф. Ой, извините, бригаденфюрер, он сам раскрылся. Удивительный портсигар, блестит, как зеркало. А вы, значит, в пятнадцатом уже лейтенантом были? И тоже лет-

чиком? Ну что вы, бригаденфюрер, даже неловко. Из-за этих трех крестов даже на задание не слетаешь. «Яков» с «Мигами», говорят, много, а Фогель фон Рихтгофен у нас один. Если б не спецмиссия, я б заплесневел, наверно, в пустой казарме... Да, пишется как «птица». Мать сначала расстроилась, когда узнала, как меня отец назвать хочет. Зато Бальдур фон Ширах — он с отцом дружил — целое стихотворение мне посвятил. В школах сейчас проходят... Осторожнее, это он из того окна стреляет... Да нет, стена толстая... Представляю, чего б он написал, если б узнал про спецмиссию. Это прямо какая-то поэма была. Я-то поверил, что на Западный фронт переводят, только в Берлине все и узнал. Сперва, конечно, расстроился. Что им, думаю, в «Анэнербе» делать нечего — боевых летчиков с фронта отзывать... Но когда этот самолет увидел — дева Мария! Сразу... Да что вы, бригаденфюрер, просто жил в детстве в Италии. Да. Сколько летаю, а такой красоты не видел. Потом только разобрался, что это, собственно, Ме-109, только с другим мотором и с длинными крыльями... Черт, ленту перекосило... Да ладно, сам... В общем, только в ангар вошел — и сразу дух захватило. Белый, легкий такой и словно светится в темноте. Но что удивило — это подготовка. Я думал, матчасть учить буду, а вместо этого к вам в «Анэнербе» возили, череп мерили, и все под Вагнера. А спросишь о чем — молчат. В общем, когда меня той ночью разбудили, я решил, что опять череп мерить будут. Нет, смотрю — под окнами два «мерседеса» стоят, урчат моторами... Отлично, бригаденфюрер! Прямо под башню. Где это вы так наловчились из этой штуки... Ну, сели, значит, поехали. Потом... Да, оцепление стояло, эсэсовцы с факелами. Проехали, потом лес кончился, здание какое-то с колоннами и аэродром. Ни души кругом, только ветерок такой легкий и луна в небе. Я-то думал, что все аэродромы под Берлином знаю, а этого никогда не видел. И самолет мой стоит, прямо на полосе, и что-то такое под фюзеляжем у него, тоже белое, вроде бомбы. Но мне рядом даже остановиться не дали, а сразу повели в это здание... Нет, не помню. Помню только, Вагнер играл. Велели раздеться, вымыли, как ребенка... Нет, гранаты потом... Масло в кожу втирали, знаете, чем-то древним пахнет, приятный запах такой. И дали летную форму, только всю белую. И все мои награды на груди. Да, думаю, Фогель, вот оно... Ведь всю жизнь о чем-то таком и мечтал. Потом эти, из «Анэнербе», говорят: ступайте, капитан, к самолету. Там вам все скажут. Руку пожали, все по очереди. Ну, я и пошел. А сапоги тоже белые, в пыль боишься наступить... Сейчас. Подхожу к самолету, а там... Так это ведь вы и были, бригаденфюрер, только не в каске этой, а в таком черном колпаке... И, значит, стали вы мне все это объяснять — взлететь на одиннадцать тысяч, курс на Луну, кнопка на левой панели... А, черт... Чуть-чуть не достал... Ну и планшет этот белый мне дали, а потом — кофе с коньяком из термоса. Я говорю: не надо, не пью перед вылетом. А вы мне так строго: да ты хоть знаешь, Фогель, от кого этот кофе? Тут я оборачиваюсь и вижу — никогда бы не поверил... Да. Как в хронике, и китель тот самый, двубортный. Только колпак на голове и бинокль на груди. И усы чуть пошире, чем на портретах. Или из-за лунного света так показалось. Рукой так помахал, прямо как на стадионе... В общем, выпил я кофе, сел в самолет, надел сразу кислородную маску и взлетел. И так мне вдруг легко стало — будто в две груди задышал. Поднялся на одиннадцать тысяч, курс на Луну — она огромная была, в полнеба, и вниз поглядел. А там все зеленоватое такое, река какая-то блеснула... Тут я кнопку и нажал. И тут чего-то вправо стало заносить, а как сел — даже не помню... Но зато в самый раз поспел, бригаденфюрер... Пожалуйста... И вы мне черкните что-нибудь на память. Спасибо... А много их к Берлину прорвалось? Да это-то понятно... Ерунда, кирпичной крошкой, наверно. Переносица цела... Ага, вижу — ерунда. С этим портсигаром бриться можно, и зеркало не нужно... Нет, больше не нужно, я ведь и не просил. Это вы сами поставили, товарищ полковник, когда свечу зажгли... Ну, чего дальше — книги читал, потом телескоп себе сделал маленький. В основном Луну изучал. Даже на утренник в школе один раз луноходом нарядился... Отлично этот вечер помню... Да нет, у нас всегда утренники вечером были, а тогда еще субботу на понедельник перенесли... Все ребята в актовом зале собрались — у них костюмы простые были, танцевать можно было. А на мне такое надето было — встанешь на карачки и, действительно, как луноход. В зале музыка играет, раскраснелись все... А я постоял у дверей и пошел по пустой школе. Коридоры темные, нет никого... Вот так я на карачках к окну подползаю, а за ним в небе — луна, и даже не желтая, а зеленая какая-то, как у Куинджи на картине, знаете? У меня над кроватью висит, из «Работницы». И вот тогда я себе слово и дал на Луну попасть... Ха-ха-ха... Ну если вы, товарищ полковник, все возможное сделаете, точно тогда попаду... Ну что дальше — после школы в летное, потом — отряд космонавтов... Получили? Да я знаю, товарищ полковник, всегда лучше — по-человечески. Вот тут? Ничего, что чернила синие? Правильно. Простая душа, короткий протокол... Спасибо. Если можно, с малиновым. А где вы баллончики берете для сифона? Хотя да... Товарищ полковник, а можно вопрос? Скажите, а правда весь лунный грунт к вам отвозят? Да не помню, кто-то из наших... Конечно, ведь только по телевизору видел... Ух ты... И сколько в такую банку входит — грамм триста? А разве можно? Спасибо... Вот спасибо... Дайте еще листок, чтоб понадежней... Спасибо. Помню. Направо по коридору, к лифтам — и наверх. Не выпустят? Ну проводите тогда... Ух... Нет, никогда. Новая форма? Почему, нравится. У нас ведь в армии уже колпаки были — буденовки. Красиво, только непривычно — козырька нет, кокарда круглая.. Нет, не забыл... Как налево? Понятно. А зачем факел у вас? А электрик... ну да, допуск. Посветите, ступеньки крутые... Как у нас на посадочном модуле. Товарищ полковник, так здесь же ту...

«Апокалипсис», который вы сейчас прочитаете вместе с отцом Александром, подает нам надежду, потому что каждый из нас — призван и послан. У каждого — своя миссия, и если мы выполним ее, каждый по-своему, силы зла захлебнутся.

В этом — смысл «Апокалипсиса», прочитанного отцом Александром, прокомментированного им без всякой экзальтации и нагоняющей страх суггестии. Его комментарий — образец соединения истинной веры с научным анализом, популяризации (в лучшем смысле) — с глубиной проникновения, обращения к пастве — с собственной личной затронутостью. Образец уникальный, как все, что он делал за свою недолгую жизнь.

Откровение святого Иоанна Богослова

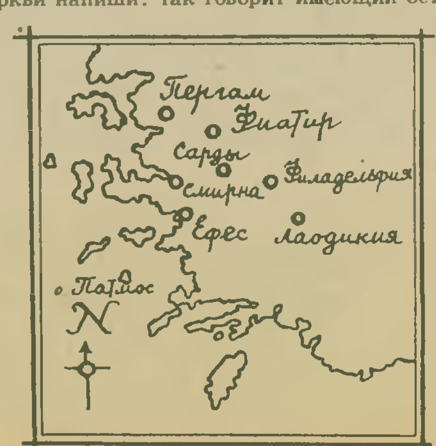

Глава 1

Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему
Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надле-
жит быть вскоре. И Он показал, послав *оное*
чрез Ангела Своего рабу Своему Иоанну,
[2]который свидетельствовал слово Божие и сви-
детельство Иисуса Христа, и что он видел.
[3]Блажен читающий и слушающие слова про-
рочества сего и соблюдающие написанное в
нем; ибо время близко. [4]Иоанн семи церквам,
находящимся в Асии: благодать вам и мир
от Того, Который есть и был и грядет, и от
семи духов, находящихся перед престолом Его,
[5]и от Иисуса Христа, Который есть свидетель
верный, первенец из мертвых и владыка царей
земных; Ему, возлюбившему нас и омывшему
нас от грехов наших Кровию Своею, [6]и со-
делавшему нас царями и священниками Богу
и Отцу Своему, слава и держава во веки
веков! Аминь. [7]Се, грядет с облаками, и узрит
Его всякое око, и те, которые пронзили Его;
и возрыдают пред Ним все племена земные.
Ей, аминь. [8]Я есмь Алфа и Омега, начало
и конец, говорит Господь, Который есть и был
и грядет, Вседержитель. [9]Я Иоанн, брат ваш
и соучастник в скорби и в царствии и в терпе-
нии Иисуса Христа, был на острове, называе-
мом Патмос, за слово Божие и за свидетель-
ство Иисуса Христа. [10]Я был в духе в день
воскресный и слышал позади себя громкий
голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь
Алфа и Омега, первый и последний; [11]то,
что видишь, напиши в книгу и пошли церквам,
находящимся в Асии: в Ефес и в Смирну,
и в Пергам и в Фиатиру, и в Сардис и в
Филадельфию и в Лаодикию. [12]Я обратился,
чтобы увидеть чей голос, говоривший со мною;
и, обратившись, увидел семь золотых светиль-
ников [13]и, посреди светильников, подобного
Сыну Человеческому, облеченного в подир* и
по персям опоясанного золотым поясом: [14]гла-
ва Его и волосы белы, как белая волна, как
снег; и очи Его — как пламень огненный;
[15]и ноги Его подобны халколивану, как рас-
каленные в печи; и голос Его — как шум вод
многих; [16]Он держал в деснице Своей семь
звезд, и из уст Его выходил острый с обеих
сторон меч; и лице Его — как солнце, сияющее
в силе своей. [17]И когда я увидел Его, то пал
к ногам Его, как мертвый. И Он положил на
меня десницу Свою и сказал мне: не бойся;
Я есмь первый и последний [18]и живый; и был
мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею
ключи ада и смерти. [19]Итак напиши, что ты
видел, и что есть, и что будет после сего.
[20]Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице
Моей, и семи золотых светильников *есть сия:*
семь звезд суть ангелы семи церквей; а семь
светильников, которые ты видел, суть семь
церквей.

Глава 2

Ангелу Ефесской церкви напиши: так говорит
Держащий семь звезд в деснице Своей, ходя-
щий посреди семи золотых светильников:
[2]знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое,
и то, что ты не можешь сносить развратных,
и испытал тех, которые называют себя апосто-
лами, а они не таковы, и нашел, что они
лжецы; [3]ты много переносил и имеешь терпе-
ние, и для имени Моего трудился и не из-
немогал. [4]Но имею против тебя то, что ты
оставил первую любовь твою. [5]Итак вспомни,
откуда ты ниспал, и покайся, и твори преж-
ние дела; а если не так, скоро приду к тебе
и сдвину светильник твой с места его, если
не покаешься. [6]Впрочем то в тебе *хорошо*, что
ты ненавидишь дела Николаитов, которые и я
ненавижу. [7]Имеющий ухо да слышит, что Дух
говорит церквам: побеждающему дам вкушать
от древа жизни, которое посреди рая Божия.
[8]И Ангелу Смирнской церкви напиши: так
говорит Первый и Последний, Который был
мертв, и се жив: [9]знаю твои дела, и скорбь,
и нищету,— впрочем ты богат,— и злословие
от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи,
а они не таковы, но — сборище сатанинское.
[10]Не бойся ничего, что тебе надобно будет
претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из сре-
ды вас в темницу, чтобы искусить вас, и бу-
дете иметь скорбь дней десять. Будь верен
до смерти, и дам тебе венец жизни. [11]Имею-
щий ухо (слышать) да слышит, что Дух гово-
рит церквам: побеждающий не потерпит вреда
от второй смерти. [12]И Ангелу Пергамской
церкви напиши: так говорит имеющий острый

* Подир — длинная одежда иудейских перво-
священников и царей.

с обеих сторон меч: [13]знаю твои дела, и что
ты живешь там, где престол сатаны, и что
содержишь имя Мое, и не отрекся от веры
Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет
сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Ан-
типа. [14]Но имею немного против тебя, потому
что есть у тебя там держащиеся учения Ва-
лаама, который научил Валака ввести в соблазн
сынов Израилевых, чтобы они ели идоложерт-
венное и любодействовали. [15]Так и у тебя
есть держащиеся учения Николаитов, которое
Я ненавижу. [16]Покайся; а если не так, скоро
приду к тебе и сражусь с ними мечем уст
Моих. [17]Имеющий ухо (слышать) да слышит,
что Дух говорит церквам: побеждающему дам
вкушать сокровенную манну, и дам ему белый
камень и на камне написанное новое имя, кото-
рое никто не знает, кроме того, кто получает.
[18]И Ангелу Фиатирской церкви напиши: так
говорит Сын Божий, у Которого очи — как пла-
мень огненный, и ноги подобны халколивану:
[19]знаю твои дела, и любовь, и служение,
и веру, и терпение твое, и то, что последние
дела твои больше первых. [20]Но имею немного
против тебя, потому что ты попускаешь жене
Иезавели, называющей себя пророчицею, учить
и вводить в заблуждение рабов Моих, любо-
действовать и есть идоложертвенное. [21]Я дал ей
время покаяться в любодеянии ее, но она не
покаялась. [22]Вот, Я повергаю ее на одр и
любодействующих с нею в великую скорбь,
если не покаются в делах своих. [23]И детей
ее поражу смертью, и уразумеют все церкви,
что Я есмь испытующий сердца и внутрен-
ности; и воздам каждому из вас по делам
вашим. [24]Вам же и прочим, находящимся в
Фиатире, которые не держат сего учения и ко-
торые не знают так называемых глубин са-
танинских, сказываю, что не наложу на вас
иного бремени; [25]только то, что имеете, дер-
жите, пока приду. [26]Кто побеждает и соблю-
дает дела Мои до конца, тому дам власть над
язычниками, [27]и будет пасти их жезлом же-
лезным; как сосуды глиняные, они сокрушат-
ся, как и Я получил *власть* от Отца Моего;
[28]и дам ему звезду утреннюю. [29]Имеющий
ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит
церквам.

Глава 3

И Ангелу Сардийской церкви напиши: так
говорит имеющий семь духов Божиих и семь
звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто
жив, но ты мертв. [2]Бодрствуй и утверждай
прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу,
чтобы дела твои были совершенны перед Бо-
гом Моим. [3]Вспомни, что ты принял и слышал,
и храни и покайся. Если же не будешь бодр-
ствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты
не узнаешь, в который час найду на тебя.
[4]Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько
человек, которые не осквернили одежд своих и
будут ходить со Мною в белых *одеждах*, ибо
они достойны. [5]Побеждающий облечется в бе-
лые одежды; и не изглажу имени его из книги
жизни, и исповедаю имя его пред Отцем
Моим и пред ангелами Его. [6]Имеющий ухо
да слышит, что Дух говорит церквам. [7]И Анге-
лу Филадельфийской церкви напиши: так го-
ворит Святый, Истинный, имеющий ключ Да-
видов, Который отворяет — и никто не затво-
рит, затворяет — и никто не отворит: [8]знаю
твои дела; вот, Я отворил пред тобою дверь,
и никто не может затворить ее; ты не много
имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не
отрекся имени Моего. [9]Вот, Я сделаю, что из
сатанинского сборища, из тех, которые говорят
о себе, что они Иудеи, но не суть таковы,
а лгут,— вот, Я сделаю то, что они придут
и поклонятся пред ногами твоими, и познают,
что Я возлюбил тебя. [10]И так ты сохранил
слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя
от годины искушения, которая придет на всю
вселенную, чтоб испытать живущих на земле.
[11]Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы
кто не восхитил венца твоего. [12]Побеждающе-
го сделаю столпом в храме Бога Моего, и он
уже не выйдет вон; и напишу на нем имя
Бога Моего и имя града Бога Моего, нового
Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего,
и имя Мое новое. [13]Имеющий ухо да слышит,
что Дух говорит церквам. [14]И Ангелу Лаоди-
кийской церкви напиши: так говорит Аминь,
свидетель верный и истинный, начало созда-
ния Божия: [15]знаю твои дела; ты ни холоден,
ни горяч; о, если бы ты был холоден или го-
ряч! [16]Но как ты тепл, а не горяч и не холоден,
то извергну тебя из уст Моих. [17]Ибо ты гово-
ришь: «я богат, разбогател и ни в чем не
имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен
и жалок, и нищ и слеп и наг. [18]Советую
тебе купить у Меня золото, огнем очищен-
ное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду,
чтобы одеться и чтобы не видна была срамота
наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза
твои, чтобы видеть. [19]Кого Я люблю, тех обли-
чаю и наказываю. Итак будь ревностен и по-
кайся. [20]Се, стою у двери и стучу: если кто
услышит голос Мой и отворит дверь, войду
к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною.
[21]Побеждающему дам сесть со Мною на пре-
столе Моем, как и Я победил и сел со Отцем
Моим на престоле Его. [22]Имеющий ухо да
слышит, что Дух говорит церквам.

Глава 4

После сего я взглянул, и вот, дверь от-
верста на небе, и прежний голос, который я
слышал как бы звук трубы, говоривший со
мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе,
чему надлежит быть после сего. [2]И тотчас
я был в духе; и вот, престол стоял на небе,
и на престоле был Сидящий; [3]и Сей Сидящий
видом был подобен камню яспису и сардису;
и радуга вокруг престола, видом подобная
смарагду. [4]И вокруг престола двадцать четыре
престола; а на престолах видел я сидевших
двадцать четыре старца, которые облечены бы-
ли в белые одежды и имели на головах своих
золотые венцы. [5]И от престола исходили мол-
нии и громы и гласы, и семь светильников
огненных горели пред престолом, которые суть
семь духов Божиих. [6]И пред престолом море
стеклянное, подобное кристаллу; и посреди пре-
стола и вокруг престола четыре животных,
исполненных очей спереди и сзади. [7]И первое
животное было подобно льву, и второе животное
подобно тельцу, и третье животное имело лице,

А. Дюрер. Битва архангела Михаила. Из серии «Апокалипсис».

как человек, и четвертое животное подобно
орлу летящему. 8 И каждое из четырех живот-
ных имело по шести крыл вокруг, а внутри
они исполнены очей; и ни днем ни ночью не
имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь
Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет.
9 И когда животные воздают славу и честь и
благодарение Сидящему на престоле, Живуще-
му во веки веков, 10 тогда двадцать четыре
старца падают пред Сидящим на престоле, и
поклоняются Живущему во веки веков, и по-
лагают венцы свои пред престолом, говоря:
11 достоин Ты, Господи, принять славу и честь
и силу, ибо Ты сотворил все, и *все* по Твоей
воле существует и сотворено.

Глава 5

И видел я в деснице у Сидящего на престоле
книгу, написанную внутри и отвне, запечатан-
ную семью печатями. 2 И видел я Ангела силь-
ного, провозглашающего громким голосом: кто
достоин раскрыть сию книгу и снять печати
ее? 3 И никто не мог, ни на небе, ни на земле,
ни под землею, раскрыть сию книгу, ни
посмотреть в нее. 4 И я много плакал о том,
что никого не нашлось достойного раскрыть и
читать сию книгу, и даже посмотреть в нее.
5 И один из старцев сказал мне: не плачь,
вот, лев от колена Иудина, корень Давидов,
победил *и может* раскрыть сию книгу и снять
семь печатей ее. 6 И я взглянул, и вот, посреди
престола и четырех животных и посреди стар-

цев стоял Агнец как бы закланный, имеющий
семь рогов и семь очей, которые суть семь
духов Божиих, посланных во всю землю.
7 И Он пришел и взял книгу из десницы Сидя-
щего на престоле. 8 И когда Он взял книгу,
тогда четыре животных и двадцать четыре
старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и
золотые чаши, полные фимиама, которые суть
молитвы святых; 9 и поют новую песнь, говоря:
достоин Ты взять книгу и снять с нее печати;
ибо Ты был заклан, и кровию Своею искупил
нас Богу из всякого колена и языка, и народа
и племени, 10 и соделал нас царями и священ-
никами Богу нашему; и мы будем царствовать
на земле. 11 И я видел, и слышал голос многих
Ангелов вокруг престола и животных и стар-
цев, и число их было тьмы тем и тысячи
тысяч, 12 которые говорили громким голосом:
достоин Агнец закланный принять силу и бо-
гатство, и премудрость и крепость, и честь и
славу и благословение. 13 И всякое создание,
находящееся на небе и на земле, и под зем-
лею и на море, и все, что в них, слышал я,
говорило: Сидящему на престоле и Агнцу
благословение и честь, и слава и держава во
веки веков. 14 И четыре животных говорили:
аминь. И двадцать четыре старца пали и
поклонились Живущему во веки веков.

Глава 6

И я видел, что Агнец снял первую из семи пе-
чатей, и я услышал одно из четырех живот-
ных, говорящее как бы громовым голосом: иди
и смотри. 2 Я взглянул, и вот, конь белый,
и на нем всадник, имеющий лук, и дан был
ему венец; и вышел он *как* победоносный,
и чтобы победить. 3 И когда Он снял вторую
печать, я слышал второе животное, говорящее:
иди и смотри. 4 И вышел другой конь, рыжий;
и сидящему на нем дано взять мир с земли,
и чтобы убивали друг друга; и дан ему боль-
шой меч. 5 И когда Он снял третью печать, я
слышал третье животное, говорящее: иди и
смотри. Я взглянул, и вот, конь вороный, и на
нем всадник, имеющий меру в руке своей.
6 И слышал я голос посреди четырех живот-
ных, говорящий: хиникс** пшеницы за дина-
рий,*** и три хиникса ячменя за динарий;
елея же и вина не повреждай. 7 И когда Он
снял четвертую печать, я слышал голос четвер-
того животного, говорящий: иди и смотри.
8 И я взглянул, и вот, конь бледный, и на
нем всадник, которому имя смерть; и ад сле-
довал за ним, и дана ему власть над четвертою
частью земли — умерщвлять мечем и голодом,
и мором и зверями земными. 9 И когда Он
снял пятую печать, я увидел под жертвенни-
ком души убиенных за слово Божие и за сви-
детельство, которое они имели. 10 И возопили
они громким голосом, говоря: доколе, Владыка
святый и истинный, не судишь и не мстишь
живущим на земле за кровь нашу? 11 И даны
были каждому из них одежды белые, и сказа-
но им, чтобы они успокоились еще на малое
время, пока и сотрудники их и братья их,

** Хиникс — малая хлебная мера.
*** Динарий — монета, соответствующая днев-
ной плате поденщику

которые будут убиты, как и они, дополнят
число. 12 И когда Он снял шестую печать, я
взглянул, и вот, произошло великое землетря-
сение, и солнце стало мрачно, как власяница,
и луна сделалась, как кровь; 13 и звезды не-
бесные пали на землю, как смоковница, потря-
саемая сильным ветром, роняет незрелые смок-
вы свои; 14 и небо скрылось, свившись, как
свиток; и всякая гора и остров двинулись с
мест своих; 15 и цари земные и вельможи, и
богатые и тысяченачальники и сильные, и вся-
кий раб и всякий свободный скрылись в пеще-
ры и в ущелья гор, 16 и говорят горам и камням:
падите на нас и сокройте нас от лица Сидя-
щего на престоле и от гнева Агнца; 17 ибо
пришел великий день гнева Его, и кто может
устоять?

Глава 7

И после сего видел я четырех Ангелов, стоя-
щих на четырех углах земли, держащих че-
тыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на
землю, ни на море, ни на какое дерево. 2 И видел
я иного Ангела, восходящего от востока солнца
и имеющего печать Бога живого. И воскликнул
он громким голосом к четырем Ангелам, ко-
торым дано вредить земле и морю, говоря:
3 не делайте вреда ни земле, ни морю, ни де-
ревам, доколе не положим печати на челах
рабов Бога нашего. 4 И я слышал число запе-
чатленных: запечатленных было сто сорок че-
тыре тысячи из всех колен сынов Израилевых.
5 Из колена Иудина запечатлено двенадцать ты-
сяч; из колена Рувимова запечатлено двена-
дцать тысяч; из колена Гадова запечатлено две-
надцать тысяч; 6 из колена Асирова запечат-
лено двенадцать тысяч; из колена Неффали-
мова запечатлено двенадцать тысяч; из колена
Манассиина запечатлено двенадцать тысяч;
7 из колена Симеонова запечатлено двенадцать
тысяч; из колена Левиина запечатлено двена-
дцать тысяч; из колена Иссахарова запечатле-
но двенадцать тысяч; 8 из колена Завулонова
запечатлено двенадцать тысяч; из колена Иоси-
фова запечатлено двенадцать тысяч; из колена
Вениаминова запечатлено двенадцать тысяч.
9 После сего взглянул я, и вот, великое мно-
жество людей, которого никто не мог перечесть,
из всех племен и колен, и народов и языков
стояло пред престолом и пред Агнцем в белых
одеждах и с пальмовыми ветвями в руках
своих. 10 И восклицали громким голосом, гово-
ря: спасение Богу нашему, сидящему на пре-
столе и Агнцу! 11 И все Ангелы стояли вокруг
престола и старцев и четырех животных, и
пали пред престолом на лица свои, и покло-
нились Богу, 12 говоря: аминь! благословение
и слава, и премудрость и благодарение, и честь
и сила и крепость Богу нашему во веки веков!
Аминь. 13 И, начав речь, один из старцев спро-
сил меня: сии облеченные в белые одежды
кто, и откуда пришли? 14 Я сказал ему: ты
знаешь, господин. И он сказал мне: это те,
которые пришли от великой скорби; они омыли
одежды свои и убелили одежды свои кровию
Агнца; 15 за это они пребывают *ныне* пред
престолом Бога и служат Ему день и ночь
в храме Его, и Сидящий на престоле будет
обитать в них; 16 Они не будут уже ни алкать,
ни жаждать, и не будет палить их солнце и
никакой зной: 17 ибо Агнец, Который среди
престола, будет пасти их и водить их на живые
источники вод, и отрет Бог всякую слезу с
очей их.

Глава 8

И когда Он снял седьмую печать, сделалось
безмолвие на небе, как бы на полчаса. 2 И я
видел семь Ангелов, которые стояли пред Бо-
гом; и дано им семь труб. 3 И пришел иный
Ангел и стал пред жертвенником, держа золо-
тую кадильницу; и дано было ему множество
фимиама, чтобы он с молитвами всех святых
возложил его на золотый жертвенник, кото-
рый пред престолом. 4 И вознесся дым фимиама
с молитвами святых от руки Ангела пред Бо-
га. 5 И взял Ангел кадильницу, и наполнил
ее огнем с жертвенника, и поверг на землю:
и произошли голоса и громы, и молнии и
землетрясение. 6 И семь Ангелов, имеющие семь
труб, приготовились трубить. 7 Первый Ангел
вострубил, и сделались град и огонь, смешан-
ные с кровью, и пали на землю; и третья
часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгоре-
ла. 8 Второй Ангел вострубил, и как бы боль-
шая гора, пылающая огнем, низверглась в
море; и третья часть моря сделалась кровью,
9 и умерла третья часть одушевленных тварей,
живующих в море, и третья часть судов по-
гибла. 10 Третий Ангел вострубил, и упала с
неба большая звезда, горящая подобно светиль-
нику, и пала на третью часть рек и на источ-
ники вод. 11 Имя сей звезде полынь; и третья
часть вод сделалась полынью, и многие из
людей умерли от вод, потому что они стали
горьки. 12 Четвертый Ангел вострубил, и пора-
жена была третья часть солнца и третья часть
луны и третья часть звезд, так что затмилась
третья часть их, и третья часть дня не светла
была — так, как и ночи. 13 И видел я и слышал
одного Ангела, летящего посреди неба и говоря-
щего громким голосом: горе, горе, горе живу-
щим на земле от остальных трубных голосов
трех Ангелов, которые будут трубить!

Глава 9

Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду,
падшую с неба на землю, и дан был ей ключ
от кладязя бездны: 2 она отворила кладязь
бездны, и вышел дым из кладязя, как дым
из большой печи; и помрачилось солнце и
воздух от дыма из кладязя. 3 И из дыма вышла
саранча на землю, и дана была ей власть,
какую имеют земные скорпионы. 4 И сказано
было ей, чтобы не делала вреда траве
земной, и никакой зелени, и никакому дереву,
а только одним людям, которые не имеют печа-
ти Божией на челах своих. 5 И дано ей не
убивать их, а только мучить пять месяцев;
и мучение от нее подобно мучению от скорпио-
на, когда ужалит человека. 6 В те дни люди
будут искать смерти, но не найдут ее; поже-
лают умереть, но смерть убежит от них.
7 По виду своему саранча была подобна коням,
приготовленным на войну; и на головах у ней
как бы венцы, похожие на золотые, лица же
ее — как лица человеческие; 8 и волосы у
ней — как волосы у женщин, а зубы у ней

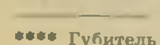
были, как у львов; 9 на ней были брони, как
бы брони железные, а шум от крыльев ее —
как стук от колесниц, когда множество коней
бежит на войну; 10 у ней были хвосты, как у
скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть
же ее была — вредить людям пять месяцев.
11 Царем над собою имела она ангела бездны;
имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески
Аполлион.**** 12 Одно горе прошло; вот, идут
за ним еще два горя. 13 Шестый Ангел во-
струбил, и я услышал один голос от четырех
рогов золотого жертвенника, стоящего пред
Богом, 14 говоривший шестому Ангелу, имевше-
му трубу: освободи четырех Ангелов, связан-
ных при великой реке Евфрате. 15 И освобожде-
ны были четыре Ангела, приготовленные на
час и день, и месяц и год, для того, чтобы
умертвить третью часть людей. 16 Число конно-
го войска было две тьмы тем; и я слышал
число его. 17 Так видел я в видении коней
и на них всадников, которые имели на себе
брони огненные, гиацинтовые и серные; головы
у коней — как головы у львов, и изо рта их
выходил огонь, дым и сера. 18 От этих трех
язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо
рта их, умерла третья часть людей; 19 ибо
сила коней заключалась во рту их и в хвостах
их; а хвосты их были подобны змеям и имели
головы, и ими они вредили. 20 Прочие же люди,
которые не умерли от этих язв, не раскаялись
в делах рук своих, так чтобы не поклоняться
бесам и золотым, серебряным, медным, камен-
ным и деревянным идолам, которые не могут
ни видеть, ни слышать, ни ходить; 21 и не
раскаялись они в убийствах своих, ни в чаро-
действах своих, ни в блудодеянии своем, ни в
воровстве своем.

Глава 10

И видел я другого Ангела сильного, сходя-
щего с неба, облеченного облаком; над головою
его была радуга, и лице его как солнце, и ноги
его, как столпы огненные; 2 в руке у него
была книжка раскрытая. И поставил он правую
ногу свою на море, а левую на землю, 3 и
воскликнул громким голосом, как рыкает лев;
и когда он воскликнул, тогда семь громов про-
говорили голосами своими. 4 И когда семь гро-
мов проговорили голосами своими; я хотел было
писать; но услышал голос с неба, говорящий
мне: скрой, что говорили семь громов, и не
пиши сего. 5 И Ангел, которого я видел стоя-
щим на море и на земле, поднял руку свою
к небу 6 и клялся Живущим во веки веков,
Который сотворил небо и все, что на нем,
землю и все, что на ней, и море и все, что в
нем, что времени уже не будет; 7 но в те дни,
когда возгласит седьмый Ангел, когда он во-
струбит, совершится тайна Божия, как Он бла-
говествовал рабам Своим пророкам. 8 И голос,
который я слышал с неба, опять стал говорить
со мною и сказал: пойди, возьми раскрытую
книжку из руки Ангела, стоящего на море
и на земле. 9 И я пошел к Ангелу и сказал
ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми
и съешь ее; она будет горька во чреве твоем,
но в устах твоих будет сладка, как мед.
10 И взял я книжку из руки Ангела и съел ее;
и она в устах моих была сладка, как мед;
когда же съел ее, то горько стало во чреве
моем. 11 И сказал он мне: тебе надлежит опять
пророчествовать о народах и племенах и язы-
ках и царях многих.

Глава 11

И дана мне трость, подобная жезлу, и сказа-
но: встань и измерь храм Божий и жертвен-
ник, и поклоняющихся в нем; 2 а внешний
двор храма исключи и не измеряй его, ибо
он дан язычникам: они будут попирать свя-
тый город сорок два месяца. 3 И дам двум
свидетелям Моим, и они будут пророчество-
вать тысячу двести шестьдесят дней, будучи
облечены во вретище. 4 Это суть две маслины
и два светильника, стоящие пред Богом земли.
5 И если кто захочет их обидеть, то огонь выйдет
из уст их и пожрет врагов их; если кто захо-
чет их обидеть, тому надлежит быть убиту.
6 Они имеют власть затворить небо, чтобы не
шел дождь на землю во дни пророчество-
вания их, и имеют власть над водами — превра-
щать их в кровь и поражать землю всякого
язвою, когда только захотят. 7 И когда кончат
они свидетельство свое, зверь, выходящий из
бездны, сразится с ними, и победит их и убьет
их, 8 и трупы их оставит на улице великого
города, который духовно называется Содом и
Египет, где и Господь наш распят. 9 *И многие*
из народов и колен, и языков и племен будут
смотреть на трупы их три дня с половиною
и не позволят положить трупы их во гробы.
10 И живущие на земле будут радоваться сему
и веселиться, и пошлют дары друг другу, пото-
му что два пророка сии мучили живущих на
земле. 11 Но после трех дней с половиною вошел
в них дух жизни от Бога, и они оба стали
на ноги свои; и великий страх напал на тех,
которые смотрели на них. 12 И услышали они
с неба громкий голос, говоривший им: взой-
дите сюда. И они взошли на небо на облаке;
и смотрели на них враги их. 13 И в тот же час
произошло великое землетрясение, и десятая
часть города пала, и погибло при землетрясе-
нии семь тысяч имен человеческих; и прочие
объяты были страхом и воздали славу Богу
Небесному. 14 Второе горе прошло; вот, идет
скоро третье горе. 15 И седьмый Ангел востру-
бил, и раздались на небе громкие голоса, гово-
рящие: царство мира соделалось *Царством*
Господа нашего и Христа Его, и будет цар-
ствовать во веки веков. 16 И двадцать четыре
старца, сидящие пред Богом на престолах своих,
пали на лица свои и поклонились Богу, 17 гово-
ря: благодарим Тебя, Господи Боже Вседержи-
тель, Который еси и был и грядешь, что Ты
приял силу Твою великую и воцарился.
18 И рассвирепели язычники; и пришел гнев
Твой и время судить мертвых и дать возмездие
рабам Твоим, пророкам и святым и боящимся
имени Твоего, малым и великим, и погубить
губивших землю. 19 И отверзся храм Божий
на небе, и явился ковчег завета Его в храме
Его; и произошли молнии и голоса, и громы
и землетрясение и великий град.

**** Губитель

А. Дюрер. Четыре апокалипсических всадника. Из серии «Апокалипсис».

Глава 12

И явилось на небе великое знамение — жена,
облеченная в солнце; под ногами ее луна, и
на главе ее венец из двенадцати звезд. 2 Она
имела во чреве и кричала от болей и мук
рождения. 3 И другое знамение явилось на небе:
вот, большой красный дракон с семью голо-
вами и десятью рогами, и на головах его семь
диадим; 4 хвост его увлек с неба третью часть
звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал
пред женою, которой надлежало родить, дабы,
когда она родит, пожрать ее младенца. 5 И роди-
ла она младенца мужеского пола, которому
надлежит пасти все народы жезлом железным;
и восхищено было дитя ее к Богу и престолу
Его. 6 А жена убежала в пустыню, где приго-
товлено было для нее место от Бога, чтобы
питали ее там тысячу двести шестьдесят дней.
7 И произошла на небе война: Михаил и Анге-
лы его воевали против дракона, и дракон и
ангелы его воевали *против них*, 8 но не устояли,
и не нашлось уже для них места на небе.
9 И низвержен был великий дракон, древний
змий, называемый диаволом и сатаною, оболь-
щающий всю вселенную, низвержен на землю,
и ангелы его низвержены с ним. 10 И услы-
шал я громкий голос, говорящий на небе: ныне
настало спасение и сила и царство Бога наше-
го и власть Христа Его, потому что низвер-
жен клеветник братий наших, клеветавший на
них пред Богом нашим день и ночь; 11 они
победили его кровию Агнца и словом сви-
детельства своего и не возлюбили души своей
даже до смерти. 12 Итак веселитесь, небеса и
обитающие на них! Горе живущим на земле
и на море, потому что к вам сошел диавол
в сильной ярости, зная, что не много ему оста-
ется времени! 13 Когда же дракон увидел, что
низвержен на землю, начал преследовать же-
ну, которая родила младенца мужеского пола.
14 И даны были жене два крыла большого орла,
чтоб она летела в пустыню в свое место от
лица змия и там питалась в продолжение
времени, времен и пол-времени. 15 И пустил
змий из пасти своей вслед жены воду, как
реку, дабы увлечь ее рекою. 16 Но земля по-
могла жене, и разверзла земля уста свои и
поглотила реку, которую пустил дракон из
пасти своей. 17 И рассвирепел дракон на жену
и пошел, чтобы вступить в брань с прочими
от семени ее, сохраняющими заповеди Божии
и имеющими свидетельство Иисуса Христа.

Глава 13

И стал я на песке морском и увидел вы-
ходящего из моря зверя с семью головами
и десятью рогами: на рогах его было десять
диадим, а на головах его имена богохульные.
2 Зверь, которого я видел, был подобен барсу;
ноги у него — как у медведя, а пасть у него —
как пасть у льва; и дал ему дракон силу
свою и престол свой и великую власть. 3 И ви-
дел я, что одна из голов его как бы смертель-
но была ранена, но эта смертельная рана
исцелела. И дивилась вся земля, следя за зве-
рем; и поклонились дракону, который дал
власть зверю, 4 и поклонились зверю, говоря:
кто подобен зверю сему и кто может сразить-
ся с ним? 5 И даны были ему уста, говорящие
гордо и богохульно, и дана ему власть дей-
ствовать сорок два месяца. 6 И отверз он уста
свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и
жилище Его и живущих на небе. 7 И дано было
ему вести войну со святыми и победить их;
и дана была ему власть над всяким коленом
и народом, и языком и племенем. 8 И покло-
нятся ему все живущие на земле, которых име-
на не написаны в книге жизни у Агнца, заклан-
ного от создания мира. 9 Кто имеет ухо, да
слышит. 10 Кто ведет в плен, тот сам пойдет
в плен; кто мечем убивает, тому самому надле-
жит быть убиту мечем. Здесь терпение и вера
святых. 11 И увидел я другого зверя, выходя-
щего из земли; он имел два рога, подобные
агнчим, и говорил как дракон. 12 Он действует
пред ним со всею властью первого зверя и
заставляет всю землю и живущих на ней покло-
няться первому зверю, у которого смертель-
ная рана исцелела; 13 и творит великие знаме-
ния, так что и огонь низводит с неба на землю
пред людьми. 14 И чудесами, которые дано было
ему творить пред зверем, он обольщает живу-
щих на земле, говоря живущим на земле, что-
бы они сделали образ зверя, который имеет
рану от меча и жив. 15 И дано ему было вло-
жить дух в образ зверя, чтобы образ зверя
и говорил и действовал так, чтоб убиваем был
всякий, кто не будет поклоняться образу зве-
ря. 16 И он сделает то, что всем — малым и
великим, богатым и нищим, свободным и ра-
бам — положено будет начертание на правую
руку их или на чело их, 17 и что никому
нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме
того, кто имеет это начертание, или имя зве-
ря, или число имени его. 18 Здесь мудрость.
Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это
число человеческое; число его шестьсот шесть-
десят шесть.

Глава 14

И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Си-
оне, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у кото-
рых имя Отца Его написано на челах. 2 И
услышал я голос с неба, как шум от мно-
жества вод и как звук сильного грома; и услы-
шал голос как бы гуслистов, играющих на гус-
лях своих: 3 они поют как бы новую песнь пред
престолом и пред четырьмя животными и стар-
цами; и никто не мог научиться сей песне,
кроме сих ста сорока четырех тысяч, искуплен-
ных от земли. 4 Это те, которые не осквер-
нились с женами, ибо они девственники; это те,
которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни
пошел. Они искуплены из людей, как первенцы
Богу и Агнцу. 5 И в устах их нет лукавства;
они непорочны пред престолом Божиим. 6 И уви-
дел я другого Ангела, летящего по средине
неба, который имел вечное Евангелие, чтобы
благовествовать живущим на земле и всякому
племени и колену, и языку и народу; 7 и гово-
рил он громким голосом: убойтесь Бога и воз-
дайте Ему славу, ибо наступил час суда Его;
поклонитесь Сотворившему небо и землю, и мо-
ре и источники вод. 8 И другой Ангел следовал
за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город вели-
кий, потому что он яростным вином блуда
своего напоил все народы. 9 И третий Ангел
последовал за ними, говоря громким голосом:
кто поклоняется зверю и образу его и прини-
мает начертание на чело свое или на руку
свою, 10 тот будет пить вино ярости Божией,
вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его,
и будет мучим в огне и сере пред святыми Анге-
лами и пред Агнцем; 11 и дым мучения их будет
восходить во веки веков, и не будут иметь покоя
ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и
образу его и принимающие начертание имени
его. 12 Здесь терпение святых, соблюдающих за-
поведи Божии и веру в Иисуса. 13 И услышал
я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне
блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей,
говорит Дух, они успокоятся от трудов своих,
и дела их идут вслед за ними. 14 И взглянул
я, и вот светлое облако, и на облаке сидит
подобный Сыну Человеческому; на голове его
золотой венец, и в руке его острый серп.
15 И вышел другой Ангел из храма и воскликнул
громким голосом к сидящему на облаке: пусти
серп твой и пожни, потому что пришло время
жатвы; ибо жатва на земле созрела. 16 И поверг
сидящий на облаке серп свой на землю, и земля
была пожата. 17 И другой Ангел вышел из хра-
ма, находящегося на небе, также с острым
серпом. 18 И иной Ангел, имеющий власть над
огнем, вышел от жертвенника и с великим кри-
ком воскликнул к имеющему острый серп, гово-
ря: пусти острый серп твой и обрежь грозды
винограда на земле, потому что созрели на нем
ягоды. 19 И поверг Ангел серп свой на землю,
и обрезал виноград на земле, и бросил в вели-
кое точило гнева Божия. 20 И истоптаны *ягоды*
в точиле за городом, и потекла кровь из точила
даже до узд конских, на тысячу шестьсот ста-
дий.

Глава 15

И увидел я иное знамение на небе, великое
и чудное — семь Ангелов, имеющих семь по-
следних язв, которыми оканчивалась ярость
Божия. 2 И видел я как бы стеклянное море,
смешанное с огнем; и победившие зверя и образ
его, и начертание его и число имени его, стоят
на этом стеклянном море, держа гусли Божии,
3 и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь
Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои,
Господи Боже Вседержитель! праведны и истин-
ны пути Твои, Царь святых! 4 Кто не убоится
Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего?
ибо Ты один свят. Все народы придут и по-
клонятся пред Тобою, ибо открылись суды
Твои. 5 И после сего я взглянул, и вот отверзся
храм скинии свидетельства на небе, 6 и вышли
из храма семь Ангелов, имеющие семь язв,
облеченные в чистую и светлую льняную одеж-
ду и опоясанные по персям золотыми пояса-
ми. 7 И одно из четырех животных дало семи
Ангелам семь золотых чаш, наполненных гне-
вом Бога, живущего во веки веков. 8 И напол-
нился храм дымом от славы Божией и от силы
Его, и никто не мог войти в храм, доколе
не окончились семь язв семи Ангелов.

Глава 16

И услышал я из храма громкий голос, гово-
рящий семи Ангелам: идите и вылейте семь
чаш гнева Божия на землю. 2 Пошел первый
Ангел и вылил чашу свою на землю: и сде-
лались жестокие и отвратительные гнойные
раны на людях, имеющих начертание зверя и
поклоняющихся образу его. 3 Второй Ангел вы-
лил чашу свою в море: и сделалась кровь,
как бы мертвеца, и все одушевленное умерло
в море. 4 Третий Ангел вылил чашу свою в
реки и источники вод: и сделалась кровь.
5 И услышал я Ангела вод, который гово-
рил: праведен Ты, Господи, Который еси и был,
и свят, потому что так судил; 6 за то, что они
пролили кровь святых и пророков, Ты дал им
пить кровь: они достойны того. 7 И услышал я
другого от жертвенника говорящего: ей, Госпо-
ди Боже Вседержитель, истинны и праведны
суды Твои. 8 Четвертый Ангел вылил чашу свою
на солнце: и дано было ему жечь людей огнем.
9 И жег людей сильный зной; и они хулили
имя Бога, имеющего власть над сими язвами,
и не вразумились, чтобы воздать Ему славу.
10 Пятый Ангел вылил чашу свою на престол
зверя: и сделалось царство его мрачно, и они
кусали языки свои от страдания 11 и хулили
Бога Небесного от страданий своих и язв своих;
и не раскаялись в делах своих. 12 Шестый Ангел
вылил чашу свою в великую реку Евфрат:
и высохла в ней вода, чтобы готов был путь
царям от восхода солнечного. 13 И видел я *вы-
ходящих* из уст дракона и из уст зверя и из
уст лжепророка трех духов нечистых, подобных
жабам: 14 это — бесовские духи, творящие зна-
мения; они выходят к царям земли всей все-
ленной, чтобы собрать их на брань в оный
великий день Бога Вседержителя. 15 Се, иду, как
тать: блажен бодрствующий и хранящий одеж-
ду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы
не увидели срамоты его. 16 И он собрал их на
место, называемое по-еврейски Армагеддон.
17 Седьмый Ангел вылил чашу свою на воздух:
и из храма небесного от престола раздался
громкий голос, говорящий: совершилось! 18 И
произошли молнии, громы и голоса, и сде-
лалось великое землетрясение, какого не бывало
с тех пор, как люди на земле. Такое земле-
трясение! Такое великое! 19 И город великий
распался на три части, и города языческие
пали, и Вавилон великий воспомянут пред Бо-
гом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева
Его. 20 И всякий остров убежал, и гор не стало;
21 и град, величиною с талант, пал с неба на
людей; и хулили люди Бога за язвы от града,
потому что язва от него была весьма тяжкая.

Глава 17

И пришел один из семи Ангелов, имеющих
семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне:
подойди, я покажу тебе суд над великою блуд-
ницею, сидящею на водах многих; 2 с нею блудо-
действовали цари земные, и вином ее блудо-
деяния упивались живущие на земле. 3 И повел
меня в духе в пустыню; и я увидел жену,
сидящую на звере багряном, преисполненном
именами богохульными, с семью головами и
десятью рогами. 4 И жена облечена была в пор-
фиру и багряницу, украшена золотом, драго-
ценными камнями и жемчугом, и держала
золотую чашу в руке своей, наполненную мер-
зостями и нечистотою блудодейства ее; 5 и на
челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий,

мать блудницам и мерзостям земным. 6Я видел,
что жена упоена была кровию святых и кровию
свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удив-
лением великим. 7И сказал мне Ангел: что ты
дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и
зверя, носящего ее, имеющего семь голов и
десять рогов. 8Зверь, которого ты видел, был,
и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в по-
гибель; и удивятся те из живущих на земле,
имена которых не вписаны в книгу жизни
от начала мирв, видя, что зверь был, и нет его,
и явится. 9Здесь ум, имеющий мудрость. Семь
голов суть семь гор, на которых сидит жена,
10и семь царей, из которых пять пали, один есть,
а другой еще не пришел, и когда придет, не
долго ему быть. 11И зверь, который был и кото-
рого нет, есть восьмый, и из числа семи, и пойдет
в погибель. 12И десять рогов, которые ты видел,

суть десять царей, которые еще не получили
царства, но примут власть со зверем, как цари,
на один час; 13они имеют одни мысли и пере-
дадут силу и власть свою зверю; 14они будут
вести брань с Агнцем, и Агнец победит их;
ибо Он есть Господь господствующих и Царь
царей, и те, которые с Ним, суть званные и
избранные и верные. 15И говорит мне: воды, ко-
торые ты видел, где сидит блудница, суть люди
и народы, племена и языки. 16И десять рогов,
которые ты видел на звере, сии возненавидят
блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть
ее съедят, и сожгут ее в огие; 17потому что
Бог положил им на сердце исполнить волю
Его, исполнить одну волю, и отдать царство
их зверю, доколе не исполнятся слова Божии.
18Жена же, которую ты видел, есть великий го-
род, царствующий над земными царями.

Глава 18

После сего я увидел иного Ангела, сходяще-
го с неба и имеющего власть великую; земля
осветилась от славы его. 2И воскликнул он
сильно, громким голосом говоря: пал, пал Ва-
вилон, великая *блудница*, сделался жилищем
бесов и пристанищем всякому нечистому духу,
пристанищем всякой нечистой и отвратитель
ной птице; 3ибо яростным вином блудодеяния
своего она напоила все народы, и цари земные
любодейstвовали с нею, и купцы земные раз-
богатели от великой роскоши ее. 4И услышал я
иной голос с неба, говорящий: выйди от нее,
народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах
ее и не подвергнуться язвам ее; 5ибо грехи ее
дошли до неба, и Бог воспомянул неправды
ее. 6Воздайте ей так, как и она воздала вам,
и вдвое воздайте ей по делам ее; в чаше, в ко-
торой она приготовляла вам вино, приготовьте
ей вдвое. 7Сколько славилась оиа и роскошест-
вовала, столько воздайте ей мучений и горе-
стей. Ибо она говорит в сердце своем: сижу ца-
рицею, я не вдова и не увижу горести! 8За то в
один день придут на нее казни, смерть и плач
и голод, и будет сожжена огнем, потому что
силен Господь Бог, судящий ее. 9И восплачут
и возрыдают о ней цари земные, блудодейст-
вовавшие и роскошествовавшие с нею, когда
увидят дым от пожара ее, 10стоя издали от стра-
ха мучений ее *и* говоря: горе, горе *тебе*, великий
город Вавилон, город крепкий! ибо в один час
пришел суд твой. 11И купцы земные воспла-
чут и возрыдают о ней, потому что товаров
их никто уже не покупает 12товаров золотых
и серебряных, и камней драгоценных и жем-
чуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряни-
цы, и всякого благовонного дерева, и всяких
изделий из слоновой кости, и всяких изделий
из дорогих дерев, из меди и железа и мра-
мора, 13корицы и фимиама, и мира и ладана,
и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота
и овец, и коней и колесниц, и тел и душ чело-
веческих. 14И плодов, угодных для души твоей,
не стало у тебя, и все тучное и блистатель-
ное удалилось от тебя,— ты уже не найдешь
его. 15Торговавшие всем сим, обогатившиеся от
нее, станут вдали, от страха мучений ее, плача
и рыдая 16и говоря: горе, горе *тебе*, великий
город, одетый в виссон и порфиру и багря-
ницу, украшенный золотом и камнями драго-
ценными и жемчугом! 17ибо в один час погибло
такое богатство. И все кормчие и все плыву-
щие на кораблях, и все корабельщики и все
торгующие на море стали вдали 18и, видя дым
от пожара ее, возопили, говоря: какой город
подобен городу великому! 19И посыпали пеплом
головы свои и вопили, плача и рыдая: горе,
горе *тебе*, город великий, драгоценностями ко-
торого обогатились все, имеющие корабли на
море! ибо опустел в один час. 20Веселись о сем,
небо и святые апостолы и пророки, ибо со-
вершил Бог суд наш над ним. 21И один силь-
ный Ангел взял камень, подобный большому
жернову, и поверг в море, говоря: с таким
стремлением повержеи будет Вавилон, великий
город, и уже не будет его; 22и голоса играю-
щих на гуслях и поющих, и играющих на
свирелях и трубящих трубами в тебе уже не
слышно будет; не будет уже в тебе никакого
художника, никакого художества, и шума от
жерновов не слышно уже будет в тебе; 23и
свет светильника уже не появится в тебе; и го-
лоса жениха и невесты не будет уже слышно
в тебе: ибо купцы твои были вельможи зем-
ли, и волшебством твоим введены в заблужде-
ние все народы. 24И в нем найдена кровь про-
роков и святых и всех убитых на земле.

Глава 19

После сего я услышал на небе громкий го-
лос как бы многочисленного народа, который
говорил: аллилуия! спасение и слава, и честь
и сила Господу нашему, 2ибо истинны и пра-
ведны суды Его! потому что Он осудил ту
великую любодейцу, которая растлила землю
любодейством своим, и взыскал кровь рабов
Своих от руки ее. 3И вторично сказали: алли-
луия! И дым ее восходил во веки веков. 4Тогда
двадцать четыре старца и четыре животных
пали и поклонились Богу, сидящему иа пре-
столе, говоря: аминь! аллилуия! 5И голос от
престола исшел говорящий: хвалите Бога наше-
го, все рабы Его и боящиеся Его, малые и вели-
кие. 6И слышал я как бы голос многочислен-
ного народа, как бы шум вод многих, как бы
голос громов сильных, говорящих: аллилуия!
ибо воцарился Господь Бог Вседержитель. 7Воз-
радуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу;
ибо наступил брак Агнца, и жена Его пригото-
вила себя. 8И дано было ей облечься в виссон
чистый и светлый; виссон же есть праведность
святых. 9И сказал мне *Ангел*: напиши: блажен-
ны званные на брачную вечерю Агнца. И сказал
мне: сии суть истинные слова Божии. 10Я пал
к ногам его, чтобы поклониться ему; но он ска-
зал мне: смотри, не делай сего; я сослужитель
тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство
Иисусово; Богу поклонись, ибо свидетельство
Иисусово есть дух пророчества. 11И увидел я
отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий
на нем называется Верный и Истинный, Ко-
торый праведно судит и воинствует. 12Очи у
Него, как пламень огненный, и на голове Его
много диадим; *Он* имел имя написанное, кото-
рого никто не знал, кроме Его Самого; 13Он был
облечен в одежду, обагренную кровию. Имя
Ему: Слово Божие. 14И воинства небесные сле-
довали за Ним на конях белых, облеченные
в виссон белый и чистый. 15Из уст же Его
исходит острый меч, чтобы им поражать наро-
ды. Он пасет их жезлом железным; Он топчет
точило вина ярости и гнева Бога Вседержите-
ля. 16На одежде и на бедре Его написано имя:
Царь царей и Господь господствующих. 17И уви-
дел я одного Ангела, стоящего на солнце; и он
воскликнул громким голосом, говоря всем пти-
цам, летающим по средине неба: летите, соби-
райтесь на великую вечерю Божию, 18чтобы
пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы
тесяченачальников, трупы коней и сидящих на
них, трупы всех свободных и рабов, и малых и
великих. 19И увидел я зверя и царей земных
и воинства их, собранные, чтобы сразиться с
Сидящим на коне и с воинством Его. 20И схва-
чен был зверь и с ним лжепророк, производив-
ший чудеса пред ним, которыми он обольстил
принявших начертание зверя и поклоняю-
щихся его изображению: оба живые брошены в
озеро огненное, горящее серою; 21а прочие убиты
мечем Сидящего на коне, исходящим из уст
Его; и все птицы напитались их трупами.

Глава 20

И увидел я Ангела, сходящего с неба, кото-
рый имел ключ от бездны и большую цепь
в руке своей. 2Он взял дракона, змия древнего,
который есть диавол и сатана, и сковал его
на тысячу лет, 3и низверг его в бездну, и за-
ключил его, и положил над ним печать, дабы
не прельщал уже народы, доколе не окончит-
ся тысяча лет; после же сего ему должно быть
освобожденным на малое время. 4И увидел я
престолы и сидящих на них, которым дано было
судить, и души обезглавленных за свидетельст-
во Иисуса и за слово Божие, которые не покло-
нились зверю, ни образу его, и не приияли
иачертание на чело свое и на руку свою. Они
ожили и царствовали со Христом тысячу лет;
5прочие же из умерших не ожили, доколе не
окончится тысяча лет. Это — первое воскресе-
ние. 6Блажен и свят имеющий участие в воскре-
сении первом: над ними смерть вторая не имеет
власти, но они будут священниками Бога и
Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет.
7Когда же окончится тысяча лет, сатана будет
освобожден из темницы своей и выйдет оболь-
щать народы, нвходящиеся на четырех углах
земли, Гога и Магога, и собирать их на брань;
число их — как песок морской. 9И вышли на
широту земли и окружили стан святых и го-
род возлюбленный; 10И ниспал огонь с неба
от Бога и пожрал их; 11а диавол, прельщавший
их, вввержен в озеро огненное и серное, где
зверь и лжепророк, и будут мучиться день и
ночь во веки веков. 11И увидел я великий
белый престол и Сидящего на нем, от лица
Которого бежало небо и земля, и не нашлось
им места. 12И увидел я мертвых, малых и вели-
ких, стоящих перед Богом, и книги раскрыты
были, и иная книга раскрыта, которая есть
книга жизни; и судимы были мертвые по
написаниому в книгах, сообразно с делами сво-
ими. 13Тогда отдало море мертвых, бывших в
нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые бы-
ли в них; и судим был каждый по делам своим,
14и смерть и ад повержены в озеро огненное.
Это — смерть вторая. 15И кто не был записан
в книге жизни, тот был брошен в озеро огнен-
ное.

Глава 21

И увидел я новое небо и новую землю; ибо
прежнее небо и прежняя земля миновали, и мо-
ря уже нет. 2И я Иоанн увидел святый город
Иерусалим, иовый, сходящий от Бога с неба,
приготовленный как невеста, украшенная для
мужа своего. 3И услышал я громкий голос с
неба, говорящий: се, скиния Бога с челове-
ками, и Он будет обитать с ними; они будут

Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их; и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти будет Богом их;[4] и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. [5]И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши, ибо слова сии истинны и верны. [6]И сказал мне: совершилось! Я есмь Алфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой; [7]побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном; [8]боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою; это — смерть вторая. [9]И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца. [10]И вознес меня в духе на великую и высокую гору и показал мне великий город, святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога: [11]он имеет славу Божию; светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному; [12]он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов, на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: [13]с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот; [14]стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца. [15]Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. [16]Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий: длина и широта и высота его равны. [17]И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела. [18]Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. [19]Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое — яспис, второе — сапфир, третье — халкидон, четвертое — смарагд, [20]пятое — сардоникс, шестое — сардолик, седьмое — хризолиф, восьмое — вирилл, девятое — топаз, десятое — хрисопрас, одиннадцатое — гиацинт, двенадцатое — аметист. [21]А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улицы города — чистое золотое, как прозрачное стекло. [22]Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец. [23]И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. [24]Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. [25]Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет. [26]И принесут в него славу и честь народов; [27]и не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.

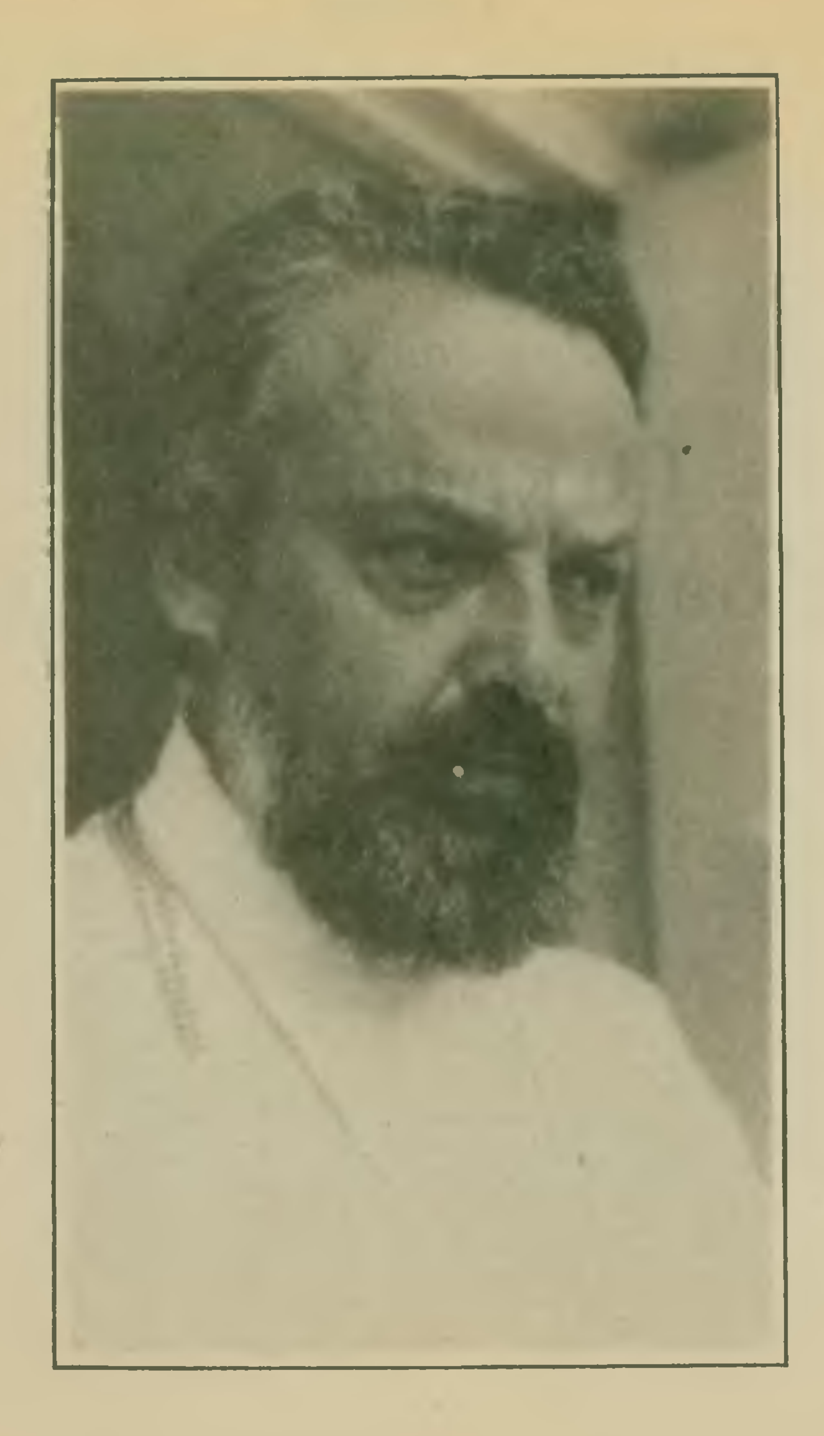
Глава 22

И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. [2]Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов. [3]И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. [4]И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. [5]И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков. [6]И сказал мне: сии слова верны и истинны; и Господь Бог святых пророков послал Ангела Своего показать рабам Своим то, чему надлежит быть вскоре. [7]Се, гряду скоро: блажен соблюдающий слова пророчества книги сей. [8]Я Иоанн видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться *ему;* [9]но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я — сослужитель тебе, и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись. [10]И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко. [11]Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святый да освящается еще. [12]Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. [13]Я есмь Алфа и Омега, начало и конец, первый и последний. [14]Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. [15]А вне — псы и чародеи, и любодеи и убийцы, и идолослужители и всякий любящий и делающий неправду. [16]Я Иисус послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя. [17]И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждующий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром. [18]И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей: [19]и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей. [20]Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! [21]Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

о. Александр Мень

Откровение Иоанна Богослова

Он был из тех,
кто призван и послан.
Послан к нам, в наш мир,
где много боли,
утрат и страданий, —
чтобы помочь нам
в самоосознании,
в обретении высшей надежды.
Отец Александр Мень
был убит ровно год назад.
К годовщине его смерти
мы публикуем этот текст*.

Многие считают, что читать Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис, для обыкновенного человека невозможно и даже духовно опасно, что эта книга полностью закрыта и называется «Книгой за семью печатями», потому что там *говорится* о книге за семью печатями. Создается такое впечатление, будто в Священном Писании есть какая-то часть, которая написана не для людей, а вставлена туда неизвестно для какой цели. Между тем, как говорит апостол Павел, все Писание полезно и все должно быть дано нам для просвещения. Следовательно, чтение Апокалипсиса не является какой-то запретной областью, и содержание его совсем не так непонятно, как это кажется. Большая часть Апокалипсиса расшифровывается при чтении Ветхого Завета, потому что автор его всецело жил и мыслил понятиями, образами Священного Писания Ветхого Завета, которое он знал наизусть. Для того чтобы нам в этом убедиться, давайте прочтем Откровение св. Иоанна Богослова, последнюю книгу Нового Завета, последнюю книгу Библии. Будем читать ее по частям.

Сначала я отвечу на вопрос: что такое Апокалипсис? Апокалипсис — это особый жанр священной библейской письменности и древней письменности вообще. Слово это означает «откровение». Бог открывает *нечто* отдельным мудрым мужам, которые рассказывают миру о том, что совершается в глубинах истории, какие силы управляют миром, к чему идет человечество и вся Вселенная.

Этот жанр отличается от Книг пророков. Пророки действовали, и активно действовали, в атмосфере своего времени, они были общественными борцами, служителями Храма, в трудную годину выступали с возвышения в Храме. Во время богослужения был момент, когда пророк должен был произносить речь, и тогда на него нисходил Дух Господень, и он вполне конкретно говорил бывшим там людям, что будет с ними завтра, что́ они делают сегодня. Он говорил о политических силах, о сталкивающихся империях, призывал к жизни по закону Божьему.

Апокалипсис — это творение писателя, того, кто уже не участвует в общественной жизни; он пишет. И то, что ему открывается, почти уже не может быть передано словом. Пророк говорит так, как глаголет Господь, а у апокалиптиков этого нет, потому что тайны истории и судьбы мира не могут уложиться в словесные формулы, и мистики-писатели изображают их в метафорах, символах, аллегориях, образах. Апокалиптика всегда образна, это всегда видения, всегда какие-то картины. Более того, апокалиптика не столько говорит о конкретных событиях времени, сколько думает о грядущем. И мир в глазах апокалиптиков — это нечто уже кончающееся, уходящее; все их помышления направлены на последнюю борьбу добра со злом. Для пророков злые силы еще не столь очевидны, они выражаются в действии конкретных носителей зла — греховных царей, жестоких императоров, неверной толпы и т. д. Для апокалиптиков темные силы истории — это уже целые демонические полчища, полчища злых духов, которые вдохновляют империи, вдохновляют насильников, вдохновляют отступничество толпы.

Апокалиптики не рассматривают историю мира, как рассматривали язычники. Для них мир не катится вниз, к упадку, но и не представляет картину сплошного прогресса. Для них история являет две сто-

* «Откровение святого Иоанна Богослова» перепечатано с синодального издания Библии с сохранением принятой в этом издании пунктуации и орфографии. В тексте комментария отца Александра авторский стиль сохранен почти без изменений.

роны: возрастает и царство Христа, и царство антихриста. Для ветхозаветных апокалиптиков — это царство Мессии и царство Его врага. Но надо сказать, что почти никогда апокалиптические писатели не могли подняться до уровня подлинно библейского, почти никогда у них не светит подлинное Откровение. Больше всего там человеческих грез, мечтаний, фантасмагорий. Это отблеск пророческого видения, а не оно само. Только некоторые страницы пророческих писаний Захарии, Иезекииля, Иоиля принадлежат апокалиптикам (целиком — только Книга пророка Даниила), все же остальные апокалиптики не были включены в Библию, потому что в них было много элементов, чуждых библейскому мировоззрению, заимствованных у греков, халдеев и персов. Было много апокалиптиков Нового Завета: апокалипсис Петра и другие, но только один был признан Церковью — это *Откровение Иоанна Богослова.*

Кто писал его и когда? Автор сам называет себя: я — Иоанн, брат ваш, соучастник в скорби. Скорбь — это слово, которое употребляется в Апокалипсисе десять раз и, как кажется, совершенно определенно означает «гонение». Значит, автор — человек, который участвовал в страданиях Церкви, человек, который считает себя братом и наставником общин. Больше ничего он о себе не говорит.

Согласно установившейся традиции, которая ведет свое происхождение по крайней мере со второго века, этим автором был Иоанн Зеведеев, любимый ученик Христа. Так считали св. Юстин мученик, Тертуллиан, Иереней Лионский, Ипполит Римский (II и III вв.). Потом это так и утвердилось в Церкви, и поэтому книга в современных изданиях называется «Откровение св. Иоанна Богослова», т. е. Иоанна Зеведеева. Но и во II в были противники этой точки зрения. Они считали, что автор Откровения — другой Иоанн, тоже ученик Господа. Так считали известный пресвитер Гай, св. Дионисий Александрийский и другие. Наука так и не пришла к определенному выводу, поэтому вопрос об авторе Апокалипсиса остается открытым. Мы вполне можем представить себе, что им был юноша, который весь дышал апокалиптическими видениями Ветхого Завета, который был настолько ими напоен, что хотел низводить гром и молнии, за что был прозван Иисусом Воанергес — Сыном грома. Сын грома — значит человек, душа которого подобна грому, таков смысл этого оборота. Можно назвать человека сыном благословения, сыном гнева, сыном благодати, в он был Сын грома и мог писать именно так.

Огромная непримиримость к Империи, к Риму, ожидание скорой развязки, — все это вполне совпадает с духом юного апостола Иоанна, как он представлен в Евангелии.

Но тут возникает самая большая трудность, которую богословы до сих пор не разрешили. Тот старец, пресвитер, автор Евангелия от Иоанна и Иоанновых посланий, писал нечто иное, нежели Апокалипсис. Ясно — или здесь был другой соавтор, или, по крайней мере, между написанием того и другого прошло много лет, может быть, произошли какие-то значительные события. Самое главное — это то, что можно сказать с уверенностью: и Апокалипсис, и Иоанновы писания — послания и Евангелие — вышли из одного круга. Об этом говорит очень существенный словарный признак, общая фразеология: противопоставление света и тьмы, наименование «Агнец Божий» очень часто повторяются и в Иоанновых писаниях, и в Апокалипсисе, роднят их. Можно себе представить, что эти писания вышли из круга учеников Иоанна, и я полагаю, что Апокалипсис он вполне мог написать и сам, именно в эпоху Иудейской войны. Здесь в тексте нет еще признаков того, что Храм разрушен. Иоанн мог это написать вскоре после начала гонения Нерона, после первых христианских жертв на арене цирка в Риме, после других трагических событий неронова времени.

Где он это написал — явствует из самой книги: там говорится об острове Патмос. Датировка книги до сих пор спорная, но она написана по крайней мере не раньше неронова гонения в 64 г. и не позже домицианова времени — 95 года. Где-то в это время, плюс-минус 10—15 лет и возникла книга. Для нас важно, что эта книга написана пророком Иоанном, одним из учеников Господа, написана по вдохновению и признана Церковью как адекватное выражение нашей общей веры, как слово Божие. А писал ли ее один Иоанн или другой Иоанн — я думаю, что много было учеников Христа, которые могли носить это распространенное имя, — это иной вопрос. Ведь у Него в евангельские времена было, кроме семидесяти учеников, еще пятьсот. Известно, что был некий ученик Аристион, был Иоанн пресвитер — все ученики Господа.

Итак, начнем читать. **Откр. I, 1** — это название *«Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог»...* — особый оборот, означающий, что это откровение, идущее через Христа, потому что Он Сам был самым высочайшим откровением Божественного в мире. *«Вскоре»* — это чисто апокалиптический библейский термин. Для Бога это может означать и тысячу лет, и десятки тысяч лет. История мира, которая насчитывает сотни миллионов и миллиардов лет, в сравнении с историей человечества показывает, насколько все происходившее кратко. И если Бог говорит «вскоре», то даже если все это совершится через миллион лет, с Божественной точки зрения это будет «вскоре».

Откр. I, 1—2. Христос послал *«через Ангела Своего рабу Своему Иоанну»* — это не обязательно должно обозначать явление Ангела, как мы его обычно себе представляем; ангел всегда обозначает л ю б о г о посредника между небом и землей. *«Раб»* — это значит служитель, это слово мы должны понимать в связи с тем, что Христос говорит «вы не рабы, а сыны». А древний библейский термин «эбед», «раб», означает «служитель», «служащий», «отрок», как иногда переводят по-славянски. И это вносит совершенно иной оттенок, иную смысловую окраску, потому что для нас раб — это всегда что-то унизительное, и Христос отвергает для нас такое название, но мы употребляем слова «раб Божий», вкладывая в них старый библейский смысл — «Божий служитель». Дальше идет маленькое введение.

Откр. I, 3. Как бы посвящение читателям. *«Пророчество»* в данном случае не означает просто предсказания будущего, хотя некоторые считают, что Апокалипсис сводится просто к такому предсказанию и, значит, написан был не для всех времен, а только для какого-то определенного времени, скажем, для нашего или более позднего. Но «пророчество», с библейской точки зрения, есть возвещение воли Божией через человека, поэтому здесь так и сказано — *«соблюдающие написанное в нем»*, то есть в пророчестве. Ведь никакое предсказание соблюдать нельзя, это есть именно воля Божия, выраженная в словах.

Откр. I, 4—5. Продолжение посвящения. Асия — это римская провинция, захватывающая большую часть Малой Азии. Почему автор обращается к семи церквам? Церквей в Асии гораздо больше, они были насаждены апостолами Петром и Павлом. Но для того чтобы изобразить полноту церкви В с е л е н с к о й, Иоанн берет семь церквей, семь главных церквей Малой Азии. Семь — это древнее священное число, обозначающее полноту. Очевидно, это те церкви, которые были ему подведомственны, в которых он подвизался, с которыми был знаком. *«От Того, Который есть и был и грядет»* — это продолжение развития истолкования имени Божиего, которое дано в книге Исход. Когда Моисей вопросил Господа — каково имя Твое? Господь сказал: «Я есмь, Который буду». Вот этот странный для нас оборот и переводится как *«Сущий»*. «Я есть, Который буду», то есть «Мне принадлежит время, вечность, все бытие». И апостол Иоанн придает этому определению Бога, владеющего прошлым, настоящим и будущим, то есть всем, что есть в мире, эсхатологическое значение; будущее принадлежит Богу в каком-то особом, специфическом смысле, то будущее, которым Он будет владеть полностью, над которым Он воцарится.

Семь духов, согласно древней символике, в основном персидской, усвоенной впоследствии ветхозаветной церковью, обозначают полноту небесных иерархий. *«Свидетель верный»* — ветхозаветные пророки, которые были до того, были свидетели немощные, сознававшие свою слабость. Вы помните, что в 6-й главе книги Исаии говорится: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа». Иеремия говорит: «Я не умею говорить, ибо я еще молод». Все они были свидетелями, но немощными. Есть только один Свидетель о Боге, Тот, Который несет Его в Себе, *«первенец из мертвых, владыка царей земных...»* Есть единственная настоящая власть — высшая, это власть Христова, власть Того, Который сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле».

Откр. I, 5—6. *«Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею и соделавшему нас царями и священниками, Богу и Отцу Своему слава и держава во веки веков!»* Вот эти слова *«соделавшему нас царями и священниками»* напоминают о Синайском призыве, когда Бог говорит народу: «а вы будете у Меня царством священников и народом святым», т. е. народом, посвященным Богу. И вот из этой горстки людей вырастает впоследствии вселенская Церковь, и отныне все мы, посвященные Богу, принадлежим Христу и, следовательно, являемся царством священников. На этом кончается посвящение, за ним идет своего рода эпиграф, взятый из апокалиптической литературы.

Откр. I, 7. Облако — это символ богоявления. Значит, Бог является в силе и славе. *«Узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его»* — намек на слова из книги Захарии: «Воззрят на Него, Которого пронзили...» Это Творец, от Которого люди отвернулись, Которого пронзили своей неблагодарностью, и потом они будут плакать

о том, что сделали; это прообраз Креста Христова.

Откр. 1, 8. *«Алфа и Омега»* — это начальная и конечная буквы греческого алфавита. Значит, автор обращается к людям, которые говорят по-гречески. Дальше, после посвящения, после введения и эпиграфа, идет предисловие.

Откр. 1, 9. Патмос — это не символическое место, а исторически и географически конкретное, скалистый, пустынный остров в Эгейском море. Места ссылок были различные, очевидно, Иоанн был выслан именно туда. Может быть, там были какие-то каменоломни, в которых работали ссыльные.

Откр. 1, 10, *«Был в духе»* — выражение библейское, обозначающее исступление, экстаз, сошествие некой духовной харизмы на человека, когда он как бы начинает говорить уже не от себя. *«День воскресный»*: интересно, что уже в первом веке, через два-три десятилетия после Пятидесятницы справляется, как мы видим, день воскресный. Т р у б н ы е з в у к и были старыми символами явления Божия, мы знаем, что над Синаем гремели трубные звуки.

Откр. 1, 11. Есть такая точка зрения, что эти церкви на самом деле обозначают различные эпохи в истории христианства и в оригинальных книгах, как, например, у Льва Тихомирова, и в переводных, например, баптистских, отстаивается эта точка зрения. Но в новозаветном богословии она совершенно не принята. Все эти церкви были тогда славными, знаменитыми, известными и ничего символического в них не было. Поэтому у нас нет ни малейшего основания считать, что они символизируют эпохи. Более того, если бы послания к этим церквам, к каждой из них, прилагать к различным эпохам, мы всегда нашли бы нечто общее, и не случайно, ибо все эти послания относятся к каждой церкви, к каждому веку и к любому из нас. Это драгоценные строки, замечательные строки, обращенные не только ко всем церквам, но и к душам человеческим. Это лучшее, что есть в первой части Апокалипсиса Иоанна Богослова.

Дальше описываются видения — **Откр. 1, 12—20.** Образ Сына Человеческого — гигантский, необычайный, с белыми волосами, с ногами огненными — в какой-то степени есть антипод истукана, гигантской статуи, обозначающей языческую империю, о которой рассказывается в книге пророка Даниила. Исполинский идол с золотой головой и с глиняными ногами — символ царств, держав мира сего, а противостоит этому великану иной, подобный Сыну Человеческому. В той же книге Даниила говорится о том, что эти чудовищные царства сменятся царством Сына Человеческого.

И вот, здесь предстает Сын Человеческий, подобный первосвященнику, в одежде первосвященника, потому что он — ходатай за народ. Лицо Его, как солнце, сияющее в силе своей,— это напоминает нам о Преображении Христа на горе. В деснице Его семь звезд, и тут же семь светильников,— что они означают? В тот момент, когда на церкви обрушились гонения, когда христиане, как и в наши дни, думали о том, что же с ними будет, Христос показывал, что церкви — у Него в руках, как эти звезды. Светильник стоит, не сдвинутый с места. Семь церквей, семь звезд, семь светильников, семь ангелов — неколебимы, потому что поставлены Христом. Если только они сами не изменят Ему, то останутся защищенными перед всеми бурями. И Христос стоит среди светильников, и, если бы мы могли это как-то себе представить, то, конечно, это было бы огненное видение: халколиван — это значит медь расплавленная, медь текущая, как магма из вулкана, горящая, сияющая. Вы спросите, а что же видел апостол, видел глазами? Я думаю, что это было внутреннее видение, а он только как-то это пытается представить символически, как на иконе, и никаких иных, кроме вот таких сияющих, ярких, огненных, слепящих зрение человека образов, он не мог здесь подобрать.

Откр. 2. *«Ангелу Ефесской церкви напиши...»* Что такое Ангел церкви? Пророк Даниил писал о том, что ангелы, то есть духовные силы, владычествуют над народами, управляют народами. И это глубокая истина, которую сейчас не все понимают, но на самом деле она очень содержательна. Каждая группа, каждая церковь имеют своих ангелов, есть какие-то духовные силы, управляющие ими. А здесь эти ангелы олицетворяют общину. Итак, здесь обращение к общине, вернее — к ее представителям.

Эфес — место сосредоточения чернокнижия, оккультизма, всевозможной магии, место, где все время был соблазн увлечься астрологией, мантикой[1]. Когда апостол Павел здесь проповедовал, обратившиеся иудеи принесли ему целую кучу магических рукописей, которые сожгли тут же, обещая ему прекратить все это волхвование. Кроме того, Эфес был местом бесконечного паломничества язычников в огромный мрачный храм Артемиды, где статуя с десятками грудей обозначала мать-кормилицу, стихию, мир, вселенную. Артемида привлекала к себе не только паломников, но и ремесленников, которые изготовляли тысячи макетов храма и этим жили. Когда апостол Павел там пытался проповедовать, как вы помните, озверевшие толпы несколько часов подряд выкрикивали лозунг города, девиз «Элекар Артемиды Эфесской». Когда они приходили в исступление, они могли скандировать этот девиз без конца, и апостола Павла они чуть не разорвали, и никто из посторонних не мог понять, что происходит. И вот в этом городе язычников, магов и оккультистов возникает первая христианская община, с которой Павел был связан незадолго до этого,— и когда он отправлялся в свое последнее путешествие, уже зная, что его ждет горький конец, он был с радостью встречен ефесянами на берегу моря; они проводили его до косы и посадили на корабль. Вот этому эфесскому христианскому обществу и пишет апостол.

Откр. 1, 1—2. Было такое мнение, что речь здесь идет о лжеапостолах, которые, прикрываясь авторитетом св. Иакова, брата Господня, объезжали эти места и заставляли всех верующих принимать закон Моисеев наряду с христианством, тем самым тормозя движение церкви. Это сомнительно, потому что в Эфесе большая часть обращенных склонялась скорее не к иудаизму, а именно к оккультизму, теософии и к язычеству. Поэтому эти лжеапостолы были скорее апостолами гностического толка, которые хотели соединить христианство с язычеством, но не добрым путем.

Откр. 2, 3—4. Прекрасные слова. Каждый человек, впервые встречаясь с Христом на своем жизненном пути, переживает момент первой любви, а потом наступает период охлаждения. Так вот, всегда нужно помнить об этом периоде первой любви, не оставлять ее, все время стремиться к ней вернуться. И это одно из замечательных завещаний апостола.

Откр. 2, 5. Судьба церквей, судьба общин, судьба семей, судьба индивидуумов в христианстве зависит от их духовного состояния. Ибо мы знаем, что суд Божий был суров, и очень многие светильники были сдвинуты с места... Антиохийская церковь и другие крупнейшие центры христианства за свои грехи были «сдвинуты с места», и от них не осталось почти ничего. Практически исчезла и Константинопольская церковь, церковь второго Рима.

Откр. 2, 6. Было мнение, что речь идет о некой христианской секте, которую основал диакон Николай, поминаемый в Деяниях апостолов, но это утверждение ни на чем не основано. Единственное, что можно сказать,— что это было какое-то оккультное, теософское учение.

Откр. 2, 7. *«Имеющий ухо, да слышит».* Чувствуется, что автор — человек, который слышал слово Христово и запомнил столь привычный оборот «имеющий уши слышать, да слышит» (Евангелие еще, вероятно, не было написано). Как вы помните, «древо жизни» в Книге Бытия символизировало бессмертие и жизнь перед лицом Божиим в совершенно ином состоянии бытия.

Теперь о Смирнской церкви — **Откр. 2, 8—9.** Речь опять идет о попытках внедрения языческой мантики в христианское сознание. Эти люди *«говорят..., что они иудеи, а они не таковы»...*— тогда название христиане было еще редко. Слово «христиане» появилось как кличка, пущенная иноверцами в адрес верных, а самоназвание было простое: мы — остаток, посвященный Богу, мы — ученики, мы — посвященные, то есть «святые». Так и назывались. А поскольку они тогда состояли в основном из иудеев, то и называли себя иудеями, и это был признак вероисповедания.

Откр. 2, 10. Дело в том, что *«десять дней»* — это опять-таки символ, заимствованный из апокалиптической литературы. Десять дней — знак того, что это будет короткое время, что это будет недолго, но это не обязательно календарные дни. Десять дней есть у пророка Даниила: «Они будут терпеть десять дней». Это означало, что время освобождения близко, и, действительно, гонения в скором времени прекратились.

Откр. 2, 11. *«Вторая смерть»* — это духовная смерть, отпадение от Бога, адское состояние.

Вы сами можете убедиться, что эти слова, ясные и простые, обращены к каждому из нас. Пока остается только удивляться, как многим казалось, что эта книга страшная. У неверующего Чернышевского, как вы помните, кто-то говорил, что это произведение безумца, сумасшедшего, а Николай Морозов считал, что это писал Иоанн Златоуст и что он описывал какую-то бурю и вводил сюда астрологические соображения. На самом деле это одна из прекраснейших книг Нового Завета. Предваряя заключение, могу сказать, что это одна из самых величественных книг по силе оптимизма, книга, которая говорит о том, с каким трудом мир принимает слово Божие, как воюет мир против истины, какие мрачные, тяжелые периоды возникают при противлении человечества истине, и которая в конце концов заканчивается победой Сына Человеческого. Поэтому это самая светлая книга.

[1] Мантика — практика гаданий, прорицаний.

Откр. 2, 12—17. Итак, Пергам, что значит «крепость», был центральным городом Малой Азии, где находилось римское правительство. Поэтому некоторые толкователи считают, что престол сатаны — это центр миродержавной власти. Именно оттуда, с Пергама, пошло обоготворение императора Августа и первый алтарь в честь императора был воздвигнут в Пергаме. Есть и другое толкование, согласно которому престолом сатаны апостол называет гигантский алтарь Зевса, построенный в честь победы над галатами в III в. до н. э., остатки которого до сих пор поражают, считаются одним из чудес света и хранятся в музее в Германии. Но все-таки более вероятно, что здесь апостол имел в виду культ императора, центр царства кесаря в этой стране. *«Престол сатаны»* — потому что тот, кто претендует быть Богом, есть, конечно, враг Божий.

Очевидно, что в Пергаме уже были первые признаки гонений. *«Умерщвлен... Антипа»* — вероятно, епископ или глава местной Пергамской церкви, о котором ничего не известно. В преданиях и поздних легендах — это священномученик Антипа, но достоверных сведений о нем нет. Так или иначе в этом месте происходит первое столкновение церкви с государством, падают первые его жертвы. Нет ничего удивительного, если пожар Рима и первые гонения на христиан в 64 году могли как-то отозваться в других районах империи; могли быть погромы или же даже официально санкционированные действия против первых христиан. Теперь, после того, как говорящий воздал должное мужественной Пергамской церкви, он говорит *«имею немного против тебя»*, потому что здесь есть держащиеся учения Валаама.

Напомню вам, что Валаам был месопотамский жрец, живший в XIII веке до Рождества Христова. Согласно Книге Чисел, он пытался укрепить союз израильтян с язычниками, чтобы те входили в тесные контакты с идолопоклонниками, и, потеряв чистоту своей веры, утратили Божие благословение. И с тех пор «учение Валаамово» стало ходячей формулой, выражением, обозначающим контакт с язычниками. *«...Чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали»*. Да, во времена Валаама, действительно, израильтян привлекают к пирам в честь богов, к участию в священной трапезе и, следовательно, к поеданию идоложертвенного. И любодействовали, потому что там был священный разврат, в честь богов устраивали оргии. Для апостола Иоанна здесь это имеет уже духовное значение. Участие в трапезе — это, так сказать, какое-то духовное общение, и соответственно — духовный блуд. Хотя не исключено, что речь идет и о действительно прямых нарушениях, потому что для христиан, не только для христиан-евреев, но и для христиан из язычников апостольским собором было запрещено вкушать мясо и вообще пищу, которая предлагалась на трапезе в честь богов.

У нас даже есть специальный церковный праздник, установленный по этому поводу: когда-то язычники, издеваясь, приходили на базар и всякую пищу, которая там продавалась, посвящали богам, с тем чтобы христиане ходили голодные и не могли купить или же есть оглашенное. И тогда христиане, чтобы как-то выйти из положения, стали собирать зерно, и вот, в честь мученика Феодора Тирона в начале поста совершается особое чинопоследование.

Вероятно, некоторые из христиан говорили, что все это тщетные предостережения, что можно прекрасно питаться пищей, которая посвящена богам. Таким образом, и буквально, и духовно здесь были попытки легко смотреть на строгое отношение к язычеству. И по-видимому, именно это учение называлось учением николаитов. Неизвестно, кто был Николай, который распространял это учение, но оно, очевидно, содержало в себе призыв соединить христианство с язычеством. Может быть, в данном случае мы имеем дело с первыми гностиками. Как в Эфесе, так и в Пергаме появилось множество учителей, которые пытались восточную эллинистическую теософию, восточные оккультные учения сплести с христианством, считать Христа одним из богов, пришедшим на землю наряду с прочими богами, и т. д.

«...побеждающему дам вкушать сокровенную манну». Манна — та пища, которой питались израильтяне в пустыне. Впоследствии в апокалиптических книгах она стала символом трапезы мессианского царства. Это небесная пища, это пища, вкусив которую, человек уже больше не испытывает голода, это духовная пища. И на самом деле, уже в Библии во второй книге Маккавеев встречается упоминание манны как мессианской пищи, как знака радостной трапезы в конце времен, и белого камня, на котором написано новое имя.

«Новое имя» на востоке в древности обозначало новый этап жизни или новую власть. Если царь побеждал другого, но оставлял его на троне, он давал своему вассалу новое имя. Если человек вступал на какой-то новый путь в жизни, он брал себе новое имя. Имени тогда придавалось

огромное, священное значение, поэтому получить новое имя означает какой-то переворот в жизни. Мы часто видим в Священном Писании подобного рода символы, когда, например, пророк Иезекииль говорит о том, что Иерусалиму будет дано новое имя, он будет называться «Господь там». Это повторяет и целый ряд других мест из пророков. У Исайи мы читаем в 62-й главе «не будут уже называть тебя «оставленным», и землю твою не будут более называть «пустынею», но будут называть тебя: «Мое благоволение к нему», а землю твою — «замужнею» и т. д.

То, что Иерусалиму дается новое имя — это знак новой эпохи в его жизни. И церковь Пергама получает новое имя, потому что она принадлежит Господу, и это ее глубочайшая тайна, ее служение Богу, не внешняя человеческая слава, а внутренняя, сокровенная, интимнейшая. Это тот подвиг, который делается не перед лицом человеческим, а перед лицом Божиим, поэтому нового имени не знает никто, кроме того, кто получает. Это относится не только к истории церквей, но и к каждому из нас, потому что каждому, кто сохранит верность, Господь даст новое имя. Каждый знает по себе, что есть нечто такое в духовной жизни, о чем невозможно ни рассказать, ни поведать, потому что это скрыто в глубочайшем тайнике.

Откр. 2, 18—29. *«Фиатира»* — это малоазийский городок, находящийся также недалеко от Пергама. Впервые туда прибыл апостол Павел в пятидесятых годах, нашел несколько благочестивых женщин, среди которых особенно выделялась Лидия, и прозелитов и основал маленькую общину. И вот эта маленькая Фиатирская община, которая не имела поддержки со стороны других христиан, была несколько изолирована, легко могла сделаться добычей различных лжеучителей, шарлатанов, лжепророков, которые бродили по дорогам Малой Азии. И действительно, появилась какая-то женщина, выдававшая себя за пророчицу. Апостол здесь называет ее Иезавелью; вспомним, что Иезавель была финикийской царицей, которая вышла замуж за израильского царя Ахава (в IX в. до Р. Х.) и пыталась насадить идолопоклонство в Израиле. Так вот, эта женщина называла себя пророчицей. Кстати сказать, в Малой Азии, особенно во Фригии, было много святилищ, где проповедовали женщины-прорицательницы. Вообще эта страна была родиной поклонения Богине-матери, фригийской Кибеле, Артемиде Эфесской. Жрицы, посвященные им, приходили в исступление, как вакханки, танцевали... И вот, по-видимому, такие жрицы, обратившиеся в христианство, стали вносить в церковь что-то ложное, чуждое, ненужное, опасное, и здесь — суровое предостережение от этого.

Что касается *«глубин сатанинских»*, то речь — по-видимому, идет о гностицизме. В то время оккультные и теософские системы создавали колоссальные генеалогии, показывавшие происхождение духов, богов, демонов. Эти генеалогии занимали целые книги. Воображение работало, работала магическая, реалистическая фантазия. Все это, как темный дым, заслоняло христианское сознание. Люди навешивали на себя амулеты с изображением Христа, каких-то змееподобных или крылатых существ — тут было перемешано все: и астрология, и тайные науки. Чистый ручей христианства очень легко мог всем этим засориться, поэтому и говорится так сурово: все эти глубины сатанинские должны быть отвергнуты.

«Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным». Это мессианский образ. Мессия получает власть над миром в грядущем царстве, и поэтому все, кто сохраняет верность, становятся участниками Его царства. А сохраняют верность те, которые стремятся сохранить в чистоте саму веру. *«Только то, что имеете, держите, пока приду»*.

Далее идет Ангел Сарда — **Откр. 3, 1—6.** Еще раз упоминается, что Господь имеет в Своей деснице семь духов Божиих, семь звезд, то есть непоколебимую полноту церкви, которую ничто не может сдвинуть с места. Страшные слова обращает Он к этой общине: *«Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв»*,— слова, изобличающие упадок этой церковной общины.

Мы часто представляем себе первохристианские общины как какой-то заповедник святых. На самом деле и тогда были страсти, и тогда были немощи, и тогда был упадок, и тогда были все те кризисы, которые потрясают нашу церковь теперь. И она побеждала, несмотря ни на что. Почитайте апостольские деяния и послания и увидите, какие смуты раздирали первохристианскую церковь. Поэтому мы не должны унывать, следует смотреть вперед с надеждой.

Вот грозное предостережение сардийцам: *«...ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Бодрствуй и утверждай... вспомни, что ты принял... храни и покайся...»* Очевидно, в этой церкви все-таки не все пришли в состояние смятения; несколько человек *«не осквернили одежд своих»*

Что такое белые одежды, в которые облекают побеждающих? Белый цвет был цветом радости, торжества и победы. Кроме того, он был знаком чистоты. Были люди, которые остались чистыми среди всеобщей сумятицы и греха, они и получили радость мессианского царства.

Откуда символ *«книги жизни»*? Когда после разрушения городов их снова заселяли, то основных жителей, особенно знатных людей, записывали в особые списки, которые называли книгами жителей этого города. Такие книги существовали, например, когда заселялся после разорения Иерусалим, и пророки образно писали, что у Бога есть Своя книга, в которую Он записывает всех, кто в Его царство входит, у Него есть книга жизни. И те, кого Он вычеркнул, не войдут в Его Царство, в град Божий...

Далее идет город Филадельфия, что значит «братолюбие». Он был построен эллинистическими монархами, и в знак одного из политических союзов был назван «братолюбивым городом» — Филадельфией.

Откр. 3, 7—13. Прежде чем обращаться к филадельфийской церкви, Христос дает Себе еще одно наименование — Тот, *Который «Святый Истинный, имеющий ключ Давидов»*. О ключе Давидовом говорится неоднократно в пророчестве Исайи, ключ Давидов — это ключ в Царство Божие. Это — таинственный ключ, и если Давид им запер, то уже никто не может отпереть, а если он отпер, никто не может запереть. Вот, скажем, одно из таких мест: пророк обращается к одному из благочестивых наместников города — «...и будет он отцом для жителей Иерусалима и для дома Иудина, и ключ дома Давидова возложу на рамена его — отворит он, и никто не запрет, запрет он, и никто не отворит». То есть никто не может противиться его совершениям, если он отпер, значит так и будет.

Еще раз подчеркнем, что, если бы вы читали все параллельные места из Ветхого Завета, то увидели бы, что евангелист все время говорит словами Священного Писания.

Далее дается трогательная характеристика Филадельфийской церкви — *«Ты не много имеешь силы»*. Очевидно, это была маленькая церковь, но она сохранила слово Божие, не отреклась. Это снова обращено ко всем нам: мы малое стадо, но надо держаться твердо, и тогда даже внутренние распри нас не поколеблют. Иоанн говорит о «сборище сатанинском», о людях, которые утверждают, что они иудеи, но не таковы, то есть они лжеучители, раскольники, еретики. И перед их лицом малая община сумела сохранить твердость. *«И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от годины искушения... Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон...»* Это значит что человек (или церковь, как в данном случае), будет в Царстве Божием такой же необходимой частью, как колонна, поддерживающая здание: ее нельзя вынуть, иначе здание обрушится.

«...напишу на нем имя Бога Моего» — в иерусалимском храме священные имена начертывались на двух медных колоннах, стоящих перед входом. И вот, на верных людях и церквах будет написано имя Божие, то есть они станут священными, как часть храма Царствия Божиего, Нового Иерусалима, нисходящего с неба. Иоанн говорит о Новом Иерусалиме, о котором пророчествовали пророки. Пророк Исайя Второй, называемый Второисайей, тексты которого начинаются с 40-й главы книги Исайи, говорит о Новом Иерусалиме, необычайном, отличном от древнего. Этому Иерусалиму и посвящены заключительные главы Апокалипсиса, он есть символ Царства Божьего, грядущего мира. Он утверждается на земле, но одновременно нисходит с неба, от Бога. Здесь Христос говорит о Себе, как о Человеке — *«от Бога Моего»*. Заметьте это — ведь часто в антирелигиозной литературе говорят, что в Апокалипсисе Христос никак не человек, но чисто божественное существо. Но божественное существо не может так сказать: «от Бога Моего и имя Мое новое» и т. д., то есть Христос здесь явно выступает в человеческом облике.

Наконец, последняя церковь — Лаодикийская: Лаодикия находилась в нескольких десятках километров от Филадельфии.

Откр. 3, 14—22. Заключительное обращение к Лаодикийской церкви — самое величественное. Здесь Христос прямо называет Себя Божественной Премудростью, или Логосом. *«Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия»*... Слово «аминь» происходит от слова «эмуна» — вера, верность, твердость. Сказано: «в начале сотворил Бог небо и землю», а Премудрость говорит: *«В Премудрости Бог сотворил небо и землю»*, то есть Премудрость и есть Логос, Слово Божие, творческий лик Бога. Здесь Христос выступает уже как Логос.

Дальше идет обличение этой церкви, которая решила, что у нее все благополучно. Очевидно, в Лаодикии не было ни гонений, ни каких-либо особенных притеснений, не было ни расколов, ни лжеучителей, — все это было благополучно. И вот, почувствовав благополучие, церковь начала деградировать. Ни с кем не воюя, ни от кого не обороняясь, она стала впадать в самодовольство, которое Господь обличает здесь самыми жестокими словами: *«Ты... не горяч и не холоден... извергну тебя из уст Моих»*. Эти прекрасные слова обращены не только к церквам, но и к отдельным людям. *«Ты говоришь, «я богат... и ни в чем не имею нужды»...*, а на самом деле так говорящий *«жалок и нищ»*. Эти слова нам всем надо читать постоянно. Редко найдутся в пророческой книге столь лично направленные слова.

Иронично обращение Господа к этой церкви, поскольку она считает себя богатой: *«советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное...»* (то есть веру, которая прошла через горнило); ты, нищий, считающий себя богатым, — пойди купи веру, и белую одежду, то есть чистоту, и «глазную мазь», то есть исцеление от греха, и попробуй не бояться искушений. Тут же поясняется: «кого Я люблю, тех обличаю и наказываю». Это слова из книги Притчей Соломоновых, они о том, что в трудностях куется дух человеческий. Заключительные слова главы — одни из самых прекрасных в Новом Завете: *«Се стою у двери и стучу»*... Господь входит к каждому, кто откроет Ему дверь.

Идея и чувство обитания Божия с людьми — это старая ветхозаветная идея. Бог пребывает с народом, Он, превышающий все земное, становится как бы земным. Он превращается в огненный столп, славу Свою, идет и белыми клубами опускается в скинию, Он осеняет храм. Храм означает, что люди собираются вокруг ковчега, где пребывает Бог. Но Бог не только здесь находится, Он находится повсюду, слава Его наполняет небо и землю, но здесь Его особое местопребывание, здесь Его скиния. «И слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины», — говорит апостол Иоанн. «Обитало» — в буквальном переводе — «построило скинию, построило шатер среди нас». Это общецерковный, общезаветный символ распространяется также и на духовную жизнь: «Приди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны».

На сем кончаются послания, обращенные к семи церквам, ко всей Церкви и к каждому христианину отдельно.

Возникает вопрос: что значит «не горяч и не холоден»? Здесь даются два полюса в человеке. Один полюс — с Богом, другой против Бога. Если человек с Богом, это значит, что он стоит на пути к благословлению. Если человек горяч против Бога, он может, как Савл, обратиться, значит, у него душа кипит... Самое страшное — это равнодушие, полное, как в народе говорят: «Ни Богу свечка, ни...» Равнодушие, индифферентность — это болото, в котором погрязает душа. Это смерть души. Я знал многих людей, которые стали истинными христианами, а прежде у них христианство вызывало какое-то отталкивание. А те, которые «в общем» очень благожелательно относились к вере, так всю жизнь и не обратились. Много было таких примеров, таких «гуманных» людей. Для них все это было «заодно», как сказал один из них: «я езжу повсюду — ну, посмотреть что-нибудь интересненькое...» Он не против, но не больше, он и от Бога не отпал и к Богу не пришел, и неизвестно, что он такое.

У Данте есть такое место, где находятся души подобного рода — после Лимба, перед рекой, через которую Харон переправляет души, носится толпа жалких существ, которых и ад не принимает, и небо не берет; никто их не берет, и они находятся в каком-то междуцарствии, и во главе их — какой-то «великий», совершивший отречение. Толкователи разделяются, и одни считают, что это отрекшийся папа Целестин (хотя многие предполагают, что он был даже святым), а другие считают, что это богатый юноша, который упоминается в Евангелии. И нам всем, и после обращения, и всегда может угрожать такая опасность. Процесса непрерывного возрастания нет, быть не может, и нам не дано. У нас есть процесс постоянного возвращения к юности, возвращения к первой любви, постоянного обновления.

Такова история всей церкви — это всегда возврат к Евангелию, возврат к истокам; иногда христиане круто разделываются с тем, что они накопили, и снова возвращаются вглубь. Даже тяжелый кризис церковного человека, хотя и опасен, но не так опасен, как состояние прелести, когда человек живет и не понимает, что он гибнет, а воображает, что все в порядке. Идут годы, месяцы, а потом — «со святыми упокой», и все оказалось впустую.

Когда спрашивают, можно ли получить спасение вне церкви, вопрос этот всегда задается без учета самого смысла понятия «спасение». Когда мы говорим о спасении, как о приобщении человека к божественной жизни, мы сразу же можем отдать себе отчет в том, что это приобще-

ние однородным быть не может. Каждый человек приобщается к Богу в свою меру и в свою возможность, как и каждый народ и каждая цивилизация имеет какую-то свою меру к спасению.

Подлинное и полное приобщение к Богу может быть только через Его непосредственное явление. Конечно, древние мистики и пророки, суфии, дервиши, индийские брахманы — все они через свой мистический опыт в какой-то мере приближаются к Богу. Но все это идет через человеческие усилия, через человеческую устремленность вверх. И только в одном случае, в случае Христа, Бог является непосредственно. Это единственное и самое прямое откровение, поэтому спасение во Христе есть уникальное, единственное в своем роде, то есть самое глубочайшее приближение к Богу, а все остальное — где-то рядом, может быть, где-то очень близко. И когда мусульманин совершает свой намаз, обращаясь в сторону Мекки, то, конечно, он взывает к тому же Богу, что и мы. И этот Бог отвечает ему в солнце пустыни и в тишине ночью отвечает ему. Но никакая пустыня, никакое солнце, никакое мистическое переживание человека не может быть сравнено с тем, что было открыто Самим Богом через воплотившегося Христа. Именно в этом смысле мы говорим, что вне Христа нет того спасения, что во Христе. Какое-то спасение, какая-то приобщенность может быть даже и у атеиста, у человека, мысль которого повернута в ложную сторону, но сердце которого в некоторой степени какую-то крупицу Божьей благодати все-таки получает. А в отношении того, что будет дальше, можно сказать, что дальнейший путь души есть продолжение того, что началось уже здесь. Спасение начинается тут, по эту сторону жизни. Это причастие подается нам тут, в этой жизни, а там оно будет развиваться далее. Пройдут ли те, кто не верил, когда умер, через познание Христа? — Это для нас тайна, которую разберет Господь Бог.

Откр. 4, 1—2. Картина, которую рисует здесь евангелист, есть как бы иконописное изображение небесного богослужения, где небо — нечто подобное храму, и невидимое присутствие Божие явлено в виде пучка света. Сидящий подобен драгоценному камню, это центр, из которого исходят лучи света, а над ним — радуга, то есть здесь нет никакого антропоморфного, человекоподобного образа. Преклоняющиеся старцы, чудовища с головами живых существ, с телами, «исполненными очей»,— все это сверхмировое, неземное богослужение. Сначала рассмотрим его детали, а потом обратимся к общему смыслу.

Слова *«После сего я взглянул...»* — это обычное в апокалиптической литературе выражение, обозначающее переход к следующей теме. «После сего взглянул»... — поднял глаза — и нечто происходит. *«И вот дверь отверста на небе...»* — это означает, что апостол Иоанн созерцает э т о издалека, он сам т у д а не входит, он остается у врат, а перед ним открывается как бы картина, как бы сцена, которую он видит, но сам в ней не участвует. Когда апостол Павел упоминает о своем состоянии духовного вознесения, он говорит, что «был вознесен до седьмого неба». Здесь же это небо открывается, но апостол Иоанн его только созерцает.

И вот он слышит голос: — Тебе сейчас будет все это показано. Все, что здесь написано, напоминает какой-то сон, происходит как бы во сне. С другой стороны, каждое слово здесь продиктовано Библией, Ветхим Заветом, и все образы привычны. В самом деле, сон и видение близко родственны между собой, потому что во сне мы вступаем в контакт с некоторыми духовными реальностями, и они воплощаются в те формы, которые свойственны нашему мышлению вообще, нашему опыту в частности, и конкретным событиям нашей жизни в эти годы, месяцы и дни.

«И тотчас я был в духе...» (Откр. 4, 2) — Отверзшиеся врата — это, конечно, условное выражение, но ведет оно свое происхождение от «врат храма» и «врат скинии». Это врата, которые бывали распахнуты, когда выносили ковчег завета в знак пребывания Бога в народе. Но вот здесь уже нет ковчега и нет храма. Был ли храм в это время уже разрушен, или же он находился в роковой опасности, или это было до разрушения храма — вопрос спорный. Мы говорили вначале, что Апокалипсис датируется промежутком между шестьдесят четвертым и девяносто пятым годом. Но главное — то, что евангелист показывает: земное богослужение — это отблеск некоего богослужения в ином мире, и поэтому для того, чтобы видеть это богослужение, надо иметь особую харизму. «И тотчас я был в духе»... — это вдохновение снизошло на него немедленно.

«И вот, престол стоял на небе»... — значит, он видит трон. Престол — это трон в данном контексте (образ, взятый из шестой главы пророка Исайи, где Господь восседает на троне; этот же образ содержится в книге Царств, где пророк увидел Господа, восседавшего на троне). Трон — символ царственности, но на нем нет царя, а есть сгусток огня и света, который писатель смог только сравнить с драгоценными камнями, и радуга, которая осеняет этот трон.

«Двадцать четыре престола» — это человечество, животные, эти чудовища с головами тельца, льва, орла и человека — это керубы, херувимы, олицетворяющие собой тварный мир. Издревле, с первых же книг Библии они олицетворяли вселенную. Особенно ясно это сказано у пророка Иезекииля, где четыре херувима, огромных огненных керуба, похожие на тех, которые изображали ассирийцы и вавилоняне, несут на своих плечах божественную колесницу. И вот, здесь эти же подобия керубов окружают небесный ковчег, и двадцать четыре старца с обеих сторон по двенадцать,— это знак избранников человечества. Одни считали, что это церковь Ветхого Завета и Нового, патриархи и апостолы (что не исключено, если это написано в 90-х годах). Но если в шестьдесят четвертом году, когда, возможно, некоторые апостолы были еще живы, то это уже сомнительно. Христос говорит: «Сядьте на престолах судить двенадцать колен Израилевых», то есть когда Господь приближает к Себе, следовательно, сажает одесную, по правую руку от своего престола,— это означает особое доверие Божие.

Есть еще одно толкование, сводимое к следующему: в Иерусалимском храме было двадцать четыре череды священников, которые должны были совершать богослужение в течение суток. И здесь, поскольку совершается некое небесное богослужение, мы находимся в небесном алтаре, здесь эти двадцать четыре старца — это небесные священники, предстатели, представители рода человеческого, небесные двадцать четыре череды.

«От престола исходили молнии и громы и гласы» — это образ Синая. *«И семь светильников огненных горели пред престолом, которые суть семь духов Божиих...»* Семь — это полнота духовного мира, семь ангелов книги Товита, которые находятся у Бога, и одновременно полнота церкви, ибо семь ангелов — покровители семи церквей.

«Перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу»... — обычный в Библии образ мирового космического глобуса, это небо, небесный свод, который напоминает одновременно и море, и прозрачное стекло.

Четыре животных — это космическая вселенная и они — на ее четырех углах. *«Они исполнены очей»* — очи, у пророка Иезекииля,— это звезды, которые сверкают на небесной колеснице, и таким образом здесь собрано все мироздание: люди, живые твари и небесные тела. И все они взывают непрерывно, ни днем, ни ночью не переставая: «Свят, свят, свят Господь Саваоф». Это слова из шестой главы пророка Исайи, это песнь ангелов, песнь серафимов.

Но что значит *«ни днем, ни ночью не имеют покоя»*? Это означает, что космическое богослужение есть особый род богообщения, и что они имеют постоянное общение с Богом. Богослужение имеет своею целью богообщение, это путь к Богу, а не то, что Богу приносят что-то, в чем Он нуждается. Так вот, небесные существа, духовные существа, которые лежат в основе природы, ангелы и люди находятся там в постоянном общении с Богом. Именно это и означает... «ни днем ни ночью не имеют покоя...», то есть для них нет времени. Они над временем, над бытием, там они взывают: *«Свят, свят, свят, Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет»*. Полагают, что эта песнь была очень древняя, ее пели первые христиане в апостольское время (именно поэтому она и вошла в литургию). Не только природа воздает хвалу Богу, но и вся тварь, особенно двадцать четыре старца, которые падают перед живущим, полагают свои венцы перед престолом.

Почему они полагают свои венцы? Увенчано все человечество; человек поставлен как царь твари, но в то же время он царь только лишь потому, что получил свою власть свыше, от Бога. Когда он хочет отпасть от Бога, он надевает на себя этот венец и считает его собственным. Когда же истинное человечество стоит перед лицом Божиим, оно падает перед Ним и снимает свой венец. *«Достоин Ты, Господи, принять славу, и честь, и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено»*. Перед нами небесная евхаристия; воздается слава, честь и благодарение Сидящему на престоле, а благодарение и есть евхаристия. Это начало описания тайны судеб мира некоторые толкователи считают прологом обращения к иудейской церкви — отсюда и по одиннадцатую главу, а с двенадцатой главы — обращение к языческой церкви. Но это деление принимается далеко не всеми. Во всяком случае, повествование о сокровенных судьбах мира начинается с картины видения славы Божией, нарисованной красками ветхозаветных авторов.

Откр. 5, 1. Первый акт этого видения — картина престола Божия, которой завершается дантовский «Рай». Второй акт — явление книги, и книга эта — история мироздания, та, которая видна Богу из запредельных высей в законченном и совер-

шенном виде. Не совсем то, что предназначено,— мы не будем употреблять такой жесткий термин,— а то, что вершится на самом деле. Нам трудно вместить это в наше сознание, в нашем измерении бытия всегда остаются возможности идти направо и налево, но вот, если мы посмотрим назад, то увидим, что наш выбор уже нельзя изменить, где-то он уже был сделан. И вот где-то пишутся события; кстати, это совсем по ту сторону времени, что означает выход за предел твари, так как тварь может находиться только во времени. И вот апокалиптики, древние авторы апокрифов, уповали на то, что эта сокровенная книга им раскроется, и в этих своих упованиях они часто приходили к далекому от библейского понимания детерминизму: якобы все определено довольно жестко и иного пути нет. Так считали авторы Книги Еноха, Книги Сивиллы, Книги Юбилеев, Завещания двенадцати патриархов и т. д.

У пророка Даниила, канонического апокалиптика, это выражено не в такой резкой форме. У него как бы сохраняется альтернатива. Здесь же, у автора Апокалипсиса, хотя, казалось бы, он целиком проникнут тем же духом, ясно сказано: это тайна, в которую никто проникнуть не может. Только тот может проникнуть в нее, кто стоит по ту сторону тварного бытия. Эта мысль дана с глубоко драматичной конкретностью: он видит таинственную книгу, он так стремится узнать, что же будет, что даже плачет,— так ему горько, что будущее закрыто **(Откр. 5, 4.)** А ведь христианину не подобает жить будущим и смотреть в будущее, оно закрыто, да и кто это может? Никто. Старец ему говорит, что *«лев от колена Иудина, корень Давидов победил»*.

И вот тут-то проявляется сверхчеловеческое достоинство Христа **(Откр. 5, 6)**. Он стоит посреди старцев,— заметьте,— не на престоле,— нет, Христос подходит как искатель, как Тот, кого надо вознести, и когда Он идет по земле, Он добровольно лишает Себя почти всех прерогатив божественности. Он не только нуждается в отдыхе, в сне, в пище, но и страдает и умирает. Он не имеет всякой власти на небе и на земле. И только победив смерть, Он, именно человек Христос, получает эту власть. Он, одновременно являясь человеком, находится по ту сторону твари, поэтому Он и может открыть эту книгу, единственный из всех. Хотя апостол Иоанн еще не дает полной формулы богочеловечества, но он сразу хочет подчеркнуть, что это не просто пророк, вознесенный откуда-то в человеческие глубины. Иисус предстает перед старцами в символическом виде. Он победитель; победитель должен придти с мечом, на коне, в венце, как потом в Апокалипсисе. Он явится победителем империи. А здесь, *«лев от колена Иудина»* — по библейскому пророчеству это Мессия, Избавитель. *«Корень Давидов»* — это тоже явное указание на Мессию-Христа. Он победил и может раскрыть эту книгу. Но, несмотря на то, что Он победил, Он не является во всеоружии, а приходит, как Агнец со знаками заклания, как бы закланным.

Изобразить этот облик Христа, стоящего перед троном, нельзя, нет живописных красок, потому что у Него семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, то есть семь сил Святого Духа (рог в Ветхом Завете и в древневосточной символике всегда обозначал силу).

Семь очей обозначают полноту Его познания и одновременно — Его взирание на церкви. Они — *«суть семь духов Божиих, посланных во всю землю»*, действующих в церквах. *«И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле»*. И здесь имеется обращение не только к Сидящему, но и к Самому Агнцу. Присутствующий, совершающий литургию Космос в лице чудовищных херувимов, ангелов и старцев,— все они падают ниц перед Ангелом, а музыкальные инструменты, чаши с фимиамом — это все, как поясняет сам апостол, суть молитвы святых. *«Поют новую песнь»*.

Что значит «новую песнь»? Тут несколько раз упоминается о новой песне, потому что «старая песнь» — это один из важнейших ветхозаветных гимнов. В данном случае старая песнь считается — «Свят, свят, свят Господь Саваоф». А тут новая, *«достоин Ты — это уже обращение к Агнцу — взять книгу и снять с нее печати»*, Агнец победил, но победил не силой, а тем, что был заклан, и *«кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка и народа и племени»*. *«И соделал нас царями и священниками Богу нашему»*. Эти слова подтверждают общую мысль толкователя о том, что двадцать четыре старца обозначают человечество избранных. Неважно, принадлежат ли двенадцать из них к Ветхому Завету, и двенадцать — к Новому, но так или иначе здесь совокупность церкви, как человечества, и человечества как церкви перенесение на церковь общего усыновления, которое было дано сначала Израилю, а потом всей Церкви.

Откр. 5, 10. *«И мы будем царствовать на земле»*, то есть царство Божие — это владычество благословенных принципов, которые Господь хочет положить в основу творения и которых нет, пока существуют противящиеся силы. И весь Апокалипсис посвящен вот этой брани, этой трагедии, что мир восстает против Бога и противится Ему: он — как бы ответ людям в первые дни первых же гонений. Он — ответ недоумевающим, которые ждали немедленного сошествия Христа в силе и славе, ответ тем, которые не могли понять, почему не совершается массового обращения, такого, как они думали. Мир противится Богу, но, когда Бог будет царствовать, этого уже не будет. И тогда избранные, то есть те, которые пошли за Ним, будут царствовать на земле. Но это не маленькая кучка или горсточка, как думали кумранские сектанты или им подобные группы. Здесь сказано: *«голос многих Ангелов вокруг престола и животных и старцев, и число их было тьмы тем и тысячи тысяч»*,— это число не только ангелов, но и людей, их огромное множество, и они поют песнь. Возможно, это одна из песен ранних христиан о достойности Агнца закланного, Который принимает дары Духа Святого, силу, богатство, премудрость, крепость, честь и славу и благословение, и владеет этими сокровищами. И тут все создание — подчеркивается, что вся природа на небе и на земле, то есть весь космос, воспевает уже славу и Богу, и Агнцу, сидящему на престоле, *«и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков»*.

Тот, кто был Человеком, Тот, Кто был заклан, становится теперь одесную Бога. Иисус как Бог всегда находится в Троице, а как Богочеловек Он поднимается с земли — в этом тайна Вознесения — и входит в божественный мир. После этого идет раскрытие печатей, раскрытие тайны катастроф, которые предшествуют явлению Христа в силе и славе.

Число четыре — в том случае, когда говорится о четырех животных,— всегда в древности обозначало мировой круг, четыре страны света, полноту такого рода. И когда спрашивали — почему Евангелий четыре, то ранние христианские писатели отвечали: потому что четыре страны света. Многим этот ответ казался странным, но на самом деле это означало символическую полноту, как и квадратный Иерусалим в видении Иезекииля, как четверо ворот; это был такой вселенский, всемирный знак, произошло параллельное развитие, и вот было выбрано четыре Евангелия и четыре животных. Их изображали когда-то отдельно; четыре животных, четыре херувима, изображались в ранних христианских храмах, а уже потом — евангелисты, а потом они как-то слились. По поводу этого уже есть последующие толкования, но чисто произвольные, которые каждый может придумать.

Обычные традиционные толкования сводятся к тому, что евангелист Матфей символизируется человеком, потому что он начинает с человеческой родословной Христа. Евангелист Марк изображается со львом, потому что он начинает с описания пустыни и Крестителя. Евангелист Лука — с тельцом, потому что он начинает с описания жертвоприношения в храме, совершаемого Захарией. А апостол Иоанн, как орел, возносится в горние сферы. Это было принято в средние века, но на самом деле не имеет значения.

Как же быть с теми тварями, которые обладают вечной жизнью — с ангелами, с небесными силами, херувимами и т. д. и с душами в том числе? В какой мере они причастны к вечности или, приобщившись вечности, они должны потерять что-то от своей тварности, но во всех случаях они остаются тварями? Помните слова Спасителя: «Ангелы небесные не знают, когда будет день и час — И Сын Человеческий не знает...» Он не получил силу и славу, пока Он не поднялся туда, Он Себя умалил, и поэтому Он не мог стоять вне времени. Значит, и ангелы тоже как-то по-своему зависят от времени, они, может быть, более свободны от него, чем мы, но по-настоящему, полностью выйти из него, очевидно, они не могут. А в будущем, как и сказано, времени уже не будет, но до этого мы еще не дошли. А пока все пребывают во времени, и души тоже, недаром у нас отмечается сорок дней.

* * *

Откр. 6. Агнец Божий, Который является перед престолом небесным, снимает печати с книги таинств, с книги, в которой записаны будущие судьбы Церкви мира, полные борьбы, катастроф, испытаний и страданий, изображаемых в видении снятия семи печатей. Надо сказать, что апостол Иоанн употребляет число семь в тексте всего Апокалипсиса. Мы уже встречали послание к семи церквам, далее пойдут семь печатей, семь трубных звуков, семь гласов с неба, семь видений. Апокалипсис можно разделить условно на семь больших семерок, потому что он говорит об исполнении времен, о полноте, о том, что будет, когда завершится история мира.

Откр. 6, 1—8. Первые четыре печати, четыре всадника. Уже в книге пророка Исайи мы видим образы всадников-носителей бича Божия, грозы Божией. Всадники-посланники судеб Божиих изображались также в книге пророка Захарии. Кто же эти четыре всадника в Апокалипсисе? Это изоб-

ражение тех катастроф, которые постигнут мир, самых трудных, переходных, критических эпох.

Первый конь — это Империя. В данном случае — это Римская империя, потому что это конь белый, торжествующий, всадник победоносный, с луком; он впереди. Во времена апостола Иоанна Римская империя объединяла мир. И каждый раз, когда появлялись империи, для церкви наступало тяжелое и трудное время. Второй всадник — рыжий конь — это война. Попытка насильственно объединить людей вместе приводит к нескончаемым войнам и взаимным убийствам.

Третья печать, третий всадник — это голод. Конь вороной, всадник, имеющий меру, то есть весы. *«И слышал я голос... — хиникс пшеницы за динарий»*. В те времена, когда жил апостол Иоанн, повсюду начался массовый голод, больше того — за динарий можно было купить лишь горсточку пшеницы или ячменя. Между тем виноградники давали огромный урожай, кладовые были полны сосудов с вином, повальное пьянство буйствовало в странах, где голод терзал людей. А в девяностые годы, в то время, когда, как полагают, писался Апокалипсис, император даже издал указ вырубать виноградники, потому что люди, вместо того, чтоб сеять пшеницу, сажали виноград. Вина и елея, то есть того, что не необходимо, без чего люди могут обойтись,— этого было достаточно, как иногда у нас бывает — стоит на прилавках вино, а необходимого нет. И вот здесь именно то самое — нет самого важного — хлеба, ячменя и пшеницы, а вино и елей есть.

Наконец, последние, завершающие в этом страшном шествии — два демона. В ханаанском пантеоне было два страшных божества, имена которых по-русски значат — Преисподняя и Смерть. Впоследствии в ветхозаветной терминологии так называли демонов смерти, и здесь апостол снова возвращает нас к этим образам: всадник на бледном коне, бледном, подобно умершему человеку. Его имя Мот, по-гречески смерть, и ад следовал за ним; за ним следовал Шивон, и они пришли получить власть над четвертой частью земли. Во все подобные периоды мы видим, какие катастрофические последствия влекут за собой насилие, война и отвращение человека от Бога.

Но в чем же дело? Что произошло в то время, когда писал апостол? Об этом нам говорит снятие пятой печати. *«И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие»...* **(Откр. 6, 9—11)**. Вопль крови — это древний образ. Уже в книге Бытия, когда Авель был убит Каином, Господь говорит: «Кровь вопиет к небу». Значит, есть какой-то таинственный закон в мире, который греки называют законом Дикэ, который индийцы называют законом кармы, который мы называем законом воздаяния. Зло не может остаться неотомщенным, оно обязательно где-то — в том или этом мире — каким-то образом должно уравновеситься, о чем и говорят библейские слова «голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли». Она требует возмездия, а здесь не просто кровь — здесь души убиенных за слово Божие.

Массовая резня, которая началась в 64 году в Риме, перекинулась на другие области. Впервые мы об этом узнаем не только по намекам Нового Завета, но и из сообщения римского историка Тацита, который в 15-й книге своих «Анналов» пишет, что Рим постиг в 64-м году огромный пожар, почти весь город сгорел, осталось всего четыре квартала. И когда народное недовольство обрушилось на правительство, император, чтобы отвести от себя гнев народа, начал аресты христиан, обвиняя их в поджоге города. Было схвачено очень много людей, как пишет Тацит — «огромное множество». Часть из них была зашита в звериные шкуры и брошена на арену, чтобы их растерзали дикие звери. Часть была привязана в парке, и во время гуляния они освещали ночной парк: они все были облиты смолой и подожжены, и горели. И сам император на колеснице разъезжал по аллеям парка, наблюдая за этим зрелищем. И, пишет Тацит, — который ненавидел христиан,— народное сочувствие обратилось к ним, потому что люди стали понимать, что все эти мученики погибают не за свою настоящую вину, а по прихоти одного человека. Полагают, что именно в это время погиб и апостол Петр. Он был распят на ватиканском холме, там, где теперь обнаружена его могила и прямо над ней находится престол собора св. Петра. Во время последней войны археологи стали копать под престолом, нашли античное кладбище и там могилу апостола Петра и даже кости, которые, как полагают, принадлежат самому апостолу. Те из нас, которые хотели бы хорошо представить себе эту эпоху, могут прочесть о ней в книге «Камо грядеши» Сенкевича, где довольно верно, близко к истории, изображены гонения на христиан. И вот здесь, перед нами эти мученики, которых св. Климент Римский называет «данаидами и дирками», потому что они должны были изображать на сцене страдания героинь античной мифологии, и с ними проделали все те ужасы, которые происходили с этими героинями.

Конечно, у некоторых возникает вопрос — почему здесь эти мученики, если сказано «не судить и не мстить». Хорошо говорить об этом дома, в спокойной обстановке. А когда люди сидели в лагерях, когда видели уничтожение массы людей, то все чувствовали необходимость суда. Один из узников совести нашего времени в лагере писал в своих записках, что Страшный суд нужен, как Нюрнбергский процесс, он нужен человеку, иначе не будет никакой праведности Божией, никакой справедливости, иначе невозможно; человек требует этого в глубине своей души. Что-то попрано, что не может быть просто снято, а должно быть изжито.

И наконец, шестая печать **(Откр. 6, 12—17)**. Некоторые толкователи считали, что ужасные катастрофы, которые потрясали мир в то время, когда писался Апокалипсис, как бы пробудили душу Иоанна к этим образам. Напомню вам, что извержение Везувия, при котором погибли Помпея и Геркуланум, произошло как раз в эти годы, а в архипелаге, где находился Патмос, был целый ряд извержений. Но полагают, что подобного рода объяснения недостаточно. Все, что мы сейчас с вами читаем, взято из Ветхого Завета. Вот эти образы: померкшее солнце, небо, свившееся как свиток, луна и звезды, падающие как смоквы,— все это образы грядущего богоявления: когда Творец вступает, вторгается в мир природы, весь мир тает — горы тают, как воск, холмы пляшут, содрогается земля. Читайте третью главу книги пророка Аввакума, и вы увидите, что значит приближение Господне. Снятие шестой печати — это символ приближения Господня.

Многие пытаются найти какую-то аналогию и в современных землетрясениях. На это я могу только сказать, что есть тут некая тайна: возможно (подчеркиваю, только возможно), что при глубоких нравственных и политических кризисах природа реагирует так, что усиливаются какие-то катастрофические процессы. Я на этом не настаиваю, но полагаю, что это возможно. Я думаю, что природа — «не слепок, не бездушный лик», как писал об этом Тютчев, что она может содрогаться в те дни, когда люди переходят меру в беззакониях, и тогда возникает голод, засуха, затворяется небо, происходит землетрясение.

Как это могло происходить в древности, мы знаем теперь по раскопкам Помпеи. Мы видим этих людей, слепки которых сейчас лежат в музеях, улицы, застигнутые врасплох, даже собаку с ошейником, на котором написано, что она трижды спасала своего хозяина, она и в последний раз пыталась его спасти и погибла вместе с ним. Нашли там и комнатку, где были алтарь и крест, там жили христиане. Землетрясение и такие катастрофы — это самый страшный, но и самый, может быть, впечатляющий образ суда Божия. Но природа, конечно, действует «крупномасштабно» и сильно; когда она начинает содрогаться, она действует не как суд Божий, а губит и правых, и виноватых. Она подобна разъяренному боевому слону древности, который, если его ранили, поворачивался и начинал топтать своих. Духовный, внутренний смысл снятия шестой печати заключается в близости Богоявления. Это вовсе не значит, что земля кончилась, хотя тут, кажется, и звезды спали с неба, и солнце... Дальше будут описываться события на земле. А это — близость Богоявления.

Седьмая печать возвещает начало уже нового цикла бедствий. Есть такое толкование, что вот эти печати, и семь чаш гнева, и семь труб — это как бы параллельный рассказ об одном и том же, то есть апостол старается по-разному, на разных языках изложить одну и ту же тему. Такое толкование принято многими, очень возможно, но я во всяком случае не думаю, чтобы здесь была возможность такой последовательности, что тогда-то наступит землетрясение, тогда-то наступит то-то... землетрясения были и тогда и сейчас. Сейчас мир находится в кризисе — и чудовищные землетрясения его потрясают и может быть, что и еще через тысячу лет будет также.

* * *

Откр. 7, 1—3. Четыре ангела — это образ, заимствованный из книги пророка Захарии, где говорится о четырех ангелах, стоящих у престола; они, по числу стран света, обозначают полноту духовного мира. Прежде, чем наступят дни скорби, печатью запечатлеваются все избранные, иными словами — священный остаток. Остаток — это термин, взятый из Ветхого Завета, обозначающий малое стадо среди народа Божия. В книге пророка Иезекииля говорится то же самое — приходит бедствие, но Ангел ставит печать «тав» на челах людей. И вот тут удивительное, таинственное совпадение преобразований. В современном еврейском квадратном шрифте буква «тав» напоминает русское «п», но в древних алфавитах, в древнем ханаанском и в финикийском, буква «тав» выглядела как крест, — либо как крест св. Андрея (см. некоторые надписи X века до н. э.), либо просто как крест, как во всех финикийских надписях. (Кстати сказать, в

русском синодальном переводе эти слова пророка Иезекииля приводятся в неточном виде. Там сказано просто: «и на челах людей ... сделай знак». А в подлиннике так и стоит — «сделай тав».) У древних христиан, очевидно, это и стало первым знаком осенения себя крестным знамением и осенения верующего во время крещения святой водой, то есть это было знаком Христа, и мало кем замечено, чем был этот удивительный прообраз у пророка Иезекииля. Здесь — тот же самый символ. Среди бури и смятений мира избирается малое стадо, и на них печать. В данном случае это печать крещения, и не просто печать крещения, но печать следования за Агнцем.

Откр. 7, 4. По мнению большинства толкователей, речь идет об остатке ветхозаветной церкви, о церкви первенствующей по времени, об остатке церкви Израиля. Сто сорок четыре тысячи — символическое число, произведение двенадцати тысяч на двенадцати колен Израилевых. И далее идет следующий текст: *«Из колена Иудина...»* **(Откр. 7, 5—8).** Перечисляются все колена Израилевы, это торжественное перечисление в знак того, что двенадцать избранных уделов, двенадцать тысяч в каждом — сто сорок четыре тысячи. Колено Даново здесь не упомянуто, некоторые думают, что оно к тому времени исчезло из летописи. Есть даже такое мнение, ничем, правда, не подтвержденное, что из Данова колена произойдет антихрист, поэтому из этого колена не было якобы ни одного человека, который бы остался верен Богу и пошел за Христом. На самом же деле во времена первых веков церкви почти не осталось людей из Неффалимова, Асирова колена, которые исчезли много веков тому назад в ассирийском плену. По существу, в Палестине и в рассеянии остались потомки колен Иуды, Левия, Вениамина, Симона, их остатки, а все остальные колена исчезли, так что перечисление имеет чисто символический характер. Значит, в церкви Ветхого Завета выделяется малый остаток, ядро церкви Нового Завета. Но этим малым числом, этим остатком движение царства Христова по миру не ограничивается.

Следующая картина вводит нас уже в более широкую перспективу **(Откр. 7, 9—17).** Здесь речь идет уже о вселенской Церкви, о людях, которых невозможно перечесть, из всех племен и народов. Они идут в белых одеждах с пальмовыми ветвями в руках. Праздничные одежды и пальмовые ветви — это атрибуты праздника кущей, а у пророка Захарии во второй части его книги именно праздник кущей связан с эрой пришествия Мессии, так что эти люди с пальмовыми ветвями справляют новый эсхатологический праздник кущей, праздник, связанный с исходом из Египта, с освобождением из рабства, как и праздник Пасхи. Храм ветхозаветный может быть разрушен (вероятно, в это время его уже не существовало), но Иоанн-провидец говорит нам, что Храм есть, что это небесный храм, и что все, кто омыл свои одежды кровью Агнца, то есть принял крещение и искупительную силу страданий Христовых, день и ночь будут служить Сидящему в храме. Этот храм — уже небесный храм, вселенский храм, вселенская Церковь. И далее автор приводит буквально слова пророка Исайи: *«Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной». «Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод»* — это цитата из пророка Исайи, то есть все здесь сказано словами ветхозаветных провидцев. Иными словами — вселенская Церковь отпразднует освобождение мира от власти тьмы и зла, и Бог будет пребывать с ней до полного уничтожения всякой тьмы. Никакое зло не коснется их, потому что Господь будет рядом с ними, и Агнец, Который среди престола, будет их Утешителем и единственным Пастырем.

* * *

Откр. 8, 1—6. Седьмая печать означает начало бедствий, начало семи труб, которые по существу являются расширенным воспроизведением древних семи казней египетских. Семь ангелов — это все те же ангелы, которые упоминаются в книге Товита, обозначающие как бы свиту Господню в небе, и одновременно те же семь ангелов, которые фигурируют в начале Апокалипсиса.

Наступает безмолвие на небе, это безмолвие — признак близящейся грозы. Провидец Патмосский, когда находился на скалах этого острова, вероятно, не раз мог наблюдать, как затихает море, как воздух становится как бы тяжелым и неподвижным, и все жители Средиземноморья знали, что это затишье всегда бывает перед бурей. И кроме того, это напоминает нам ту тишину, в которой пришел Господь, как Он явился Илье-пророку после громов и молний. Приближается Бог, перед Ним идет суд, перед Ним идут трубы, как перед царем идут герольды, трубы, которые звучали на Синае. И фимиам перед Господом — это уже не фимиам телесный, а молитва святых, которая поднимается к небу и ока-

зывает какое-то воздействие на мир. (Мы это знаем всегда, недаром говорят о трех праведниках.) И вот, кадильница с огнем, и все это пало на землю, и голоса, и гром, и молнии, и землетрясение,— наступает момент встречи Божьей правды с человеческой неправдой. Семь казней, семь труб.

Откр. 8, 6—13. Как я уже говорил, эти страшные знамения, эти грозные события, которые следуют за звуками труб, изображаются Иоанном красками древнего сказания о казнях египетских. Казни египетские — это картина зла, посеянного человеком и снова падающего на человека в качестве возмездия. Египтяне обоготворяли воздух, землю, животных, и все эти стихии, которым они поклонялись, сами обращаются против них. Сгущается тьма над Египтом, и насекомые, и град, смешанный с огнем и с кровью, то есть все стихии как бы оборачиваются против человека, потому что человек их обоготворил. Все, что здесь говорится о бедствиях, связанных с первой трубой, прямо взято из книги Исход, где говорится об этом граде, о гибели деревьев, о гибели животных и т. д. Да и смысл тот же самый: человечество сеет зло и его же пожинает. Это же зло, которое люди создали, приходит на них в качестве возмездия. Но в этом, в этой трагедии участвуют демонические силы. Образ большой горы, пышущей огнем, некоторые толкователи-историки трактуют как образ, навеянный Иоанну геологическими катастрофами, которые потрясали средиземноморский мир в то время: извергались вулканы, рушились целые острова. Во многих местах, да и недалеко от Патмоса, можно было видеть вулканические обломки, даже огонь.

Но такое толкование не имеет большого смысла, надо смотреть на систему символов, которая была свойственна литературе тогдашнего времени. «Гора, *пылающая огнем*» — это образ ангела, очень часто повторяющийся в книге Еноха, написанной за век-полтора до Рождества Христова и полной ярких, устрашающих космических символов. Книга Еноха пытается, так же как и книга апостола Иоанна, рассказать о драме борьбы демонических сил против правды Божьей. И вот, ангелы и, в частности, падшие ангелы изображаются там в виде пылающих гор и гигантских огненных масс, светил в небе, звезд. Падшие звезды, спустившиеся в недра,— символ какого-то демонического духовного существа, ну, скажем, здесь еще раз говорится о сатане. Падение сатаны в космической битве в Евангелии изображается в тех же красках. «Я видел сатану, как молнию, спадшего на землю»,— говорит Христос. Развязывание сатанинских сил на земле приводит к тому, что бедствия, эти новые казни египетские, в данном случае уже казни всемирные, продолжают усиливаться.

«Третья часть моря... третья часть живущих...» — откуда это взято? Это есть в книге Захарии, потому что, когда развивалось ветхозаветное учение об «остатке», был принят такой числовой символ, что две трети сохраняются, одна треть гибнет, как и сказано в книге Захарии. Две трети — это в конце концов будет «остаток», потому что «три» — тоже один из символов древности, символ тех, кто спасен. Один древний толкователь, очень почтенный (не буду приводить его имени, чтобы не давать повода для дурных суждений), говорил по этому поводу примерно так: сказано, что третья часть погибнет из живущих на земле и ввергнется в геенну огненную, но я-то думаю, что гораздо большее число. Ему этого казалось мало. Но все эти образы — и третья часть солнца, и третья часть луны, и третья часть звезд — совершенно невозможно понимать в буквальном смысле, потому что они передают нечто, что даже невозможно зрительно изобразить. Это символ того, что в мироздании гибнет не только человек, но и вся природа гибнет, но не полностью. Обрушиваются горы, обрушивается возмездие, но все-таки какая-то часть всегда остается. Причем надо сказать, что большая часть: две трети остаются, одна треть гибнет.

Здесь в конце сказано: *«И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба...»* В большинстве древних манускриптов стоит: «видел одного орла летящего». Там вовсе не «ангел», а «орел», только лишь в немногих рукописях «ангел». Соответственно есть и два толкования. Одно, что апостол сидел на берегу, когда писал этот манускрипт, и у него перед его внутренним взором проносились эти видения, и, может быть, какие-то образы, мелькавшие перед взором телесным, могли снова и снова будить в нем отклики. Когда он увидел коршуна, летящего над бездной и кричащего: «горе, горе, горе!» (по-гречески «уай, уай, уай!», то есть похоже на крик птицы, примерно как по-русски «увы, увы!» или «о, о!»), то этот клекот птицы, летящей среди пены и брызг у берега моря, мог его привести к внутреннему видению.

А есть другое понимание: речь идет об орле, о коршуне как о символе гибели. Христос говорит: «Там где труп, там соберутся орлы». Причем Он это говорит не

от Себя, это старая поговорка. Там, где лежал труп, всегда собирались коршуны; на Востоке, в Египте, в Сирии и повсюду, когда спускается коршун, это значит, что здесь гибель — вот она, и появление орла на горизонте — это еще один символ грядущих катастроф. Он кричит: «уай, уай!» — «горе, горе, горе!» Вы помните слова из пророка Исайи и из других пророков о трубном звуке, о долине Иосафата. Как труба созывала некогда людей в бой, так и труба в долине Иосафата созывает людей на суд, означает суд.

* * *

Откр. 9, 1—2. Опять этот образ, звезда, являющаяся из мира духовного. В апокалиптической литературе пылающие звезды были символами ангелов, духов; этот ангел открывает кладезь бездны, откуда выходят новые бедствия. *«Она* (то есть он, ангел) *отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи».* Это образ тоже старый, библейский, напоминающий нам рассказ о Содоме и Гоморре.

Откр. 9, 3. Саранча, как вы помните, тоже входит в казни египетские, но впоследствии библейские поэты и пророки не раз прибегали к символу саранчи как знаку божественного гнева. И это вполне понятно, потому что человек не мог остановить саранчу: она двигалась как неотвратимое полчище, оставляя за собой пустыню. А здесь уже саранча, сама по себе страшное бедствие, приобретает характер мистического нашествия (ср. **Откр. 9, 7**). В книге «Исход» в рассказе о казнях египетских саранча еще насекомое вполне реальное, в книге пророка Иоиля саранча уже как бы полуреальна. С одной стороны, это насекомые, нападающие на поля, несущие голод, с другой, — о них говорится как о войске сатанинском, как об ангелах мщения, которые посланы на грешную землю.

Откр. 9, 4—6. Нападая, обычная саранча приносила человеку голод, но она никогда не была опасна для людей, а здесь эта саранча имеет власть, как скорпионы, — она жалит людей. Конечно, многие толкователи пытались найти здесь какие-то реалии. Одни говорили, что это танки, самолеты, другие — что это конница парфян. Все это можно сюда подставить, и в каком-то смысле это будет обоснованно. Но самое главное — что казни продолжаются, что вызванное человеком демоническое полчище покрывает землю подобно саранче. И мы знаем, как сейчас действует эта саранча во всех ее обликах.

Откр. 9, 8—10. Здесь, конечно, кое-что взято из облика парфян. Образ реальной тучи саранчи сливается с тучей противника, несущегося на конях.

Откр. 9, 11. Бездна — это то место, где пребывает враг Божий. Первоначально это океан, а впоследствии — образ бога противящейся стихии, то есть очевидно, что это — саранча сатанинская. И что бы мы ни рассматривали: нашествие ли монголов, глобальные ли войны, дикости ли нашего времени, — все это имеет своим эпиграфом вот это повествование о саранче. *«Аполлион»* значит «губитель».

Откр. 9, 13—14. Четыре рога — это четыре украшения древнего жертвенника, мы опять приходим к парфянам. Дело в том, что парфяне в эпоху апостола Иоанна были единственной силой, которая противостояла Древнему Риму. Рим сокрушил все народы и стал той «блудницей Вавилонской», о которой апостол Иоанн будет говорить дальше. Рим — империя всесильная, развратная, жестокая, тираническая и демоническая. Но есть какие-то стихийные силы в человечестве, которые империи не подчинены. В те времена это были народы, жившие на Евфрате, огромное Парфянское царство, которое неоднократно оказывало сопротивление римлянам. Его пытались покорить и Юлий Цезарь и Красс, который отправился туда с огромным войском, и дело кончилось тем, что его голова оказалась в руках царя Парфянского. И вот, здесь образ варварских народов: четыре ангела, то есть варвары со всех четырех концов света. На Евфрате, потому что Евфрат был местом пересечения всех народов. Парфяне — это династия, которая правила этой страной, а населяли ее бактрийцы, иранцы, потомки древних вавилонян и множество других народов. Таким образом, это было и место пересечения различных цивилизаций. И эти варвары двигаются на цивилизованный мир, нанося ему великий удар. Мы можем перенести это на другие времена, мы можем говорить о китайцах, которые идут на Европу, павшую и согрешившую, мы можем говорить о гуннах, монголах — всегда это будет одно и то же, смысл будет общий.

Откр. 9, 15. Говоря об ангелах, всегда надо помнить, что «малех» — Ангел, это не обязательно то существо, которое несет радостную весть. В книге «Исход», которая все время как бы прорисовывается за рассказами о трубах и казнях, говорится об ангеле, который уничтожает, об ангеле-губителе.

Откр. 9, 16—17. Специально подчеркиваю, что речь идет не только о тех конкретных парфянах истории, которые грозили

всем народам, а о всех завоевателях, которые рано или поздно оказываются бичами Божиими, орудием воздаяния, и поэтому изображение их напоминает каких-то античных химер, чудовищ различных восточных мифов.

Откр. 9, 18—21. Перед нами — угрозы возмездия, которое приходит на человеческий род, и не в будущем — хочу призвать вас к глубокому пониманию этого, — не в будущем, а в с е г д а. Такие воздаяния были и во времена апостола Иоанна, и в IV веке, во времена Иоанна Златоуста, и в XI веке, во времена нашествия норманнов, и в XIII веке, во времена нашествия татар, и во все времена. А уж в наше время все это представлено в достаточном количестве. Апостол призывает нас к библейскому взгляду на исторический процесс. Не то, чтобы Господь все время кого-то карал, а кого-то награждал, — это грубое, отталкивающее, примитивное, антропоморфное представление. Но в мир внесены законы воздаяния, они действуют сами, что человек сеет, то он и пожинает. Скажем, одно поколение привозит в страну рабов, превращает людей в скот, через три поколения эти рабы превращаются в проблему для потомков тех, кто привез сюда этих рабов, и т. д. Всегда историческое воздаяние при дверях. Рушится александрийская церковь, потому что она изменила своему призванию, приходит к краху константинопольская церковь, терпит великие удары наша русская церковь. Когда турки вошли в Константинополь и заняли св. Софию, это тоже было событием библейского масштаба. И мы можем найти для него осмысление в словах Апокалипсиса, в словах древних пророков — Исайи, Иеремии, в посланиях, в словах Евангелия: «Се оставляется вам дом ваш пуст». И не без воли Божией мы видим вокруг закрытые храмы, облупившиеся и полуразвалившиеся; тут дело не только в злой воле тех, которые хотят эти храмы уничтожить. Если бы не наши грехи, то есть не грехи членов церкви, то никогда бы не было ни пустой, превращенной в мечеть св. Софии, ни храмов, превращенных в склады. Это значит, что мы согрешили еще больше, чем византийцы, если бы наш храм превращали в мечеть, это было бы еще полбеды. Наказание — это не судебный процесс, кончающийся приговором, а камень, брошенный вверх и падающий на голову того, кто его бросил.

* * *

Откр. 10, 1—11. После видения небесной литургии, после видения храма в запредельном мире Иоанн снова оказывается на берегу моря. Снова Патмос, снова на земле. И видит он ангела сильного, сходящего с неба. Образ этот обычно истолковывается комментаторами как образ особого мессианского ангела. В отличие от тех семи духов, которые предстоят престолу Божию, этот ангел — гигантский, он одной ногой стоит на море, другой — на земле, и голос его подобен реву льва, символа Мессии. Здесь же в Апокалипсисе мы читаем слова: *«лев от колена Иудина победил»*. Этот ангел как бы отражает в себе славу Мессии. (В начале мы видим Сына Человеческого, у Которого лицо подобно солнцу — помните в первых строчках Апокалипсиса? — здесь этот ангел как бы отражает в себе эти свойства.) Лицо его горит подобно солнцу, голову увенчивают облака, в этих облаках отражается солнце, создающее радугу вокруг его головы. Ноги его — как столпы огненные; ассоциация, связанная со странствованием в пустыне. Согласно ветхозаветным толкованиям, народ Божий шел за столпом огненным, который был Ангелом, предводительствующим стан народа. А этот ангел — мессианский Ангел Нового Завета: он ведет уже новый народ, он впереди него, как в древности огненный столп. И в руке у него была раскрытая книжка. Заметим, что это у нас в переводе *«книжка»*, на самом деле речь идет о маленьком свитке. Г и г а н т с к и й Ангел держит м а л е н ь к и й свиток. Ясно, что автор хочет его как-то отличить от предыдущей книги, запечатанной семью печатями, той огромной книги, которая была отверста Агнцем, книги Тайн Божиих.

Обычно толкователи считают, что огромная книга, в которой заключены тайны Божии, как-то связана с Ветхим Заветом. А вот малая книга, которую держит в руках исполинский, космический, мессианский Христов Ангел, эта книжечка — это есть благовестие Нового Завета, малое по размеру, великое по значению. Причем то, что в этой книге сказано, касается не только нынешнего, но и грядущего, и настолько далекого грядущего, что многие тайны его сокрыты. И мы видим здесь, насколько сейчас для человека бессмысленно заглядывать туда, куда не простирается его воображение.

Громок голос ангела, гремят громы, возвещая тайны грядущего, и голос говорит: *скрой это, не пиши сего*. Этого не нужно, об этом бесполезно писать. И для того, чтобы показать, насколько велик будет разрыв с современным состоянием человеческого рода, ангел возвещает одну из

великих тайн грядущего: *«времени уже не будет»*. Мы всегда мыслим, чувствуем, переживаем, как правило, во времени, и только в отдельные моменты какого-то духовного подъема мы как бы вырываемся из потока времени. В целом же наши мысли, чувства, действия, поступки,— все протекает во времени. Мы даже вообразить и представить себе что-нибудь, как теперь говорят «смоделировать», без времени не можем.

Время — единственный процесс, который совершенно необратим, и именно в этом яснее всего сказалась жесткость падшего детерминированного мира. Нигде так, как во времени, не сказывается это враждебное свободе, это смертельное, роковое, необоримое свойство падшего мира. Все можно подчинить и исправить, только время нельзя обратить вспять. Над этим бился известный мыслитель Лев Шестов, перед которым после смерти сына встала трагическая проблема: сможет ли Бог сделать бывшее небывшим, можно ли сделать так, чтоб Сократа не отравили, чтоб этого не было совсем... И он приходит к парадоксальному выводу, что Бог может так сделать. Об этом не говорит нам ничего Священное Писание. Оно говорит только о том, что вот это жесткое, непреодолимое, необратимое время, или скажем — время падшего мира, или скажем — падшее время мира, как бы ни выразиться, но вот это наше неумолимое время, подобное року, исчезнет в Царствии Божием. И об этом говорится не просто какими-то утверждающими словами: здесь дается клятва. Ангел поднимает руку к небу и клянется именем Божиим, живущим во веки веков. Значит, мир полностью трансформируется, поэтому нам трудно, почти невозможно загадывать и заглядывать туда.

Времени не будет, но совершится Тайна Божия. Это слово впервые появляется у пророка Даниила. Тайна Божия — это особое слово, оно там передано существительным персидского корня. Обычно протестантские толкователи переводят это так «Божественный план спасения», древнегреческие отцы называют это «Божественная икономия», или по-русски «Домостроительство», или Божественный замысел. Так вот, эта Тайна Божия свершится, как Он благовествовал рабам Своим пророкам, то есть совершится полное преображение, обожествление твари. В ней раскроется все то, что Господь заложил в нее с самого начала, и это — предел того, что мы можем знать. Но прежде чем это наступит, идет пророчество Нового Завета, идет Весть, Благовестие Нового Завета, книга, которая говорит о блаженстве и одновременно книга суровая,— вот образ свитка, который пророк съедает, на устах его он сладок, а в утробе станет горек. Это уже было у Иезекииля, апостол Иоанн просто использует этот образ.

Дальше идут слова: *«тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих»*. Это обращение к пророку Иеремии и к Иезекиилю (ср. вторую главу Иезекииля), то есть это значит, что пророчество будет касаться судеб всего мира, судеб всего человечества. И оно входит как бы в самое сердце пророка, который становится носителем божественной тайны. Это значит, что божественная тайна перестает быть запредельной, полностью сокрытой, трансцендентной, непроходимой стеной отделенной от человека. А человек приобщается к этой тайне через действие Духа Божьего, «глаголавшего пророки», то есть тайна приближается к нам через сердце пророка. Тайна о спасении и тайна о возмездии, то, что было сказано пророку Иезекиилю и другим пророкам. О горьком и о сладком свойстве этого свитка и говорит Иоанн.

* * *

Одиннадцатая глава — одна из наиболее трудных для толкования. Трудность эта связана с двойственным смыслом ветхозаветной символики, которая здесь употребляется. Когда ясновидцу дается повеление измерить тростью храм Божий, как на Востоке размеченными палками измеряли здание, это связано с символом, употребленным в сороковой главе у пророка Иезекииля, во второй главе у Захарии. Измерение означало близкий конец: Бог измеряет для того, чтобы сломать. Так был измерен иерусалимский храм перед его падением. «Измерь, чтобы запомнить, каков он был». Но в то же время этот символ говорит: измерь, сохрани измерение, чтобы потом восстановить. Повеление имеет два смысла: гибель Храма и, в то же время, его возрождение.

К какому событию относится это пророчество? Тут толкователи расходятся. Одни считают, что речь идет об эпохе войны Иудеи с Римом, когда храм находился уже на грани падения, и что апостол здесь говорит о том, что время его гибели пришло, он измерен и будет скоро разрушен, и после него уже будет Новый Иерусалим, небесный Град и небесный Храм. Другие же (и этих толкователей большинство) считают, что ко времени написания храм уже был разрушен и это ретроспективный взгляд апостола в прошлое, но с большим акцентом на грядущее возрождение храма, уже вселенского и духовного. Вот и в конце главы говорится: *«и отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его»*, то есть совершается новое, космическое, небесное, вселенское богослужение.

Одиннадцатая глава является как бы заключением той части Апокалипсиса, которая прежде всего повествует о самой первоначальной церкви и ее судьбах в Иудее; поэтому здесь говорится о храме.

Откр. 11, 2. Сроки, которые здесь даны: сорок два месяца, тысяча двести шестьдесят дней и три дня с половиной, когда люди смотрят на трупы свидетелей Божиих,— это вариации на одну и ту же тему. Около 165 года до н. э., когда вспыхнуло гонение Антиоха Епифана, провидец, писавший под именем Даниила, предсказывал, что гонение прекратится через три с половиной года. Действительно к тому времени восстание Иуды Маккавея очистило и освободило Храм. С тех пор этот срок — три с половиной (три с половиной года или три срока и половина срока и т. д.) становится символом времени и временных испытаний, временных гонений, которые осуществляются врагом Божиим над избранниками, над учениками, в данном случае над Церковью. Язычники, которые будут попирать святой город — это уже, по-видимому, не римские войска, которые окружили иерусалимский храм, а язычники-гонители, которые обрушились на Церковь.

Апокалипсис явился как бы своего рода ответом на первые преследования христиан со стороны империи, на первые трудности, с которыми встретилась Церковь. В данном случае язычники входят в святой город, но не одолевают его, а святой город — это сама Церковь. Они попирают двор, они находятся вокруг, но слово Церкви продолжает возвещаться, несмотря на жестокие гонения. Проповедь Церкви дается в завуалированном виде, через двух свидетелей. В Ветхом Завете два свидетеля — две маслины, два светильника у пророка Захарии — обозначают царскую власть и власть священническую, то есть полноту мессианской власти. Для пророка Захарии это были царь и первоиерарх. Большая часть толкователей полагает, что эти два свидетеля были не царем и пророком, а Моисеем и Илией, хотя есть другой вариант: Енох и Илия, потому что с именем Еноха связывали книги апокалиптического содержания, и считалось, что Енох пророчествовал о грядущих судьбах мира. Но если мы будем исходить из Евангелия, где Христу на горе Фаворской были явлены Моисей и Илия, и если мы рассмотрим характеристики, которые даны здесь этим двум свидетелям — они повелевают стихиями, огонь исходит из уст их, они имеют власть затворять небо,— то вспомним скорее о властной чудодейственной проповеди Илии и Моисея.

Почему же проповедь Церкви изображена в виде ветхозаветных персонажей, почему они являются свидетелями? Дело в том, что первоначальная христианская проповедь была свидетельством на языке Библии с аргументами из Библии и как бы представляла раскрытие и проповедь уже существовавшего библейского учения. Древняя Библия вышла в мир, износимая апостолами. Первые священные книги первых христиан, первые священные книги самой апостольской общины даже во времена Христа Спасителя были книги Библии. Что читал Иисус в Назарете Галилейском? Он раскрыл книгу пророка Исайи. Что было книгой молитв для первых учеников? Что пели ученики на Тайной вечери? Это были псалмы. Таким образом, были и остаются неотделимыми Ветхий и Новый заветы.

Новозаветный свидетель проповедует языком Ветхого Завета, и на него обрушивается империя, зверь, поднимающийся из бездны. Здесь надо было бы поставить в русском переводе «Зверь» с большой буквы, потому что по-гречески употреблен определенный артикль, то есть какой-то определенный зверь: не вообще, а Некто — Зверь. Как мы видим из Апокалипсиса дальше, под зверем разумеется антихрист и его воплощение в абсолютной императорской власти. Этот символ взят из историософии пророка Даниила, который противопоставлял Царство Христово всем человеческим царствам, изображая человеческие царства в виде хищных животных, в виде монстров с клыками, когтями, крыльями; звериное царство — царство драконов, царство чудовищ, а христианское царство — это царство Сына Человеческого.

Противопоставлены человечность Божьего царства и звериность царств имперских, которые выходят из бездны. Бездна — это старый, очень старый библейский символ сатанинских сил, противоборствующих Богу изначала. Дается картина радости тех, которые видят поверженную

Церковь: люди из народов и колен, и языков, и племен смотрят на трупы три дня с половиной (то есть время гонений) и не позволяют положить их в гробницы, и живущие на земле радуются и веселятся и посылают дары друг другу. Дары посылать — это римский обычай, а то, что не дают похоронить, вероятно, это намек на репрессии 64 года, когда тела мучеников, погибших в Колизее, в садах Нерона, были сброшены в общие ямы, а не преданы достойному погребению. Римляне ненавидели христиан, как пишет Тацит, «потому что считали христиан ненавистниками всего рода человеческого». Христиан считали возмутителями спокойствия, считали, что они предсказывают, пророчат нечто ужасное «Городу и миру»[2]. И они действительно мучили общество, впервые появившись в столице.

Комментаторы расходятся в вопросе о том, что означает восьмой стих. Поскольку в «городе» люди народов, колен и языков, его скорее можно считать Римом, и тогда слова «Господь наш распят» понимать как распятую Церковь. Другое толкование говорит о том, что так как гонение началось в Иерусалиме, где был убит первомученик Стефан и апостол Иаков, и потом Иаков, брат Господень, то в данном случае разумеется Иерусалим. *«После трех дней с половиной...»*, то есть после срока гонений, Церковь воскресает. Как же она воскресает? Тут апостол опять берет старый, ветхозаветный образ (**Откр. 11, 11**). Вспомним слова Иезекииля в знаменитом месте о сухих костях — «и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище». Действительно, в то время, когда писался Апокалипсис, преследования в Риме, сначала Нерона, а потом Домициана, преследования на Востоке и на Западе сильно потрясли Церковь. Но ясновидец утверждает, что она восстает и восходит на небо, и это есть завершение служения Церкви на земле, это напоминает нам о том, что служение Церкви есть продолжение жизни Христовой на земле.

Образ свидетелей как бы напоминает нам образ Крестителя Господня, идущего перед Христом, и Самого Христа Спасителя. Свидетельствуют: они убиты, они восходят к Богу, и этой победой униженной Церкви завершается история. Церковь, согласно пророчествам Даниила, где говорится об уничижении праведников, прошла через горнило испытаний и восходит к Богу Небесному, и громкие голоса на небе говорят о завершении истории. Царство мира, в данном случае царство мира сего, стало *«Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков»*.— Очень важные слова, потому что они показывают, что между грядущим мирозданием, грядущим человечеством и грядущим бытием и нынешним состоянием есть прямая, скажем, генетическая связь. Не то чтобы царство мира совсем умерло и родилось Царство Господа нашего, а Царство мира с т а л о Царством Господа нашего: произошла трансформация мира, его превращение, преображение.

Финал завершается благодарственной песней двадцати четырех старцев и ангелов; совершается космическая литургия: открылся храм Божий, уже не на земле, а в небе, и это потрясает всю вселенную, и *«произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град»*. Совершившееся в человечестве эхом отзывается на всей природе. На этом кончается часть Апокалипсиса, посвященная начальным судьбам Церкви в Иерусалиме.

* * *

С двенадцатой главы начинается изображение дальнейшего странствия Церкви, картины ее столкновения с империей, с государством, с демоническими силами. Это уже метаистория, или философия истории Вселенской Церкви. Если одиннадцать первых глав больше говорили преимущественно о самых первоначальных общинах, то дальше идет речь и о первоначальных общинах, и о всей судьбе Церкви до свершения мира.

В кумранских рукописях в некоторых молитвах ессеев есть образ жены, которая рождает дитя грядущего, причем подразумевается мессианская община или, наконец, Сам Мессия. Родовые муки — это древний образ, привычный для всех тех, кто ждал спасения. Ветхозаветная Церковь предстает перед нами как жена, облеченная в солнце и имеющая диадему из двенадцати звезд, двенадцати колен Израилевых: ее солнечное облачение означает, что ветхозаветная Церковь как носительница Божиих замыслов имела космическое значение. В муках совершаются роды, рождение Мессии, рождение Христа или новозаветной общины. И в муках этих сама жена, ветхозаветная община, становится новозаветной. Происходит трагический, катастрофический переход через гонения, Голгофу, преследования, смерть мученика Стефана — через все это рождается новая Церковь. Против Церкви восстает огненно-красный дракон, имеющий семь голов и десять рогов. Это древний змей, тот самый змей, который соблазнил Адама, змей, называемый диаволом и сатаною. Он и представлен в виде огненно-красного дракона.

[2] «Городу и миру» (лат. Urbi et orbi) — традиционное начало документов римского сената; римляне считали, что в мире есть только один город — (Urbs) Рим.

Как мы знаем из восточной мифологии, дракон всегда обозначал антибожественное, хаотическое богоборческое начало. Но в данном случае это начало не стихийное, оно не касается несовершенств природы: это мрачная сила демона великодержавной государственности, один из символов Рима. Недаром у него семь голов: они напоминают нам о семи холмах, на которых стоит Рим. Недаром у него десять рогов: рога как символ силы в книге пророка Даниила и других апокалиптических книгах, часто обозначали царей, а как раз ко времени Нерона, ко времени написания Откровения Иоанна, сменились, начиная с Юлия Цезаря, десять цезарей. *«Дракон стал перед женою»*. Это значит, что мессианская, то есть христианская, Церковь с самого начала своего существования оказывается перед лицом сатанинских сил, желающих ее пожрать и уничтожить. Все века истории Церкви об этом свидетельствуют. Тот младенец, который рождается, носит мессианский титул *«Тот, Которому надлежит пасти все народы жезлом железным»*. Эти слова пророка — прямой намек на Христа. Дитя возносится к престолу Божию — это образ Вознесения. Когда рождается Младенец, когда приходит Мессия, силы зла ополчаются на Него, дракон раскрывает свою пасть, но Дитя *«восхищено... к Богу и к престолу Его»*.

А Церковь уходит в пустыню, где имеет место, уготованное Богом. Конкретно, в исторически чистом виде, это означает, что первое пришествие римских войск в Галилею совпало с уходом оттуда христиан, которые ушли и из Иерусалима, как об этом сообщают древние историки. По откровению, данному некоторым из пророков первых христиан, они покинули Палестину и отправились через реку Иордан в нынешнюю Иорданию, город Пеллу, и там вплоть до IV века существовала община христиан, наследница самой первой общины в Иерусалиме. Но эта подробность имеет и более широкий смысл: много раз Церковь вынуждена была перед лицом гонений уходить куда-то в пустынные места. И тогда, когда возникло монашество, и тогда, когда были притеснения, от древности до наших дней она спасалась тем, что покидала места гонений.

Дальше идет картина уже чисто метафизическая, над которой многие размышляют. Но мы не будем гадать, а просто постараемся понять, что хотел сказать евангелист. Вы помните слова Христовы «я видел сатану, ниспавшего с неба, как молния». Очевидно, это падение сатаны было связано с действиями Христа, с Его земной жизнью, и сатана находился где-то в небе. Здесь тоже происходит война между ангельскими силами и сатаною-драконом, и дракон падает на землю.

Очевидно, Боговоплощение освобождает от демонических сил какую-то часть космоса, какое-то его измерение; где-то победа уже совершается, в некоем глубинном центре мира Воскресение Христово свершило победу, и поэтому демонические силы как бы оттеснены, но это не значит, что они не торжествуют. Они продолжают торжествовать в видимом, зримом мире. Диавол и сатана, который пал на землю, пал для того, чтобы продолжать здесь действовать. Можно себе представить это чисто зрительно: дракон, который падает на поверхность земли, сраженный ангельскими полчищами, и здесь начинает действовать, так как время, когда он будет вытеснен с земли, еще не наступило. Поэтому говорится *«горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол»*.

Откуда-то он выброшен, но, лишенный силы в некоей мистической, метафизической области, он начинает бурно действовать в области эмпирической. Низверженный на землю, он *«начал преследовать жену, которая родила младенца мужеского пола»*. О том, что речь идет о периоде гонений сказано достаточно ясно: тысяча двести шестьдесят дней — это символ эпохи гонений, сравните три с половиной года или время, еще время и полвремени

(**Откр. 12, 14**). Образ расшифровывается легко потому, что орел всегда в Библии обозначает силу обновления, силу духа; недаром впоследствии в иконописи орла рисовали рядом с евангелистом Иоанном, недаром в псалме говорится «обновися яко орля юность твоя» (было такое поверие, прочно вошедшее в символику восточной и западной поэзии: орел, когда меняет перья, обновляется, поэтому он может жить очень долго,— вот откуда эти слова псалма). И история Церкви постоянно являет картину такого же обновления. Многие ре-

лигии и верования проходят фазу первоначального миссионерского взрыва, а потом закостеневают и приходят в состояние деградации, окаменения. Этому закону, как и все на земле, подвержена и Церковь, но она каждый раз его побеждает, каждый раз обновляется и продолжает свое странствование, ибо гонения были даны ей до конца, то есть «до конца времен». Вот о чем могут рассказать нам два больших крыла.

Различны толкования воды, которая течет за женой, пытается ее смыть. Некоторые считают, что при бегстве христиан за Иордан были какие-то знамения, какие-то обстоятельства, которые помогли им уйти, хотя кругом начиналась война. Но даже если это действительно так, то общий смысл должен быть гораздо более глубоким. Очевидно, нужно принять во внимание, что вода в греческом языке обозначает все преходящее: поток времен уносит все. Это воззрение отражается в философской формуле «все течет». Вода времен уносит и мир вместе с человеческими жизнями, эпохами, культурами и цивилизациями. И персонифицированная, имеющая человеческое лицо Церковь могла попасть и всегда попадала в этот водный поток, так как зверь хочет, чтобы ее унесло рекой. Но хотя мы знаем, что Церкви постоянно угрожает, что ее унесет водой истории, тем не менее этого не происходит: где-то в какой-то момент возникает нечто таинственное, и воды как бы отходят от Церкви, и она остается неколебимой. Но дракон не оставляет своих враждебных действий, он начинает борьбу с теми, «кто от семени ее», с соблюдающими заповеди Божии, то есть с новыми поколениями христиан (это опять возврат к конкретной истории Церкви). Первоначальная община спаслась от бурь, скрылась за Иордан, скрылась в пустыне, но следующие поколения переживают самую великую драму: империя против Церкви. Этой драме посвящена следующая глава.

К вопросу о том, что означает сатана, который низвергает треть звезд,— нужно сказать, что звездами в более поздней христианской терминологии назывались ангелы, а в апокалиптической литературе звезды означают вообще праведников. В книге пророка Даниила сказано, что праведные воскресиут и будут сиять, как звезды на небе. Слово «треть» (обычное у ранних пророков выражение большого числа) есть символически принятое обозначение значительной части мироздания, которую сатана, получивший бо́льшую власть, увлекает за собой. Почему хвостом? — А потому что, если мы рассмотрим образ космических чудовищ в книге Иова, мы увидим, что у Левиафана, например, сила его в его чреслах, как у бронтозавра. Может быть, в этих образах сохранились какие-то подсознательные, далекие воспоминание о чудовищах глубокой древности, у них действительно мозг находился в крестце, как и пишет книга Иова. Головной мозг был очень маленький и слабый, а вся сила находилась в чреслах, и хвостом древний ящер мог сокрушить все, что угодно. Здесь и отражена эта слепая спинномозговая сила.

* * *

Откр. 13, 1. Обычно эти слова употребляются пророками, когда они хотят изобразить какое-то огромное, всемирное событие. Человек, стоящий на берегу моря, стоит как бы на берегу бездны, откуда приходят все темные волны, откуда приходят сатанинские силы (море в иудейской и христианской апокалиптике было символом богоборческих начал).

Что означает зверь, выходящий из моря? Мы помним, что в книге пророка Даниила звери символизируют империи, которым противостоит Царство Сына Человеческого, Христа. Человеческие империи имеют звериный, хищный облик. Не нужно думать, что это изображение произвольно. Апостол говорит, что этот зверь имеет ноги медведя, сам подобен барсу, пасть у него, как у льва и т. д., то есть рисует монстра, но не для устрашения, а для того, чтобы показать, что в этом новом звере, выходящем из бездны, соединяются черты тех чудовищ, которые олицетворяли халдейскую, мидийскую и эллинистическую империи. Медведь изображал у пророка Даниила персидскую империю, барс — халдейскую и т. д. Это значит, что новый зверь, новая мировая империя включает в себя свойства всех предыдущих, а под ней разумеется Рим, Римская империя с семью головами и десятью рогами. Это прозрачные намеки, хотя совершенно точно мы их определить не можем. Рим стоял на семи холмах, и ряд императоров, прошедший до времени написания Апокалипсиса, тоже подходит под эти числа: десять или семь, в зависимости от начала отсчета. Так или иначе, перед нами Римская империя, и в дальнейших стихах Апокалипсиса это будет подтверждаться: великий город, который называют Вавилоном, и т. д.

Надо сказать, что Римская империя первого столетия, когда был написан Апокалипсис, была государством, где торжествовало поклонение человекобогу, поклонение гению императора. Это было страшное явление, потому что императора приветствовали не просто исступленная чернь или алчные солдаты, но и выдающиеся писатели, поэты — бывший республиканец Вергилий, тонкий, нежно чувствующий Гораций — все они провозглашали Августа богом. Мы знаем, какие чудовищные претензии на божественные прерогативы выдвигал потом император Гай Калигула.

Всем памятно то, что рассказывается о Нероне у Тацита. Кто не читал Тацита, но читал «Камо грядеши» Сенкевича, тот помнит всю эту картину: «божественный» император во главе гигантской империи, которая порабощает множество народов.

Автор Апокалипсиса не называет здесь имени Рима, потому что ему важно другое: Рим является прообразом антихристова царства, прообразом царства, которое действует в направлении, противоположном Царству Божию. Это то, что блаженный Августин называл «Градом земным», градом противобожеским, градом, где все высшие христианские ценности вывернуты наизнанку. И мы увидим, что лжепророк, который руководит душами этого царства, подобен Агнцу-Христу (у него рога, как у Агнца). Это как бы карикатура-гротеск на Агнца, закланного в начале мира (см. первые главы Апокалипсиса), это тень Христа, пародия на Него.

Откр. 13, 3—4. *«И дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему?»* У нас обычно совсем другие представления о земной славе. Нам кажется, что земная слава уже означает благоволение Божие, что если государство торжествует и империя побеждает — значит, земля «в Боге». Апокалипсис говорит об обратном. Торжество мировой империи, которая говорит о себе гордо и богохульно — это торжество сатанинских, антихристовых сил истории, но не правды Божией: на царских коронах на головах зверя — имена богохульные. В историческом плане это, конечно, титулы императора, «божественные» титулы, которые сами по себе были кощунством, начиная с первых титулов Августа (само слово «август», или «сибастрис» по-гречески, значит «священный», «дающий благословение»).

«И дана ему власть действовать сорок два месяца». Это срок, заимствованный опять-таки из апокалиптических чисел иудейской эсхатологии, апокрифов и из книги Даниила. Все варианты этого числа в общем сводятся к тому, чтобы показать, что есть н е к о е в р е м я гонения: три с половиной года или тысяча двести шестьдесят с чем-то дней — это все одно и то же, это время антихристова гонения.

Есть вторая особенность этого царства: ему дано побеждать правду. Когда люди говорят: где же Божья правда? — Апокалипсис отвечает: *«и даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно... и дано было ему вести войну со святыми и победить их»* (13, 5—7). *«И дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком, и племенем».* Торжество сил зла, как всякая историческая реальность, неизбежно, потому что в основе мира заложено некое злое состояние, и какой-то апокалиптический промежуток времени эти силы торжествуют. Однако подчеркивается, что поклонились ему те, имена которых не записаны в книге жизни у Агнца (вспомните у Генриха Бёлля людей, не принимающих причастие буйвола и принимающих причастие Агнца). Значит, есть люди, которые не склоняют колен перед империей. В данном случае имеется в виду империя не как историческое и политическое начало, а как антихристово начало, подавляющее, уничтожающее, уродующее человеческий дух, говорящее гордо и богохульно. Люди, принявшие, говоря словами Бёлля, причастие Агнца, остаются, а царство зверя гибнет среди развалин, потому что оно в самом себе несет зло; поэтому здесь говорится о необходимости «терпения веры святых», так как зло, рождая зло, в конце концов в этом же зле находит свою погибель.

Второй зверь не выходит из моря, а исходит из земли. Крайне узкое, историческое толкование этого места сводится к следующему: лжепророк, которого изображает здесь апостол, был каким-то конкретным историческим лицом и жил в стране, далекой от моря, поэтому и подчеркивается, что он не вышел из моря. А первый зверь, который вышел из моря,— это относится к римской империи, к Италии, окруженной морями. Может быть, что-то в этом есть истинное, но если вглядеться вглубь, в прототип древне римской, вернее даже ветхозаветной символики, то можно убедиться, что хаотические, стихийные темные силы постоянно символизировались в виде подобной пары; море олицетворял Левиафан, а сушу — Бегемот. Левиафан был мужским началом хаоса, а Бегемот — женским. Слово «бегемот», которое потом перенесли совершенно неза-

служенно на гиппопотама, обозначало демона, чудовище. Окончание этого слова женского рода. Бегемот — это чудовищная самка Левиафана, вторая половина хаоса. Недаром Булгаков для одного из своих персонажей взял имя Бегемот, имея в виду совсем не гиппопотама, а демона, беса.

Эти образы восходят к глубочайшей древности, еще добиблейской, довавилонской, это архаические прототипы тех представлений о космосе, связанных с тогдашней космографией, которые были у шумеров или у их предков: в бездне был «он» и была «она». Эти существа назывались по-разному, и представление о них перешло впоследствии во все древние цивилизации. Демон моря, демон суши — оба они демоны, и Библия использует их имена для обозначения сатанинских сил, и Апокалипсис использует их свободно и постоянно.

Лжепророк, как полагают толкователи, имел свой реально-исторический прообраз. В то время в Малой Азии кто-то проповедовал какую-то антихристианскую религию. Это был период очень бурных религиозных и философских брожений, время появления гностицизма, время проповеди известного Симона Волхва. Письменное наследие этого времени довольно скудно и определить, кто дал точку отсчета, с кого начинается образ лжепророка, было бы произвольным гаданием, хотя некоторые гипотезы обладают долей вероятности. Важно, что это пародия на Христа, ибо антихрист является тоже как бы Агнцем, он творит чудеса, он как бы посланник, но — Зверя, сатаны, антихриста и антихристовой империи. И он заставляет людей поклоняться этому образу.

Интересно, что всякий лжепророк и всякий вождь, одушевленный темными стихиями, старается найти каких-то своих предшественников, найти образ, который как-то освящал бы его собственное появление исторически. И Гитлер искал образы в прошлом, в германской мифологии, хотел научить людей поклоняться некоторым демоническим существам, которым он приносил человеческие жертвы и считал, что совершаемые им убийства — это вовсе не политическая акция, а акция литургическая, это совершение некоторого священнодействия, жертвоприношение высшим богам. И когда император Август возвеличил свою персону, он начал с того, что обоготворил Юлия Цезаря, своего названного отца, и заставлял приносить жертвы его изображениям, возжигать ладан и т. д. Так же поступал и Антоний, так же поступали и многие другие, во все времена. Значит, речь идет об уловках антихриста, который, являясь на земле среди людей, выдает себя за проекцию чего-то высшего, потому что ушедший, умерший человек, человек прошлого, всегда получает некий ореол, и его культ создать легче, чем культ того, кто ныне жив.

По широко распространенному толкованию, рана, которую получила одна из голов, это рана, нанесенная одному из императоров. В те времена по всему Востоку ходило поверие, что Нерон не убит, а только ранен и скоро появится. И этот прокатившийся по многим странам страшный слух о вновь возвращающемся Нероне стал как бы символом для того, чтобы показать возможность рецидивов зла. Зло восстанавливается; многоголовая империя являет образ гидры из античной мифологии, которая, будучи сраженной, все равно продолжает жить. Многие считали, что Нерон возродился в лице императора Домициана, во времена которого, по широко распространенному мнению, писался Апокалипсис.

Имя лжепророка, который действует во имя зверя, — человеческое имя. Тут так и сказано: число его — «*число человеческое*», что обозначает какое-то человеческое имя. Вы знаете, что числа и буквы имели в древности некоторое соответствие, так же как в славянском языке каждая буква имела цифровое значение. Богословы предположили, что поскольку Апокалипсис написан человеком, который мыслит семитически, надо брать арамейское или древнееврейское слово. И первая же попытка дала результат: были написаны еврейскими буквами слова «кесарь» и «Нерон», и когда подсчитали числовое значение каждой буквы, сумма дала шестьсот шестьдесят шесть. Больше того, у Иринея Лионского, писавшего в конце II века, есть ссылка на Апокалипсис, где дается другое число — шестьсот шестнадцать (очевидно, в разных рукописях было расхождение), что соответствует другому написанию: «кесарь Неро». Неро — это латинская форма имени Нерон. Более удачного толкования до сих пор не найдено. Такое удивительное совпадение с образом императора, обожествлявшего себя, — убийцы, тирана, безумца, преступника — более всего подходит к образу антихристову.

Я не хочу здесь сказать, что для апостола антихрист был тождествен историческому Нерону. Исторический Нерон был для него здесь, так же как и во всех остальных реальных соответствиях, лишь отправной точкой. Приведу очень приблизительную аналогию. У многих поэтов, хотя бы у Пастернака, за каждым стихотворением кроются совершенно точные реалии: интерьеры комнат, обстоятельства каких-то даже мелких событий. Иногда критики, толкователи начинают громоздить какие-то фантастические предположения, а на самом деле — просто все действительно было так, как написано. Отправной точкой для поэтов и мыслителей, и для пророков также, становятся исторические земные реалии, окружающие их. Они из них черпают материал для того, чтобы создать грандиозные картины, подобные мифам, Мифам с большой буквы, картины того, что происходило, происходит и будет происходить в истории.

Образ красного дракона, многоголового зверя, увенчанного диадемой, которому дана власть вести войну со святыми и победить их, кем восхищается вся земля и восклицает: «Кто подобен зверю сему!», в наше время, по-моему, не вызывает никаких сомнений. Много раз человечество видело подобное. Конечно, мы не хотели бы, чтобы оно увидело это снова, но, боюсь, что оно еще увидит такое... Самое же главное, что подобного рода триумфаторы, победители, вызывающие восхищение у всего мира, даны у апостола как слуги, носители антихристова духа, как воплощающие тенденцию, враждебную потоку, идущему к Царствию Божию.

Начертание Агнца — это крест, знак причастия человека к Церкви, а поскольку перед нами лжепророк, пародия на Церковь, антицерковь, у него должно быть свое начертание, знак его принадлежности. Некоторые толкователи считают, что этот знак следует связать с портретами. Я думаю, что нет смысла искать портретных соответствий, хотя вообще историки это делают, и не без успеха: ищут и находят императорские печати, где есть изображение императора и кощунственные надписи, например, «бог» или что-нибудь в этом духе. Эти печати ставились на документах, без которых нельзя было ничего продавать, — это бытовая подробность древнего мира. Но нам важно другое: печать эта не на правую руку, она в душу кладется, вот что самое основное.

Далее, человек, который отдает свою душу антихристу, он отдает ее не просто так, а за мирские блага. Люди получают определенные привилегии — могут, скажем, продавать, покупать и т. д. Как известно, «причастие буйвола» давало какие-то преимущества во все времена, а детали здесь не имеют значения. Они служат прообразом — монеты, деньги... Иудеи с возмущением смотрели на монеты, на которых был портрет императора, это считалось кощунством, а ведь без этих монет они не могли ничего купить. Динарий кесаря — ходовая монета, отсюда и начинается этот образ: нельзя ни купить, ни продать без того, чтобы не взять в руки эту гадость.

* * *

Откр. 14. Эта глава рисует нам как бы новую волну света, которая приходит после мрака. Весь Апокалипсис пронизан этими волнами, у него есть определенный ритм: нарастает злое и потом, как прибой, обрушивается и разбивается о камни и отступает. Каждый раз мы видим торжествующее зло, которому дана власть, которое ведет войну со святыми и побеждает их, — и потом все это рушится. Среди грозных звуков страшного зверя мы различаем иные звуки, более светлые, радостные. Мы видим гору Сион, причем едва ли речь идет об историческом Иерусалиме. Это духовный Сион, Церковь, и на нем сто сорок четыре тысячи праведников, это двенадцать колен израилевых, помноженных на двенадцать колен Церкви: новозаветная и ветхозаветная Церковь, символическое число полноты верных Христу. Вместо того сатанинского знака, который начертан на челе у людей, отдавших свое сердце земным силам, у них начертано на челе имя Отца.

«И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома». Это ветхозаветные образы, мы их можем найти во Второзаконии, у Исайи и у многих других пророков, а здесь это поет вся Церковь, она напоминает в этот момент хор, люди идут с гуслями, звучит мелодия, перед Престолом поют новые песни. «Новые песни» — это образ из Второисайи, относящийся ко второй части Книги пророка Исайи, это мессианская песнь спасения. Они спасены, хотя они погибли, распятые на крестах Нероном, брошенные зверям, уничтоженные огнем и пытками, убиваемые повсюду, и не только в те времена, но и в дальнейшие столетия. Избранные идут, как хор торжествующих, сто сорок четыре тысячи человек, они поют песнь Завета, близости Божьей, которая есть тайна между Богом и людьми. Никто не знает этой песни, никто не мог ей научиться, кроме «сих ста сорока четырех тысяч».

Они девственники, без жен, но это вовсе не значит, что все они монахи, потому что в таком случае можно было бы думать, что спасены одни мужчины. Это снова древ-

ний образ. По мнению большинства толкователей, когда речь идет «об осквернении с женами», имеется в виду язычество, Вавилон, который наполнил все страны своим блудом, то есть языческая империя. У древних пророков постоянно ставился знак равенства между блудодеянием и идолопоклонством, для них это синонимы. И в данном случае речь идет о людях мужского и женского пола, которые остались неоскверненными этим идолопоклонством. Это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Примечательно, что это не те, которые следуют за Агнцем, когда Он торжествует, идут за Ним в светлую минуту,— Они с Ним, куда бы Он ни пошел, то есть в дни скорби и в дни мрака.

«Они искуплены из людей», значит, выкуплены, приобретены для Агнца, составляют Его достояние. Они непорочны перед престолом Божиим. Это первая весть о спасении среди мрака антихристова царства. Вторая весть о спасении — это вечное Евангелие. Я не думаю, чтобы речь шла о какой-то книге. Это благовестие, основанное на всех Евангелиях; не Евангелие; отнесенное к какой-либо одной эпохе, а благая весть, обращенная ко всем временам. В средние века было немало толкователей, которые считали, что старые Евангелия, которые мы имеем — пройдут, и будет дано людям вечное Евангелие. Был завет Отца, сейчас — Завет Сына, потом будет Завет Духа Святого, и тогда будет дано вечное Евангелие. Основателем этого учения, такого соблазнительного по своей стройности и изящности, был аббат Иоахим Флорский; затем эта концепция расширилась и сильно повлияла на нашу религиозно-философскую мысль, на идеи Флоренского, Булгакова, Мережковского и других. На самом деле речь идет не о какой-то книге, а о непреходящем Евангелии, которое распространяется по всей Вселенной.

Торжествует слово Божие, падает град человеческий. Из двух градов один торжествует в своей слабости, в своей гонимости, а другой рушится в своей неприступной гордыне. Вавилон — это первый символ Библии, как мы помним: башня, которая построена до неба. У пророка Исайи много раз упоминается Вавилон как собирательное понятие для всякой богоборческой, насильнической империи. *«Пал Вавилон»* — эти слова звучали еще в Ветхом Завете и повторяются здесь. Во времена апостола Иоанна под Вавилоном разумелся Рим, в другие времена, естественно, мы можем подставлять другие названия, но смысл остается тот же. Пал Вавилон, но не только Вавилон, но и те, которые отдали ему душу, включились в его жизнь, в его мрачные деяния.

Поклоняющийся зверю и образу его принимает его начертания и будет *«пить вино ярости Божией»*. Вино ярости — тоже старый ветхозаветный образ. В древности, когда собирали и ссыпали виноград, его топтали в точилах, и оттуда поднимался красный виноградный сок, вытекал, его собирали, и после брожения получалось вино, напоминающее кровь. Поэтому у пророка Исайи вино — символ кровавых дней, когда человеческая неправда и правда Божия входят в острейший, глубочайший конфликт, и оттуда, из точила, выжимается возмездие... Не следует считать, что Бог кого-то непосредственно наказывает: это примитивное, грубое, хотя в общем верное представление. Но человек, сея зло, навлекает его на себя, пожинает плоды. Из точила поднимается кровавый сок, поднимается до того уровня, где у коня узда,— так, как не бывает на самом деле. И идет возмездие.

Те, которые любят противопоставлять Ветхий Завет Новому, должны помнить, что в Новом Завете нет прекраснодушного отношения ко злу, нет слишком легкого отношения к человеческой несправедливости. Новый Завет, когда речь идет об ужасах человеческой низости, столь же суров, а иногда и более суров, нежели Ветхий, и слова о возмездии, наказании всем поклоняющимся зверю как раз говорят о суде Божием. Этот суд апостол видит в образах (например, серп срезает колосья).

А что же происходит с людьми, которые несли свой светильник верно, не роняя его? В этом мире они все время терпят страдания и унижения, они вроде бы не могут быть полностью счастливы. На самом деле — могут, но их счастье совершенно другое; даже если они умирают, то умирают, неся свой светоч: *«Отныне блаженны мертвые»*, то есть происходит какой-то поворот, и они приходят сразу, непосредственно ко Христу. *«Блаженны мертвые, умирающие в Господе»*. Перед нами предстают сонмы мучеников. Дела их — это то, что посеяно добром на земле. На самом деле, на земле сеется зло, и из него произрастают ужасные плоды, но и добро незаметно сеется и незаметно, но упорно делает свою работу.

В этих надеждах, в этой уверенности — весь Апокалипсис, весь его дух связан с тем, что страшен мир, ужасен грех, велики несправедливость, жестокость и угнетение, велики античеловеческие, демонические силы, но рано или поздно побеждает Дух, побеждает Свет, побеждает Агнец, который заклан от создания мира.

* * *

Откр. 15. Прежде чем читать пятнадцатую главу, необходимо сделать некоторое отступление. Дело в том, что исследователи Апокалипсиса еще не пришли к общему мнению относительно его композиции. Ясно только одно, что здесь одни и те же темы повторяются, как бы нарастая, волнами. Мы видим здесь несколько циклов, в каждом из которых разыгрывается одна и та же драма — наступление темных сил, их временное торжество и их крушение. И здесь этот сюжет, вся эта драма повторяется несколько раз. Почему это так, точный ответ не найден. Первый вариант — Апокалипсис писался несколькими авторами, которые потом все соединили в одну книгу. Второй вариант — апостол Иоанн писал Апокалипсис не однажды, а в течение всего, и может быть, длительного времени своего пребывания на острове Патмос, и потом все это соединил в книгу. Третий вариант — часть Апокалипсиса была написана еще чуть ли не до нашей эры, это был иудейский апокалипсис, соединенный впоследствии с Апокалипсисом апостола Иоанна.

Однако наиболее вероятное предположение заключается в следующем: сам строй библейского ритма, стиля, композиционных условностей требует известной повторяемости, в частности, в библейской поэзии вместо рифмы и ритма присутствует параллелизм членов. Это особый литературный прием, при котором одна и та же тема обыгрывается в разных словах. Благодаря этим вариациям мы и вычленяем из библейского текста поэтические отрывки. Эти вариации могут быть чисто параллельными, когда говорится о том, что отверзаются хляби небесные, и что там открываются источники бездны... то есть повторяется одна и та же мысль, но в разных выражениях, и могут быть антитетическими, когда противопоставляется «низложи сильныя со престол и вознесе смиренныя, алчущия исполни благ и богатящиеся отпусти тщи». Это в высшей степени характерное для Востока словоупотребление (как и сам способ мышления), очевидно, и объясняет тавтологический характер изложения в Апокалипсисе. Он как бы рассказан несколько раз; апостол набрасывает картину один раз, потом он, не удовлетворяясь этим, начертывает ее вторично, потом та же мысль повторяется еще и еще раз,— и у читателя возникает представление, что перед ним как бы хрестоматия небольших апокалипсисов. Но филологи все-таки установили принадлежность текста одному автору.

В предшествующих главах мы видели противостояние двух царств: на земле торжествует царство зверя, царство лжехриста, лжеагнца, а на небе в это время избранные окружают престол Агнца как победителя. И вот еще раз, как я уже говорил, изображается финал: снова казни египетские приходят в падший мир, на этот раз — на империю, на царство зверя. Это семь последних язв, семь апокалиптических, эсхатологических, последних казней, которыми оканчивается ярость Божия.

Конечно, для многих слова *«ярость Божия»* звучат странно, даже почти кощунственно, но мы должны помнить, что это иносказательное выражение, обозначающее пересечение двух планов бытия — плана святости и чистоты и плана греха. От пересечения этих планов возникает как бы короткое замыкание, что мы и называем гневом Божиим, яростью Божией. Храм разрушен, Иерусалим пал, церковь в гонении, и тем не менее она торжествует, но уже не в истории; она торжествует где-то над миром, в метаистории. *«Стеклянное море, смешанное с огнем»* — древний символ небосвода, это вселенная, сверкающая огнями. И над этой вселенной стоят победители, победившие не силой, а мужеством, стойкостью и верностью. Вы помните, что зверю была дана власть воевать со святыми и победить их; это земное уничижение церкви. На самом деле то, что церковь стояла, и кровь мучеников стала ее основанием, и было ее победой.

«Победившие зверя и образ его, и начертание его ... стоят на этом стеклянном море»,— то есть над вселенной,— *«держа гусли Божии и поют песнь Моисея, раба Божия»*. Что это значит? Песнь Моисея — (см. Исход, 15) — это песнь избавления, когда люди Божии прошли через Чермное море, прошли через испытания, вырвались из рабства и отправились в землю обетованную. Это песнь искупления, избавления и небесной защиты. Так вот, новый народ Божий также прошел через горнило гонений, прошел через это море и вышел, и вновь поет песнь избавления. Крещение — это прохождение через воду, Моисеево прохождение было его прообразом. Мученичество тоже называли крещением, крещением кровью. Сам Христос говорил, обращаясь к матери апостолов Иакова и Иоанна, о крещении кровью, о той самой чаше, которую Он должен был пить. И многие из первохристиан приняли крещение кровью; здесь, в этой главе, вся церковь показана как освободившаяся, прошедшая через это крещение, поэтому она поет песнь Моисея и песнь Агнца.

Еще раз вернемся к символу Агнца. Агнец был знаком ветхозаветной жертвы, а жертва означала любовь Божию к миру и одновременно готовность человека служить Богу, встречу Того и другого; наконец, жертва обозначала трапезу, на которой Бог невидно присутствует. Все эти аспекты и делают Христа Агнцем, как назвал Его Иоанн Креститель, а до этого символ Агнца мы находим в книге Второзакония. Итак, они поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца. И как бы в противоположность кощунственным воплям империи, царства антихриста, гласящим: *«кто подобен зверю сему и кто может сравниться с ним»*,— они поют: *«кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? Ибо Ты один свят. Все народы придут и поклонятся перед Тобою...»*

«Все народы придут» — это слова, взятые из многих пророчеств и псалмов, предсказывающие вселенское значение Церкви Христовой. И наконец — храм. Древняя святыня лежит в развалинах, тем не менее апостол знает и верит, что истинное богослужение не прекратилось. Для многих людей было трагедией то, что прекращено все, что было заповедано от века: непрестанно день и ночь совершавшиеся возношения в храме. Святая гора превращена в груду развалин, и нет службы. Что же случилось? Почему Бог отверг жертвоприношение? И апостол Иоанн отвечает, что оно продолжается, но уже в ином измерении. Он сам видит небесный храм — *«храм скинии свидетельства на небе»*. *«Скиния свидетельства»* — это шатер, где находился ковчег в дохрамовый период, место пребывания Бога с народом. И вот скиния свидетельства — на небе, и там уже нет священников, а есть служители — ангелы, одетые в священнические одежды: белая льняная одежда, золотые пояса — это форма духовенства иерусалимского храма. У них чаши гнева и, совершив курение, совершив жертвоприношение перед престолом Божиим, они выливают на землю чаши правды, которые, соприкоснувшись с землей, превращаются в гнев. И это совершается по воле Божией. И как в древности, когда в скинию входило облако, и Моисей знал, что это знак присутствия Господа, так и здесь небесный храм наполняется дымом, и никто не может войти туда, потому что там пребывает слава Господня.

Есть идея, что семиричные повторения в Апокалипсисе одной и той же истины можно рассматривать как знамение, как предсказание того, что в истории должно быть семь похожих повторяющихся витков, первым из которых была израильская трагедия, а дальше должно быть еще шесть. Эта мысль вообще существенна, интересна и, очевидно, близка к какой-то реальности, потому что в истории, по-видимому, действительно периодически возникают аналогичные ситуации, какие-то циклы, даже и не связанные с композицией Апокалипсиса. Это не замкнутые циклы, как полагали некоторые ученые, которые считали, что закончился цикл — и совершенно оборвался, и нет связи со следующим. В частности, Шпенглер считал, что каждая цивилизация, умерев, уже ничего не передает другой. Это парадоксальная точка зрения; на самом деле ни одна цивилизация не умерла бесследно. И когда погибали античная цивилизация или древнееврейская цивилизация, или средневековая — они передавали свои духовные сокровища дальше, другим цивилизациям. Но действительно есть какая-то типология, цикличность, не жестко обусловленная, но полная аналогичных явлений.

Сравним социальное развитие в древнем мире и в XIX веке. Мы видим бурное развитие демократии, которая приводит потом к безумству черни, и в конце концов все это постепенно порождает личную диктатуру. То же, что в XIX, происходило и в XX веке. Причем очень много было общего. Скажем, на гребне революции выявлялись наполеоны, юлии цезари. Революция, которая шла под лозунгом свободы, потом порождала противоположное. Так что намечается некоторая типология. Единственное, что, я думаю, здесь сомнительно — это число семь. Оно символично, потому что означает некую полноту свершения.

Это условный библейский знак, обозначающий законченность. Я не думаю, чтоб в истории Сам Господь Бог придерживался таких цифровых символов, думаю, что число впереди будет гораздо больше. Апокалиптические моменты наступали всегда, когда приходил кризис, это критические мгновения в истории.

Разумеется, эпоха французской революции, переворот Петра I, эпоха Реформации и крестьянской войны в Германии — они все были апокалиптическими, и они все вызывали взрывы ожидания конца света и т. д. Период столкновения христианства с Римской империей тоже вызывал такие ожидания, позже я расскажу об истории всех этих ожиданий, которые много раз повторялись, и тогда это станет несколько яснее. Откровение Иоанна Богослова, написанное в эпоху кризиса церкви, действительно являет прообраз всех критических эпох, в том числе и нашей.

* * *

Откр. 16. Шестнадцатая глава Апокалипсиса в какой-то степени повторяет раздел, ей предшествующий. Идет цикл казней, прообразом которых служили казни египетские. Здесь есть и намек на повторяющиеся в истории деяния Божии, и в то же время как бы параллельное изображение одних и тех же событий. По существу речь идет о зле, которое порождено землей и на землю возвращается, падает, как камень, брошенный вверх. О том, что в истории все происходит циклами, многие люди думали уже давно, некоторые даже пришли к выводу, что история вращается как бы по кругу; все возвращается на круги своя, и то, что уже было, то и будет, вплоть до подробностей. Эта точка зрения христианству чужда, однако это не значит, что мы отвергаем очевидную для каждого историка и для каждого, кто знает события человеческой истории, повторяемость, некую аналогичность явлений. В частности, были замечены циклы из ста двадцати девяти лет или циклы из двенадцати лет, через которые повторялись сходные события, скажем, в России 1905 г., 1917 г., 1929 г., 1953 г. и т. д.

Есть некий ритм в природе и, очевидно, нечто подобное существует и в обществе. Быть может, в Апокалипсисе мы находим на это намек, но все это для нас второстепенно, а главное — это картина зла, которое выпущено человеческой волей наружу. Эти грозные картины обозначают итог человеческой истории с ее страшной стороны. Здесь и символы духа и символы природы. Здесь сама природа разрушается, что говорит о том, как губительно действует зло на само творение, не только на человека. Заметьте, что природа здесь выступает как существо одухотворенное: сказано, *«ангел вод»*, то есть некий дух, который находится в водах, который говорит: *«праведен Ты, Господи»*...

А воды все отравлены, потому что это плод того, что делает человек. И здесь описываются все стихии подряд так же, как было в казнях египетских: заражается плод человека, заражается воздух, заражаются воды. Из древних библейских сказаний о казнях взят образ — вода, сделалась, как кровь; из пророчеств о космической катастрофе — картина солнца.

Но тут важно следующее: именно те люди, которые имели начертание зверя и поклонились образу его, получили эти жестокие раны. Значит, здесь проявляется то старое и мудрое, что люди знали всегда: дьявол не вознаграждает. Он всегда силен на земле, темные силы торжествуют на земле, но глубоко заблуждаются те люди, которые полагают, что можно получить от этих сил какую-то подлинную награду.

Когда-то в полуюмористической полуустрашающей форме пытался это представить Гоголь. А конец всегда такой — не верьте нечистому, он всегда обманет, он обманывал не раз, он много раз обещал людям и то, и другое, и третье и каждый раз он не платил по счетам. И в истории мировой литературы, и в жизни отдельных людей, и в истории целых народов мы часто видим эту трагедию: сатана сулит, манит, обещает, в результате небо отвергнуто, обещан «рай — на земле», а в конце концов получается, что именно на этой-то земле и терпит человек наказание. И те, которые поклонились зверю, они-то и оказались в состоянии несчастия.

Еще одно назидание взято из истории исхода евреев из Египта. Там есть замечательный образ — фараон, который ожесточается от казней. Многие люди полагают, что если бы Творец мира всем безбожникам и всем злым и кощунствующим показал Свою силу, грянув молнией, то этим самым Он бы их обратил, наставил, вразумил. Ничего подобного, опыт показывает, что человек или принимает веру, или отвергает ее внутренне, тут дело совсем не в чудесах. Многие люди видели необычайные вещи, но сердце их оставалось нетронутым. А другие, которые ничего подобного не видели, но верили, были блаженными. И вот фараон египетский ожесточался именно тогда, когда на него падали все эти казни, то есть его как бы карала десница Господня, а вместо веры возникало только ожесточение. Такие люди и среди катастроф остаются в ожесточении, они «не вразумились», говорит апостол Иоанн. И мы это часто видим. Сколько раз христиане, сама церковь, государства, нации, большие группы людей, отдельные кланы, роды и семьи и лица получали вразумление, но оставались упорствующими, не вразумлялись. И приходило историческое возмездие, вовсе не такое, как если бы Бог кого-то наказывал как судья, как прокурор — нет, по закону справедливости зло в конце концов падает на того, кто его совершает. *«И хулили Бога Небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих»* **(Откр. 16, 11)**.

Говорят, что к вере людей приводит страдание, но это неправда; я знаю многих людей, которых, наоборот, страдание отводит от веры. Все зависит от того, куда повернуто человеческое сердце. Однако в «диалогах» св. Екатерины Сиенской указа-

но, что Господу приятнее, когда зло погашается не справедливым возмездием, а любовью.

И в это самое время приближается суд: *«се иду как тать»*, тайно, как приходит неожиданно вор, вторгающийся в дом. Резкое, грубое сравнение Апокалипсиса показывает, что человек будет как бы совершенно застигнут врасплох. И это касается не только истории, но и каждой отдельной человеческой жизни. Наступит момент кризиса, когда зло сконцентрирует все свои силы: и цари земные, и бесовские духи — все двигаются на силы добра. Происходит последняя битва. Чем будет эта последняя битва в истории — конкретно мы не знаем, апостол называет ее Армагеддон — от евр. «Ар Магидо». Магидо — это старинный город, Ар — значит поле, долина, равнина. На равнине Магидо происходили все крупнейшие исторические битвы Ветхого Завета, там происходили великие катастрофы, там же были поражены и языческие цари. Это место схватки добра и зла, которую апостол изображает в виде битвы. После этой битвы великий город, империя, в данном случае Рим, а в дальнейшем и всякое тираническое и деспотическое образование распадается. *«И Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его»* **(Откр. 16, 19)**. Он испил чашу гнева, ту самую чашу, которую он наполнил своим злом. И падает град величиной с талант, то есть с монету, и эти бедствия не обращают людей, потому что мысль их зла. *«Хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая»* **(Откр. 16, 21)**. А дальше говорится, что всякий остров убежал, и гор не стало; это значит, что меняется облик земли, меняется человеческий род.

Откр. 16, 12. Сказано о чаше, вылитой *«в великую реку Евфрат»*. Уже и прежде, когда говорилось о казнях, упоминалось, что под Евфратом разумеется великое Парфянское царство, которое противостояло Риму. И тогда, как во многие времена, были две великие державы, и в их столкновении вершились судьбы мира. Наступает великая битва, и Ангел иссушает реки, через которые должны переходить парфянские всадники, чтобы *«готов был путь царям от восхода солнечного»*, то есть идущим с востока.

В этих символических устрашающих пророческих видениях мы видим, как возрастает царство сатаны, или царство антихриста, рядом с царством Христовым, царством Агнца, о котором говорилось перед этим и которое, подобно отрокам в пещи огненной среди пламени, также продолжает возрастать. Два пути, два параллельных, но противоположных по внутренней устремленности царства. Суть истории в том, что она — не просто прямолинейный путь в Царство Божие, и не просто падение в бездну гибели человеческой цивилизации, а борьба Христа и антихриста.

* * *

Откр. 17. Семнадцатая глава касается судьбы империи. Перед нами проходят картины, рисующие всемирное государство того времени, Римскую империю. Именно на это намекают слова о жене, которая сидит на семи холмах — это семихолмный Рим. Почему империя называется Вавилоном и блудницей? Вавилон — смешение языков и одновременно символ насильственной власти, объединяющей многонациональное царство, каким был во времена апостола Рим.

«Блудница, сидящая на водах многих»... Воды многие — это образ, взятый из древних пророчеств, обличение против царей. Но Рим действительно находился на «водах многих»; окруженный морями, он правил средиземноморским кругом. *«Блудодействовали цари земные»*... Блуд, разврат — это очень старый символ измены Богу, то есть образ язычества. И язычество Римской империи, преимущественно культ кесаря, охвативший почти все страны средиземноморского мира, в данном случае называется блудодеянием. А впоследствии, в другие времена, если мы продолжим эту линию, то увидим, что это насаждение ложного духа империи совершалось неоднократно в самые различные эпохи вплоть до нашей.

Она сидит *«на звере багряном»*... Красный цвет, багрец всегда обозначал богатство. Красную краску, пурпур, очень прочную, добывали в Финикии из некоторых моллюсков, и эта драгоценная краска шла только на царские одеяния. Отсюда и слова: *«И жена облечена была в пурпур и багряницу»*, и красный, багряный зверь — символ владычества, царства, власти и преисполнен *«именами богохульными»*. Прежде мы видели «имена богохульные» только на главах, а здесь все тело чудовища целиком покрыто богохульными именами, теми божественными титулами, которые с времен Августа давались римским императорам (в последующие эпохи эти имена могут быть уже иными). Речь идет о распространении этого богохульства на всю империю, на все народы.

Внешний блеск империи скрывает ее разлагающуюся сущность. Она одета в порфир и багряницу, и в руке у нее золотая чаша, таким образом она является как бы лжецерковью — она противостоит *«жене, облеченной в солнце»*, она подобна священнодействующей, и золотая чаша у нее в руках подобна евхаристическому потиру. Но сама она, хоть и одетая в драгоценности,— блудница, а чаша ее полна мерзости, и на челе написано, что это великий Вавилон, мать блудницам и мерзостям (намек на обычай римских проституток писать на лбу свои имена). Мерзость — старое слово, взятое из книги пророка Даниила (нарушение Завета называется и в Пятикнижии мерзостью перед Господом). Это слово потом повторил Господь в пророчествах о Иерусалиме, и обозначает оно язычество. *«Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых»*... Это мученики, первые жертвы гонений Нерона, и потом — все мученики, павшие от любого тиранства...

«Дивился удивлением великим»... Ясновидец не скрывает того, что для него все эти торжествующие силы зла непонятны, ему трудно вместить, что Бог дает такую силу темным стихиям. А ангел говорит: *«Что ты дивишься?.. Зверь, которого ты видел, был и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель...»* Заметьте, какая интересная черта: эта как бы гротескная параллель Мессии, Который был, есть и грядет, Которому принадлежит вечность. И Зверь Ему в этом как бы подобен.

Исторической подоплекой здесь послужила легенда о лженеронах: после смерти Нерона многие не верили, что он умер (так же, как после смерти Гитлера не верили, что Гитлер умер, и так же, как после смерти других вождей-тиранов ходили слухи о том, что они где-то скрываются, прячутся и т. д.), и народ боялся, и вокруг этого ходили самые невероятные слухи, на основе которых впоследствии Фейхтвангер написал псевдоисторический роман «Лженерон». Так вот, зверь, который должен был явиться вновь, погибший и снова оживший — это антихрист, антипод Христа, переживший какие-то потрясения и возродившийся, возвращающийся.

«Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена...» Это семь холмов Рима, а семь царей, из которых *«пять пали, а другой еще не пришел, и когда придет, недолго ему быть»*. Здесь толкователи расходятся, одни считают, что речь идет непосредственно о римских кесарях. Это Август, Тиберий, безумный Калигула, слабый Клавдий, его пасынок Нерон, после которых прошли, как мимолетные тени, военачальники, захватившие власть: Гальба, Оттон и Вителлий, затем Веспасиан. Тит правил всего год или полтора, а за ним воцарился Домициан, при котором и был написан Апокалипсис. И толкователи (я не буду вдаваться в подробности, это можно посмотреть в любой хронологии Древнего Рима) пытаются увязать эти слова с историей римских императоров. Я думаю, что здесь действительно прямой на них намек, хотя иные и считают, что семь — только символическое число, обозначающее полноту властителей, и его можно переносить на любое время, на любое царствование и т. д. Некоторые считают, что отсчитывать надо прямо от Нерона: Нерон, Гальба, Оттон, Вителлий, Веспасиан, Тит и Домициан; ведь думали, что в лице Домициана возродился Нерон. Домициан был такой же жестокий человек, и в его правление было второе гонение на христиан, правда, слабое в сравнении с нероновым, но все-таки было. Образ Домициана выведен в художественной литературе, опять же у Фейхтвангера, но более достоверно, в романе «Настанет день». Когда говорится *«не долго ему быть»*, полагают, что это намек на императора Тита, который, будучи тяжело больным человеком, вступил на престол в 79 году, а в 81 году скончался, и кесарем стал его брат Домициан.

«Зверь, который был и которого нет, есть восьмый»... Восьмой зверь, то есть антихрист, *«из числа семи и пойдет в погибель»*... Он принадлежит к тому же роду, что эти семь. И действительно, Домициан был из рода Флавия. *«Десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые еще не получили царства»*... Полагают, что речь идет о десяти парфянских сатрапиях, хотя иные думают, что о провинциях Рима, которые против него восстали. В данном случае это не имеет значения, важно, что мощный враг — снаружи или изнутри — обрушивается на империю... *«Воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы...»* Воды, на которых сидит блудница, означают конкретно воды Средиземного моря, но это и старый апокалиптический образ: воды моря обозначали народы. Шумят народы, как море, говорится в Писании.

Откр. 17, 16. Это, конечно, больше похоже на внутреннее поражение, нежели на вторжение иноземных народов. Мы знаем, что большинство империй пало не только от ударов извне, но и от внутренней непрочности. Участь всех вавилонских башен всегда одна и та же, и отчего бы она ни зависела — врагов, идущих с востока, или от врагов, поднимающихся внутри, так или иначе судьба Вавилона решена.

Откр. 17, 17—18. Рим нигде во всем

Апокалипсисе не упоминается прямо, но не надо забывать, что эта книга распространялась, переписывалась в разгар преследований, при жестоком и подозрительном императоре, и, конечно, это было иносказание, и именно поэтому о. Сергий Булгаков называет это «тайным политическим шифром».

Теперь — более частные вопросы... *«И повел меня в духе в пустыню...»* обозначает следующее. Пустыня, по очень древним представлениям людей Востока, была местом обиталища демонов, и легко понять, откуда возникла эта мысль. Когда жители плодородных земель попадали в пустыню, где не видели ничего, кроме неба и камней, они приходили в ужас: им казалось, что Бог навсегда отверг это место, что это место проклятое, и поэтому они населяли пустыню демонами. Царем пустыни был демон Агазел, были там и другие демоны, представляемые в виде козлов. Вспомните слова Евангелия: когда изгоняется бес из человека, то он выходит и бродит по пустынным местам. Таким образом, пустыня становится в Писаниях символом внеблагодатного, антибожеского места и поэтому антихриста и империю апостол созерцает именно в пустыне.

Вопросы вызывает и четырнадцатый стих, толкования которого расходятся. Одни считают, что в бурях, которые разрушат империю, пострадают сами христиане, другие же считают, что речь идет просто о позднейшей вставке в текст.

Замечательные слова четырнадцатого стиха *«Агнец победит их»* обнадеживают нас. И в какую бы эпоху ни пришлось нам жить, и о какой эпохе ни приходилось бы нам думать, мы всегда должны помнить эти слова. Мы удивляемся разгулу зла, но «Агнец победит», не воющий, не дракон, а именно Агнец. Это очень важные слова. Победит Агнец, Который вроде бы бессилен, да еще и заклан.

* * *

Откр. 18. Эта глава, составленная в основном из речей пророков, обличительных речей против древних городов Востока, против Вавилона, Тира и других столиц, является своего рода поэмой. Но здесь имеется в виду Рим, а в конечном счете — всякая империя, которая попирала человеческие права. В этой поэме (ее можно было бы перевести и более поэтично) несколько частей. Во-первых, предсказание Ангела — *«пал, пал Вавилон»*... Под Вавилоном подразумевали смешение языков и народов. И точно так же Исайя говорил о древнем Вавилоне, о древней Ниневии, что они превратятся в развалины, среди которых будут кричать филины, птицы нечистые по древним установлениям, и которые к тому же воображение народа населяло всевозможными лешими, духами, домовыми, козлами, силенами (род сатиров). Вспомним еще раз, что развалины в пустыне, по библейской символике, всегда обозначали место пребывания демонов, да и в книге Товита говорится о демоне, который был изгнан каждением и убежал далеко в Египет, в пустыню. Пустыня — символ неприсутствия Бога.

Первый мотив — кара грядет на империю. Второй мотив — Исход: «выйди, народ Мой, из этого места». Можно сказать, что это центральная тема всей Библии, начиная с того момента, когда Авраам выходит из среды язычников, когда Лот бежит из Содома,— «выйди из нечистого города, покинь!» — и Моисей выводит народ свой из Египта, и народ возвращается из Вавилона. Вся Священная история посвящена охране Божьего достояния, охране Церкви в самом широком смысле слова. «Выйди оттуда» — здесь мы сталкиваемся с противопоставлением мира и Церкви.

«Не любите того, что в мире»,— говорит апостол Иоанн. В данном случае под миром он понимал вовсе не творение Божие, а обездуховленное и обезбоженное царство, из которого надо выйти. И для каждого христианина этот Исход становится законом жизни. Это вовсе не значит, что мы должны сегодня броситься бежать из городов. Но вспомните знаменитую книгу «Путь паломника» известного английского пуританина Джона Бэньяна. Она много раз переводилась на русский язык. Пушкин переложил ее начало в стихах, очень близких к тексту подлинника. Герой ее чувствует, что город, где он живет, будет сожжен небесным гневом, и он хочет бежать, бежать, чтобы искать ключ ко спасению. Он покидает свой город; родные, сочтя его сумасшедшим, бегут за ним, но он уходит. Здесь речь идет вовсе не о внешнем уходе, ведь для нас существует и «внутренний исход».

Проблема эта сейчас необычайно актуальна, потому что среди западных христиан весьма распространено мнение о том, что христиане должны настолько раствориться в мире сем, в мире в дурном смысле слова, что и стать как дети мира. Но тем самым мы потеряем Ковчег Завета, то сокровище, которое нам дано. Мы обязательно в чем-то должны ограждать себя, в чем-то должны находиться во внутреннем исходе (на светском языке это называется внутренней эмиграцией). Не целиком мы уходим из мира, но в чем-то есть какая-то святыня, мы чем-то принадлежим иному Граду.

Каждый из нас, конечно, должен быть членом того общества, в котором он живет, страдать его страданиями, болеть его болезнями. Он должен любить то общество, в котором он живет,— и все-таки помнить слова апостола: «Не имею здесь пребывающего града, но грядущего взыскую». Образ бегущих, уходящих, покидающих нечистое место людей и приведен в Апокалипсисе, и он очень для нас важен в плане духовном.

Дальше в тексте нет ничего непонятного, текст сложен по мотивам старых библейских пророчеств-ламентаций, оплакиваний. Цари оплакивают роскошный Рим и языком Востока описывается его богатство: торговля, плоды, скот и души человеческие, то есть рабы. Кто подобен этому городу великому? И все он потерял в один день. Так было с Ассирией, так было и с Вавилоном, так было со всеми великими державами, построенными на неправде. Символ этой гибели — Ангел бросает жернов в море и говорит — так погибнет и город. Это повторение символического жеста пророка Илии, который бросил свиток с камнем в реку Евфрат. Бросить камень в море — значит бросить его в ничто. Когда мы бросаем камень в море, он навсегда исчезает в пучине, всплеск — и нет. Так говорилось в пророчествах (в книге Еноха, например), которые частью были написаны в то время. «Горе тебе, Рим, фурия, друг ехидны. Волки будут выть на развалинах Капитолия». И через некоторое время это совершилось.

Мы не должны представлять себе Бога в виде карающего деспота, но законы, которые вложены в мир, в историю человеческой жизни, связаны с тайными механизмами справедливости; всегда совершается то, что индийцы называют кармой, всегда в конце концов, уже в этом мире з л о п о ж и н а е т з л о. В сущности, в конце (**Откр. 18, 24**) говорится не только о гонениях Нерона в 64-м году, о которых мы упоминали, но и о всех насилиях, чинимых империей. Можно было бы сейчас представить вереницы рабов, сожженные крепости, безобразные сцены в оккупированных городах, но зачем углубляться в столь далекие времена, когда и наше время дает достаточно подобных примеров? В этом отношении люди мало изменились.

Восемнадцатая глава — похоронная песнь Вавилону как граду лжи, который противостоит Граду Божию. Как вы помните, блаженный Августин говорил о том, что в истории все время идет параллельное развитие двух градов — града человеческого и Града Божьего. Так вот град человеческий достигает какого-то апогея — и надламывается. А в следующих главах говорится уже об апогее Царства Божьего на земле.

Мы не можем точно определить, содержится ли здесь пророчество, потому что пророчество не всегда предсказание. Пророчество, строго говоря, это выражение воли Божьей посланцем Божиим. Предсказание же может сопровождать пророчество, так сказать, конкретизируя его. Вот падает Вавилон, конкретный, тот, который стоит в Месопотамии, вот падает Рим. Но пророчество может быть общим, символическим. В частности, главная идея Апокалипсиса — возрастающее могущество сатанинского антихристова града в конце концов приведет его к величайшему столкновению с противоположной силой и к гибели. Думаю, что в тексте, который мы сейчас читаем, можно искать какие-то конкретные пророчества: ведь их можно приложить и к Константинополю, который пал, и к Александрии, которая пала, не говоря уже о самом Риме, который пал через некоторое время. Следует ли из этого, что весь Апокалипсис представляет собой конкретное пророчество? — Думаю, что нет: значительная часть его является метаисторической; не предсказанием, а пророчеством; в общем смысле, а не в конкретном. Так думает и большинство толкователей. Тем более, что все попытки найти какие-то исполнения бесполезны. Впрочем, каждый раз, когда происходит падение держав, насильственно попирающих людей, это пророчество исполняется, тем самым оно исполняется систематически.

* * *

Откр. 19. В предыдущих главах говорилось в основном о крахе цивилизации, о падении «Вавилона», о тех катастрофах, которые пожинает человечество, посеявшее злые семена. Но ведь суть Апокалипсиса совершенно не в этом. Его центральное содержание сводится к картине грядущего человечества, п р е о б р а ж е н н о г о м и р а, того, что составляет предмет нашего упования и веры, а вовсе не к перечню каких-то устрашений. Пророчества о гибели цивилизации были не только у христиан, они были и у древних египтян, у вавилонян и т. д., потому что мысль человека всегда без особого труда приходит к идее возмездия и разрушения. Но откровение царства Божьего — этого не было почти ни у кого, кроме персов.

Девятнадцатая глава посвящена переходу от катастроф к царству Божию, куль-

минацией описания которого будут следующие главы. После картины гибели Вавилона мы видим разверстые небеса, и на земле и на небе ликующую церковь. Сначала — голоса многочисленного народа в небе. Это церковь торжествующая и ангельские силы, поющие «аллилуйя», что значит «хвалите Бога»,— древнейший библейский припев ко всем молитвам. В Новом Завете он повторяется трижды, это отражение первичной ранней христианской литургии, где аллилуйя трижды повторялась в торжественные моменты.

«Он осудил ту великую любодеицу, которая растлила землю»... — империю, власть антихриста,— *«и дым ее восходил во веки веков...»* — эти слова напоминают нам о дыме, который поднимался над Содомом и Гоморрой. Потом было много создано поэтических образов, связанных с этим дымом, было много апокрифов, и в поздних кумранских апокрифах говорится о дыме, который по описанию даже напоминает ядерный взрыв. Здесь этот образ снова попадается на страницах Писания, потому что Содом — это прототип всех враждебных Богу и павших, уничтоженных цивилизаций, это первое, что увидели патриархи, первый знак возмездия, когда у них на глазах пять городов погрузились в море — в огне и вихре. И с тех пор об этом говорили всегда, когда речь шла о гибели грешников. *«Двадцать четыре старца и четыре животных»* — мы уже говорили о различных толкованиях этого образа, во всяком случае ясно, что речь идет о полноте Церкви: двенадцать и двенадцать, либо — по двенадцать Ветхого и Нового Завета, либо — просто двенадцать, как символ избранников.

Дальше приведены слова молитвы, которые идут уже как бы снизу, а не с неба: *«...слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих...»*. Это уже человечество, которое также поет *«аллилуйя!, ибо воцарился Господь Бог Вседержитель»*. Почему Господь «воцарился»? Мы часто повторяем прокимен, который поется за каждой воскресной всенощной: «Господь воцарился, в лепоту облечеся». Разве Господь не Царь? Бесспорно, Он Царь, но Царь, снявший корону и сложивший с себя порфиру, Царь, Который не царит полностью в этом мире, а воцарится тогда, когда мир вновь вернется к Богу, когда зло будет изгнано. Воцарение Божие есть исповедание некой надежды. Как полагают, в древности, в Ветхом Завете был такой новогодний обряд, когда пели псалом «Воцарися Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род», то есть Бог воцарится в будущем, Он — Владыка невидимый, скажем, потенциальный, Который пока скрыто путешествует по Своей земле. С победой над злом, в которой будут участвовать и люди, человеческие силы, Бог воцаряется; пока же князь мира сего — сатана, он господствует, Христос это так и называет. Поэтому, когда мы говорим «как же Бог допускает»... и т. д., мы не должны забывать, что Господь еще не воцарился, что мы еще участвуем в мировой, космической битве между грехом и добром, между Христом и антихристом, между тьмой и светом. «Господь воцарился» — значит наступил последний эон.

Мы видели страшную картину гибели блудницы, «Вавилона», тогда — Римской империи. И вот идет ее антипод, Церковь, антипод лжеобщества, построенного на лжи и насилии, невеста Агнца, невеста Христа. Та — Вавилонская блудница — была одета в роскошные пурпурные одежды, в ее руке золотая чаша, исполненная мерзости, и сама она была мерзостью одета, как и драгоценной одеждой. Как помпезно одевается всякая богатая цивилизация! Между тем Церковь одета в чистый виссон. Виссон — это драгоценная ткань, но очень простая, белая, чистая, никакой аляповатой пышности в ней нет, и в этом как бы антитеза. Стих 19, 9 содержит намек, воспоминание о словах Христа о тех, кто будут позваны на брачную вечерю Сына Царства.

Брачная вечеря, трапеза, торжество, праздник — еще в Ветхом Завете символ брачного, мессианского пира, когда и Спаситель находится среди людей, и все они вместе, за единым столом. И вот осуществление этого идеала. Интересно, что человечество символизирует идеал в виде семьи, сидящей за столом, духовной семьи, во главе которой — Сам Спаситель. Фантазия апокалиптиков придавала этой трапезе какой-то необычайный смысл, говорили, что Левиафан, как и Бегемот, будет вытащен из бездны и употреблен в пищу. На самом деле в этом немного странном и грубом мифологическом пророчестве есть глубокий смысл, потому что Левиафан и Бегемот, как я уже говорил,— образы природы и материи. Теперь материя уже вся подчинена человеку и будет ему служить, как бы становится пищей на трапезе.

Далее следует маленький диалог между апостолом и Ангелом, как бы вставной; Ангел говорит — напиши, что *«блаженны званные на брачную вечерю»*, и Иоанн падает перед ним на колени, а Ангел говорит: *«Не делай сего»*. Дело в том, что в мистических течениях и настроениях того времени начал развиваться настоящий культ ангелов; их стали называть по именам, составляли колоссальные списки и апокрифические книги, как христианские, так и иудейские, были полны самыми подробными описаниями жизни ангелов, из которых впоследствии черпали «сведения» литература, мистика и оккультизм. (Все, что было описано у Мильтона в «Потерянном рае» и «Возвращенном рае», все, что описывал Байрон и другие, заимствовано из этих апокрифических книг.) Поэтому здесь и подчеркивается, что ангелы отнюдь не являются существами, достойными обоготворения: *«Я сослужитель тебе и братьям твоим»*, то есть Ангел сослужит людям, *«имеющим свидетельство Иисусово, которое и есть дух пророчества»* **(Откр. 19, 10)**. Дух пророчества, который угас за несколько веков до Рождества Христова и возродился вместе с Христом, снова невидимо присутствует в Церкви, и это есть свидетельство Иисусово.

Впервые после новозаветного уничтожения Христа Он представлен здесь в образе Бога-Воителя, Воина на коне. Но пусть нас не соблазняет и не обманывает эта форма, хотя мы и видим всадника, забрызганного кровью, как в древних описаниях битв. Меч Его — меч, выходящий из уст, и подчеркивается, что этот меч — слово Божие. Вспомните слова апостола Павла: слово Божие — обоюдоострый меч, это духовное оружие, и все символы здесь духовные, Христос характеризуется как антипод дракона: у него тоже диадемы, короны на голове, но имя его (в отличие от дракона — там были написаны имена богохульные) — прежде всего имя тайное, которое уходит в непостижимость божественного. Человек не только явлен, но и укоренен в непостижимом. А другое Его имя, открытое людям,— это Слово Божие; здесь впервые Иоанн прямо говорит *«Слово Божие»*, так же, как сказано в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово».

Древние мистики полагали, что все божественные свойства обладают как бы самостоятельным бытием, например, Слава Божия — это сила, которая действует в мире, которая являет Бога в мире. И Слово Божие — это тоже действующая сила, и кроме того, слово Божие — это Бог творящий, Бог Логос — вторая ипостась св. Троицы.

«Воинства небесные следовали за Ним на конях белых». Воинства небесные означают звезды, космос. Это картина космической битвы в сверхисторическом измерении, а не битвы на земле. Она началась в тот момент, когда Христос родился, и Сам Он говорил: «Я видел сатану, ниспавшего с неба, как молния». История Христа есть история битвы с диаволом, как об этом прекрасно писал Честертон[3]. Эта битва все продолжается, и здесь она достигает кульминационной точки. Мир не слышит добрых слов, мир плохо прислушивается к добру, он исключительно бессилен, однако в нем есть еще какие-то искры Божии, которые поддерживают его на поверхности. Нужен новый удар, новое действие Слова Божия, которое бы подняло мир со дна и обратило бы его на борьбу со злом. Этим действием и будет явление Христа, новое возрождение Церкви.

О. Сергий Булгаков[4] считал, что это будет духовное преображение мира, преображение Церкви, как бы приход Божий в самой Церкви, где, наконец, будут явлены силы, подобные тем, какие мы уже лицезрели в Благой вести, только в глобальном, всечеловеческом масштабе, и именно это приведет к началу царства Божия. У Него есть еще одно имя: Царь Царей и Господь господствующих, что проводит ту же мысль: наконец Он царствует. *«Из уст Его исходит острый меч»* — это мечь духовный. *«Пасет жезлом железным»* — значит управляет миром, это мессианский образ.

А дальше идет противопоставление радостного пира, царствия Мессии, Христа и пира хищных птиц, созванных на поле брани. Это поэтический образ, тоже заимствованный из древних поэм Ветхого Завета. Ангел взывает, *«говоря всем птицам»*, летите: для каждого человека минувших времен это был совершенно прозрачный образ — когда шло войско, над ним темной тучей летели вороны и грифы, и когда кончалась битва, они опускались. В представлении древних это столь же неотделимо от битвы, как теперь для нас неотделим от нее грохот канонады и взрывов. Падает Вавилон, значит сонмы летящих птиц собираются на трупы. Христос говорил: «где будет труп, там соберутся орлы», и вот они собираются «на великую вечерю Божию», но у этих птиц своя трапеза.

Однако зло продолжает сопротивляться: *«И увидел я зверя и царей земных и воинства, их собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне»*... Против Христа выступает антихрист во главе царей земных, причем не сказано, как он победил, происходит что-то мгновенное: *«И схвачен был зверь и с ним лжепророк...»* Их бросают в серное озеро. Напомню, что сера — это намек на Содом. Мировое зло еще бушует, в мире еще продолжаются смерть, грех, но антихрист и исторические силы зла каким-то образом рушатся.

Это уже совершенно определенное про-

[3] Имеется в виду эссе Г. Честертона «Битва с драконом» (опубликовано по-русски в журнале «Человек», 1991 год).

[4] Речь идет о работе о. С. Булгакова «Апокалипсис Иоанна».

рочество, здесь совершенно ясное указание, что наступит момент в истории, который можно будет обозначить годом и, может быть, даже месяцем, а, может быть, и числом, когда зло начнет рушиться. Я думаю, что это произойдет еще не скоро, может быть, через десятки, сотни лет, в сущности, это неважно, ведь мы все равно это увидим — или оттуда, или — отсюда. Значит, зверь и лжепророк брошены в озеро, горящее серою, и убиты мечом, исходящим из его уст, а птицы напитались их трупами.

Что же это за птицы,— просто поэтический образ? Это не исключено, но может быть и иное: мир не разделился в тот момент на стоящих вокруг всадника, сидящего на белом коне, и примкнувших к лжепророку и зверю, точнее, не весь разделился. Какая-то часть мира, подобно прожорливым птицам, не заинтересована ни в том, ни в другом, и ей только бы «поклевать». И очень возможно, что значительная часть людей будет во время этой битвы столь же безучастна, как птицы, которые кружат, чтобы клевать тех, кто падет, а кто падет — им безразлично; им все равно, чем питаться, лишь бы питаться. Это все притчи. Назовем таких людей нейтральными, назовем их теми, кто оказался где-то в промежутке, не сдвинулся ни туда и ни сюда. Но я подчеркиваю — в мире зло еще остается. Речь идет о падении царства зверя, о падении «Вавилона».

Спросите футурологов, спросите социологов, биологов и прочих, они вам скажут, что наша цивилизация имеет все шансы кончить плохо. Но не будем обманываться: это вовсе не значит, что наша цивилизация обязательно в ближайшее время погибнет. Один Бог знает, когда это произойдет, но так или иначе, нечто подобное происходит всегда. Мы видели, как цивилизации падают, может быть это произойдет и с нашей. А может быть, наша достигнет больших высот и заслужит звание Вавилона, а потом уже падет. Все это произойдет, когда разрушен Вавилон, а человек остался, и Церковь в полной силе и масса вот этих людей — птиц, «птиц небесных»... В дальнейшем произойдет сложный процесс, который Апокалипсис описывает необычайно таинственными чертами и красками, заимствованными из разных апокрифов, над которыми до сих пор почти безуспешно бьются комментаторы. Но и есть и будет то, что запечатлено в этой картине.

В сущности, в явлении всадника на белом коне запечатлено явление духовных сил Христовых, новое явление силы. Будут ли в этой борьбе гибнуть люди, или это чисто духовная борьба? Что можно сказать об этом? Каждый духовный кризис порождает кризис общественный, а общественный кризис может порождать и чисто материальные конфликты. Мы знаем, что в истории неоднократно борьба идей оборачивалась борьбой, проводимой самыми низменными и гнусными средствами. Вполне возможно, что падение «Вавилона» будет сопровождаться какими-то тяжелыми социальными потрясениями, но прямо этого отсюда не следует, это могут оказаться и только духовные катаклизмы. Жизнь показывает, что всякая деградация, и в первую очередь духовная, происходит болезненно... Конечно, щепки будут лететь во все стороны...

* * *

Откр. 20. Двадцатая глава есть кульминация Апокалипсиса в том смысле, что здесь показано торжество Царства Божия на земле. Эта глава вызывала наибольшие споры и недоумения, приковывала к себе наибольшее количество всевозможных исследователей, толкователей, комментаторов. Она удивляла многих тем, что в ней говорилось о вещах, отсутствующих в малом Апокалипсисе, то есть в пророческих словах Христа, сказанных в синоптических Евангелиях[5]. Многое здесь так и остается тайным и сокровенным. Перед нами события не просто характерные, типологические, повторяющиеся из века в век, а какие-то свершения. Перед нами — пророчество, торжественное предсказание. И уже в силу этого обстоятельства мы не в состоянии полностью проникнуть в тайну этих текстов. Мы сейчас живем как бы в Ветхом Завете грядущего. Мы только как через тусклое стекло, лишь гадательно можем предвидеть то, что совершится в будущем. Главное, о чем повествуется в этой главе — это тысячелетнее царство. Среди богословов, среди учителей и отцов Церкви с самого начала возникли разномыслия по этому вопросу. Такие отцы-учители, как св. Ириней Лионский, св. Иустин Мученик, Папий, Мефодий Олимпийский и другие считали, что действительно в каком-то предконечном периоде мировой истории царство Христово воцарится здесь, на земле, по эту сторону истории, а не по ту. Другие же, в частности, Блаженный Августин, наиболее резко выступавший против теории тысячелетнего царства, объяснял эти слова Иоанна так: тысячелетнее царство, царство праведников, которое царствует с Христом,— это Церковь, ее странствия по земле и т. д.

[5] Синоптические Евангелия — Евангелия от Матфея, от Марка и от Луки, которые в основных своих чертах совпадают (в отличие от Евангелия от Иоанна).

Это толкование было принято с молчаливого согласия очень многих богословов, оно вошло почти во все популярные толкования вплоть до нашего времени. Между тем, как это ни печально, Блаженный Августин явно расходится с прямыми словами Иоаннова Откровения. В нем описано прежде всего некое таинственное вторжение духовных сил, средоточие зла, метафизический центр всякого черного импульса, названного здесь драконом. Как вы помните, этот морской образ связан с противящимися Богу силами, он называется сатаной, что по-русски значит «противник». Здесь он назван «змей древний», что напоминает рассказ об Эдеме и падении человека. Вот это самое существо, которое вмещает все темные силы, сковано, оно на какой-то срок оказывается парализованным.

Теперь поставим вопрос: можно ли, положа руку на сердце, не обманывая себя, сказать, что в истории Церкви был период, когда сатана был скован? Только человек, который не знаком с историей Церкви, может так сказать. Наоборот, сатана выстоял все это время, а часто и преуспевал. Сказать, что он б ы л скован, значит просто не считаться ни с фактами, ни с тем текстом, который есть.

Некоторые светские толкователи говорили следующее: во времена земной жизни Спасителя у некоторых книжников было такое мнение, что царство Мессии будет земным процветанием, это называется хилиазм, учение о тысячелетнем царстве; считали, что виноград будет давать в миллион раз больше, что пшеница будет, как в стране великанов... Наивное представление. Так вот, полагали, что это представление было как-то воспринято Апокалипсисом. На это мы отвечаем, что какие бы народные, мифические, традиционные представления книжников, фарисеев, персов, египтян, кого угодно ни воспринял апостол Иоанн. Апокалипсис — это откровение Божие, значит мы должны за этими символами и формами прочесть слово Божие, нам возвращенное. А оно говорит о том, что рядом с торжеством зла, которое произойдет неоднократно, будет и торжество добра. Это не так нелепо, как кажется, потому что в конце концов царство Антихриста началось уже давно и периодически оно все время возникает и возобновляется, периодически переосмысливается или перевооружается. Но нельзя считать, что дело Божие никогда не сможет хотя бы в какой-то степени заявить о себе на земле, кроме как в «запредельном» состоянии.

Человечество будет участвовать в божественном процессе воссоздания мира, и если люди откликнутся на Божий призыв, не осуществятся те угрозы, которые обещает Апокалипсис, а произойдет, как бы условно выражаясь, плавное вхождение мира в Царство Божие. И уже здесь на земле начнется преображение твари с участием человека. (Нечто подобное говорит и Тейяр де Шарден.)

Мысль эта не противоречит Писанию, хотя тайна остается тайной. В какую сторону пойдет человек — нам неизвестно. Но тем не менее в какой-то период будет явление Церкви в Духе и силе. Может быть, это будет через миллион лет, я не знаю, никто этого не знает, но важно, что это будет. Маленькая оговорка: тысячу лет здесь, конечно, не следует понимать хронологически, и шесть дней творения могут значить шесть тысяч лет, потому что у Бога один день, как тысяча лет. И вот, некоторые считают, что это будет как бы восьмой день творения. Много есть всяких расчетов, но так или иначе, это какой-то срок, и причем именно срок, так как апостол прямо говорит, что этот срок кончается.

А далее — картина суда над мучениками. Иоанн увидел престолы и сидящих на них, которым дано было судить. Помните слова Спасителя, Который сказал апостолам, что они будут сидеть на двенадцати престолах и судить двенадцать колен Израилевых. Души обезглавленных — это мученики, они ожили в царствии со Христом. Это показывает нам, что Царство Божие (вернее, не Царство Божие, а тысячелетнее царство) будет царством, в котором действуют мученики. В церкви действуют не только мученики. Что можно предполагать? Я совсем не собираюсь давать никаких фантазий или комментариев, но можно думать, что в этом тысячелетнем царстве все те же страдания, которые церковь перенесла за все века, дадут свой всход; как, мы не знаем, но както дадут. О. Сергий Булгаков полагает, что это место надо понимать в связи с главой 37-й пророка Иезекииля, где сказано: «оживут кости». Здесь речь идет не просто о покойниках, которые ожили, а о народе, который воспрянул. Здесь воспрянет народ Божий, воспрянет Церковь.

Надо, однако, сделать ссылку на то, что слово «ожили» — не то характерное слово, которое употребляется, когда говорят о воскресении. Другие авторы оспаривают эту точку зрения, но нам это не так важно. Не будем гадать, будем смотреть на наиболее очевидные места Апокалипсиса. Апостол говорит ясно, что будет какое-то воскресение, духовное воскресение. Будет ли это плотское воскресение — мы не знаем, может быть, какую-то роль оно там и будет играть, может быть... Церковь, на земле

просиявшая, сможет не только внутренне соединиться со святыми, но, может быть, эти святые начнут как-то явно активно участвовать в нашей жизни. (Они и так в ней активно участвуют, но, возможно, это участие будет б о л е е явным.) Это место вполне можно понимать таким образом. *«Над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет».* — Это место в Апокалипсисе, как и вообще всю главу, богословы очень часто стараются пробежать и не заметить, но между тем все упование Апокалипсиса связано с этим и со следующей главой, где речь идет о преображении твари.

Далее идет картина второго Армагеддона, второй битвы. Некоторые современные исследователи Апокалипсиса считают, что в обоих случаях говорится об одном и том же событии, только в двух вариантах. Другие считают, что речь идет о каком-то новом событии. Мы этого не знаем и никогда не узнаем. Важен факт, что царство Божие на земле уже как бы существует, но оно имеет локальный характер, оно где-то устанавливается; оно не захватило всю нашу планету, ибо есть «стан святых и город возлюбленный», который потом окружили люди Гога и Магога. Значит, Церковь — это лишь как бы место в мире, где она все-таки остается странницей, остается аутсайдером в мире, несмотря на явленные в ней силы Духа. Проходит тысяча лет, и вот снова поднимаются темные силы. Даниил Андреев, известный русский писатель, поэт и оккультист, представлял это таким образом, что на всей земле будет царить добро и благо, что некоторым людям это надоест, им опостылеет добро, и они начнут откуда-то выковыривать зло, и начнется такая своеобразная реакция. Это, конечно, фантазия художника, мы просто не знаем, как это будет, но непосредственно из Писания ясно, что Церковь захватывает не всех, а какие-то незахваченные ею массы начинают враждебные действия. Это Гог и Магог.

Гог и Магог — это образ двух сил, обозначающих далекие воинственные народы, которые, как скифы, вторгаются внезапно и внезапно уходят. Это некий полумистический полумифологический враг. Впервые о нем упомянуто у пророка Иезекииля. «И вышли на широту земли и окружили стан святых». Заметьте, что такое стан: если переводить на современный язык, это уже лагерь святых. *«И город возлюбленный»...* речь идет о Иерусалиме, в земном или небесном смысле — это неважно. Это Церковь, которая продолжает быть странницей, и у нее стан, как во дни Ветхого Завета; она опять кочующий лагерь. *«И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их».* С одной стороны, это напоминает Содом и Гоморру, как бы низвержение Богом гордыни, с другой стороны — Пятидесятницу. Ведь совсем не исключено, что речь идет о новых могущественных дарованиях силы Божией в Церкви, которая рассеет все грозовые тучи, окружающие ее. И когда диавол, прельститель, ввержен в огненное озеро, он на этот раз парализован уже не просто Ангелом, а тем, что человеческий род воспрянул, воспротивился ему.

Тут же возникает, конечно, вечно почему-то терзавшая всех проблема адских мучений и т. п. Я не буду давать обзор всех споров вокруг этой темы. Главное, что понятие «вечный» у нас совсем иное, нежели было в Новом и Ветхом Завете. «Вселенная» и «Вечность» в Ветхом Завете обозначались одним и тем же словом, на самом деле означившем «преходящий мир», а не «вечность». И когда говорили о вечности, имели в виду промежуток времени до конца мира (по-гречески эон, промежуток какой-то огромной, но конечной величины). Следовательно, когда говорится о вечных муках, подразумевается, что все это идет в пределах э т о й вечности, э т о г о нашего бытия. По ту сторону нашего бытия уже начинается новый эон, в котором Бог будет «всяческая и во всем». А носители зла должны пройти через огонь. Напоминаем опять про озеро огненное и серное, это опять Содом и Гоморра, это опять связано с изживанием греха. Тут ни у кого не вызывает сомнения, что зло и грех должны быть выжжены, и они выжигаются во всех существах. Важно, что остается после выжигания (это, конечно, метафорический образ). Конечно, человек, у которого после выжигания не остается почти ничего, действительно переживает как бы вторую смерть.

И наконец, последний суд. *«И увидел я великий белый престол* (то есть трон) *и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места».* Это очень интересный момент. Небо и земля — это синоним Вселенной; Вселенная бежит от Него, и нету места, потому что Бог берет на преображение, на переделку, на переиначивание всю Вселенную, и тогда поднимаются все, умершие когда бы то ни было. Их отдают и преисподняя, и море, причем в последнем случае речь идет совсем не об утопленниках. Здесь написано так: *«отдало море мертвых, и смерть и ад отдали».* С адом ясно — это преисподняя, смерть — это тоже понятно, и к этим демоническим фигурам присовокупляется и море — тоже демоническое. Потом будет сказано, что в Царствии небесном моря уже нет. Это все образы сатанинского бытия, темные бездны, в которые погружаются люди. Есть такое учение, весьма основательно разработанное в христианстве, что многие люди, когда умирают, теряют сознание, пребывают в бессознательном состоянии, как бы в сомнамбулическом сне, потому что душа их была неразвита или же заражена грехом, и так вот они и существуют, пока силой Божией снова не будут восстановлены где-то в конце веков.

И вот оживают все люди. И тут всегда спрашивают: где же они помещаются? Где это? Не надо понимать так примитивно. Все будет выглядеть совершенно иначе, произойдет трансформация материи, всего бытия. Об этой трансформации говорит следующая, двадцать первая глава.

Н и г д е, кроме Апокалипсиса, в Новом Завете нет текста о тысячелетнем Царствии, что неудивительно, потому что о таких вещах трудно говорить иным языком, нежели образным, символическим. Поэтому, скажем, если Христос и говорил об этом, то от учеников это могло ускользнуть, да и не в этом была суть Его провозвестия. А апостол Иоанн говорил уже о судьбах Церкви, поэтому здесь важнее сказать, что и она будет сиять на земле, будет не только в крови, в унижении и в собственных грехах, но и в своих доблестях, в каком-то явлении Духа и сил.

Преподобный Серафим говорил, что перед концом будет расцвет духовной жизни, то есть он говорил об этом же. Я думаю, что у нас есть все основания в это верить и надеяться, потому что это сказано прямо в слове Божием. А что касается деталей, то можно предложить тысячи вариантов, так как у каждого толкователя есть свой, но противоречивые мнения нас не интересуют. Нашей целью было просто выявить в тексте то, что явно и бесспорно, хотя толкований и множество, и все они небезынтересны, но... только как свидетельства изощренности коллективного сознания.

* * *

Откр. 21. Двадцать первая глава Апокалипсиса — это своего рода эпилог и вместе с тем вершина Откровения Иоаннова, потому что, если в предыдущих главах говорилось о падении человечества, о карах, катастрофах, о мужестве и терпении святых, о возрастании одновременно двух царств — царства антихриста и царства Христова,— о господстве на земле зверя и лжепророка и о последующем тысячелетнем царстве Христовом, то в двадцать первой главе рассказывается уже о том, что будет по т у с т о р о н у и с т о р и и, по ту сторону земного странствия человечества, о том, что является целью всего процесса спасения, то есть преображения мира, о том, что греческие отцы церкви называли теозисом, обожествлением мира.

Вспомним, что иконы пишутся не столько по воображению иконописцев и даже не столько по их внутреннему озарению и видению, сколько на основе канона, установленного издревле. Даже такие великие иконописцы, как, например, Рублев, писали, точно следуя правилам, выработанным еще в ранней Византии. При этом значение цветов, красок, линий, положения рук, склоненных голов и т. д. — все имело определенный смысл, было своего рода языком. Так, простертая рука означала моление, багровый фон обозначал определенное состояние духа и т. д. Значит ли это, что Рублев был просто копиист? Ведь и до него уже были Троицы, подобные созданной им. Значит ли это, что и все другие гениальные иконописцы были копиистами? Для поверхностного человека это именно так, но, если мы присмотримся, то увидим, что мастера, следуя канону, вкладывали в него совершенно новый дух и лишь пользовались прежним языком.

Все это лишь пример, на котором можно пояснить вводные стихи двадцать первой главы Апокалипсиса.

Откр. 21,1—3. Дается картина нового неба и новой земли. Иконопись можно припомнить здесь потому, что почти каждое слово этого фрагмента уже было написано раньше, почти все здесь заимствовано из Ветхого Завета, и весь текст — мозаика, составленная из ветхозаветных цитат. Каждый, кто возьмет хорошую, полную Библию и найдет там параллельные места на полях, увидит, насколько тщательно стремился евангелист описывать это свое видение только библейским языком. Он точно следовал канону — и дал грандиозную картину нового неба и новой земли.

Небо и земля в библейской фразеологии точно обозначают вселенную. Это очень древнее словосочетание. Еще у шумеров небо и земля назывались «анки», двуединство это — синоним вселенной. *«...Моря уже нет»,*— речь идет не о том, что в этом мире отсутствует вода, просто вселенная преображается, и темные хаотические силы, которые вели мир в сторону, противоположную замыслам Божиим, исчезают. Перед нами мир без нарушения воли Творца. Богословы часто дискутируют о том, является ли

это новое небо и новая земля преображением или же совершенно новым созданием. По-видимому, текст не дает нам права считать ни один из ответов абсолютно точным, хотя здесь и приводятся слова Творца (впервые в Апокалипсисе Творец говорит от Себя, нигде, кроме этого места, Он не говорит; говорят Христос, ангел или апостол, а Творец — только здесь, в одном месте). *«Сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое»*... Собственно, это тоже слова из пророка Исайи. И потом: ...*«совершилось! Я есмь Алфа и Омега, начало и конец»*. Слово «творю» может значить и «создаю», и «образую», и здесь довольно трудно установить, что подразумевается.

Есть абсолютное творение и относительное. Обычно богословы считают так, что когда в Ветхом Завете употреблялся глагол «бара» — творить, например: «В начале сотворил Бог небо и землю»,— то он значит абсолютное творение, когда бытие создается из ничего. Другой глагол обозначает творение, образующее что-то из чего-то. Но здесь, в греческом тексте Апокалипсиса, мы не знаем, о чем идет речь, поэтому вопрос так и остается открытым. У о. Сергия Булгакова можно найти мысль, что прежнее творение здесь сохраняется, но преобразуется. Эта мысль близка нашему православному сознанию. Более строгие современные библеисты считают, что речь идет о полной ликвидации старого творения и появлении нового; они следуют букве и думают, что буква подсказывает именно такое решение. Нам же важно, что самый принцип бытия, та Премудрость, которая была заложена в мироздании,— бессмертие души, Адам-Всечеловек — все это, конечно, не творится заново, а преобразуется, следовательно, все-таки мы можем говорить о том, что основное в творении не погибло.

Если прежние небо и земля бежали от лица Сидящего на престоле — не нашлось им места, то новое небо и земля уже Ему предстоят, и там все мы присутствуем, все человечество. Все ли? Вот тут и говорится, что те, которые отступили (перечисляются неверные, скверные, убийцы, прелюбодейцы, чародеи) — в озере горящем. Вопрос этот мы разберем дальше, когда будем касаться будущего всего человечества.

Следующая картина рисует нам Новый Иерусалим, который всегда был символом царства Божия, и голос, говорящий с неба в первых восьми стихах как раз передает смысл этого нового града, смысл этого бытия. *«Се, скиния Бога с человеками»*... Скиния — шатер, в котором Бог пребывает в центре стана, в центре человечества, как первоначально было в древнем Израиле. Отсюда возникло арамейское слово «шахина» — что значит Дух Божий, образ Божий, который пребывает в человечестве. Здесь употреблено именно это слово «скние», что значит шатер. Возникает самая непосредственная близость между Богом и людьми, они будут Его народом, и Сам Бог будет с ними. С неба спускается Новый Иерусалим, он построен из драгоценных камней. Эта картина как бы заимствована из пророчества Иезекииля, где изображен крестовидный четырехугольный град, обращенный на все четыре стороны мира, что символизирует собой вселенную, а его нетленная красота символизируется драгоценными камнями — в древности не было более прочных вещей, которые бы отражали красоту. «Трава засыхает, цвет увядает»,— говорит пророк, то есть все прекрасное в мире проходит, но тысячелетиями живут драгоценные камни, которые поэтому и клались в гробницы. Они были самыми выразительными символами.

Двенадцать различных камней обозначают двенадцать колен Израилевых, предшественников Церкви — Церковь в данном случае и есть Новый Иерусалим. Здесь прямая связь, переход с одного этапа на другой: вместо Вавилона мы видим святой город Божий, в котором сияет слава Господня и двенадцать ворот тоже обозначают двенадцать колен. Когда же говорится о том, что он будет измерен, то это опять-таки заимствование из пророка Иезекииля. Измерение обозначало, что это не будет нечто сверхъестественное в такой степени, чтобы человек не смог этого представить, но что это реально будет в творении как нечто измеримое; мера твари — не только человека, но и ангелов, как тут подчеркивается,— твари на ее самом высоком уровне. Прежде было солнце, которое освещало землю, и ночная луна, теперь ничего этого не будет; прежде Церковь была невестой, теперь она становится женой, и происходит бракосочетание, торжественный пир, который, в отличие от пира Вавилонской блудницы, есть пир Церкви, трапеза, на которую соберутся все верующие в конце веков, пир как торжество всего человечества. Все прекрасное в него входит, все отвратительное отделяется, уходит.

Возвращаясь к мнению о. Сергия Булгакова, можно сказать следующее: он полагает, что не личности будут уничтожены, изгнаны из Града, а все пройдут очистительный огонь, и будет изгнано «оно», зло, находящееся в этих личностях, во всем, во всех существах, от демонских сил до человеческих. Все они будут прокалены в этом огне, и зло будет истреблено, потому что у зла нет сущности как таковой, это не «противобог», который живет сам по себе; зло сгорает в этом огне. Но для тех, кто целиком пропитан злом, эта вторая смерть может оказаться трагичной, потому что от них почти ничего не остается. (Скажем, если сатана **весь** напоен злом, то, когда зло сгорает, сгорает и он сам.) И храма у них нет. Связь между Богом и человеком — в религии, связь, которая соединяет разорванное, разлученное, а у зла нет религии, нет связи, ничего нет. Бог же присутствует в мире,— *«Я есмь Алфа и Омега»*,— и мир, поднимающийся со дна мироздания, двигающийся через все перипетии космогенеза и священной истории, приходит в конце концов к своему торжеству. Бог обретает Себе человечество, обретает Себе тварь, которая отражает Его всемогущество и любовь, которая сама к Нему пришла, подобно блудному сыну.

Дальнейшее описание Града также символично, оно содержится в следующей главе. Так или иначе, во всех последних главах — суть и смысл и центральное упование Апокалипсиса. *«Я есмь Алфа и Омега»*. Алфа — это Господь-Создатель, Омега — Господь-Освятитель и Примиритель. И Он уже сейчас действует в этом мире, именно поэтому мы должны еще раз отбросить как нехристианское чувство устрашенности перед концом мира. Апокалипсис кончается словами: *«Ей, гряди Господи Иисусе»*, то есть христиане ждали Христа, хотя они и сознавали себя грешниками. Но почему-то у современных христиан вошло в моду считать, что пришествие Христа будет чем-то настолько ужасным, что от этого можно получать даже какое-то мстительное удовольствие. При всех своих ужасах Апокалипсис — книга бесспорно светлая: видите к чему приходит вся история — ко Граду. Она приходит к нему через ряд катаклизмов, и это неудивительно, так как все время возрастали оба царства.

Мрачному взгляду на будущее противостоит оптимистический взгляд Тейара де Шардена, Федорова и некоторых других, считающих, что переход в будущее будет гладкий. Это некоторый недосмотр, так как история полна катаклизмов, и царство Божие тоже приходит через катастрофы. Но все-таки духу Апокалипсиса ближе религиозный оптимизм Тейара и Федорова, чем апокалиптический ужас, который ближе не к Апокалипсису Иоанна, а к дохристианским апокалипсисам, к страшным пророчествам Сивиллы и языческим ожиданиям конца всего или даже к древнегерманской вере в гибель богов и смерть мироздания.

* * *

Откр. 22. Двадцать вторая глава, как и прошлая,— некая икона, видение грядущего, преображенного мира, видение человечества и всего космоса. И это видение снова написано красками древних пророчеств, оно действительно похоже на прекрасную икону с многочисленными символами, животными, цветами, яркими радугами красок, и во всем этом скрыт очень глубокий смысл.

В первых главах книги Бытия мы видим древо жизни как символ богообщения, единственное, центральное древо, которое возвышается среди рая. Здесь — уже подобие леса: древо жизни превратилось в галерею деревьев, растущих вдоль необычайного потока жизни. Древо жизни — это бессмертие. Как вы помните, человек лишился духовного бессмертия, и реального жизненного бессмертия он тоже лишился, согласно рассказу Книги Бытия. А здесь, в последней главе последней книги Библии человек вновь обретает и древо жизни, и реку жизни. И не будет ничего проклятого (в греческом тексте стоит слово «анафема», что означает по-древнееврейски «херем» — извергнутое, выделенное, отлученное). Так вот, ничего такого не будет.

Возникает вопрос: а как же люди, в это бытие входящие, в которых, как очень хорошо сказал о. Сергий Булгаков, «внутри живут и овцы и козлища»? Разделение проходит внутри каждого человека, и этот суд — обоюдоострый меч, который разделяет сердце и вычленяет из него все нечистое. Ничто, преданное анафеме, ничто нечистое не должно войти в Град. И чем больше останется у человека подлинного, чистого, тем в большей мере он будет приобщен к древу жизни, а чем больше в нем нечистого, тем более ущербна будет его личность в момент разделения.

Откр. 22, 3. Бог — тайное явление, то, о чем сказано в книге Иова: Иов сомневался, страдал, кричал, вопил, и все разрешилось для него только тогда, когда он узрел лицо Божие. По существу человек всегда только об этом и мечтает. Вот тут-то и возникает разделение между понятиями Страшного суда и Парусии (Парусия — пришествие Господне по-гречески), и оно именно в этом. Для тех, кто ждал Христа, Парусия — радостное событие, но она может оборачиваться и событием страшным, потому что «узрят лицо Его»; как сказано у пророков: «приготовься увидеть Бога, Которого ты прогневал».

Откр. 22, 5. Здесь ясный символ того, что теневая сторона жизни исчезает. Конечно,

могут придти на память слова Воланда из булгаковской книги, что-де как может быть свет без тени, без контраста. Это посюсторонее рассуждение. В этом бытии, конечно, не может, но те, кто рассуждает так, как Воланд, подобны саддукеям, которые предлагали Христу парадокс о женщине, которая без конца выходила замуж за умиравших братьев. В том, ином мире это не так. В ином бытии все строится на других основах, контраст там рождается иным образом. Но мы иначе и мыслить не можем, и нам совершенно бессмысленно об этом загадывать.

«Се, гряду скоро»...— Эти слова часто повторяются у пророков и Иоанн так же говорит. Следует вспомнить, что это «скоро» в божественном смысле, а не в человеческом; оно вовсе не означает, что это «завтра», ведь для Бога «скоро» может оказаться и через миллион лет, и это тоже будет «скоро», по крайней мере, в сравнении с историей развития Земли это будет секунда.

Сцена, когда Иоанн пал перед Ангелом, и Ангел сказал «не делай сего», имеет отношение к смущениям той эпохи, о которых говорилось и выше. Тогда появилось много различных оккультных учений, которые придавали огромное значение иерархическим существам, поклонению звездам, поклонению духам самых различных иерархий, которым давали различные названия и т. д. Против этого оккультного понимания и выступает здесь апостол. Ангел говорит ему, что в сущности они братья, и это правильно: вся тварь — наши братья. Может быть, он в чем-то выше, а в чем-то и нет. *«Я сослужитель тебе»*, потому что пророк — служитель и Ангел — служитель.

Десятый стих последней главы направлен против тех, кто, как мы уже говорили, считает Апокалипсис запечатанной книгой: *«Не запечатывай слов пророчества книги сей, ибо время близко»*,— это написано для нас, это не просто какой-то ребус или иероглиф, который через миллион лет кто-то прочтет. Как можно увидеть в процессе чтения, очень многое тут не только ясно, но прямо, непосредственно адресовано нам. Стих одиннадцатый говорит о том, что вмешательство Божие, если мы можем употребить этот термин, Божественное вторжение вовсе не должно сейчас же все преобразить. *«Неправедный пусть еще делает неправду...»*, то есть в мире все идет так, как позволяет человеческая свобода. Параллель к этому — в притче о сеятеле: когда он сеял, враг намешал ему сорняков, и когда он высеял все в поле, то выросли и сорняки, и пшеница. Ему говорят: «давай мы будем вырывать», а он сказал: «пусть растут вместе, а там видно будет...». Здесь говорится о том же самом. Пусть все делается, в конце все завершится. «Я есмь Алфа и Омега», и в конце концов Творец силой и красотой своей покрывает все мироздание. Это основа нашей веры, и все что ни есть прекрасного во всех мировоззрениях мира является осколками и отголосками этого глобального огромного ожидания.

Откр. 22, 14. Идти к древу жизни,— значит идти к богопознанию. **Откр. 22, 16** — Здесь может идти речь даже о самом пророке, ведь «ангел» значит «посланник», и, может быть, именно здесь и упоминается о том Иоанне, который все это возвещает.

Откр. 22,17.— начало эпилога: *«И Дух и невеста говорят: прииди!»*. Невеста — это Церковь, а Дух — та божественная сила, которая действует в Церкви, то есть Дух Церкви. Они говорят «прииди», так как Паруссия — самый вожделенный момент истории. Если человек умирает и смерть переживает как величайшую радость, и по ту сторону жизни открывает какие-то бесконечные сверкающие миры — все равно это еще не полнота, все равно это ущерб: мы ждем большего, безмерно большего: возрождения, реальности творения, реальности каждого человека, как в Символе веры — «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». И как бы подтверждая это желание Церкви, желание свершения, апостол заканчивает возгласом: *«Гряди, Господи Иисусе»*. Апокалипсис, несмотря на свои грозные страницы, несмотря на страшные картины, бесспорно является книгой самой светлой надежды, которая отвечает на все чаяния и воздыхания Ветхого Завета. «Если бы Ты расторг небеса и сошел...», говорит пророк Исайя, а Псалмопевец говорит: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже». Эти два возгласа Ветхого Завета, важнейшие «внутренние» слова, сказанные там, находят ответ, во-первых, в явлении Христа и, наконец, в том Царстве, которое Он основал и завершает,— *«Ей, гряди Господи Иисусе»*.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прочитав Апокалипсис целиком, можно заметить, что он весь написан на совершенно определенном, но условном языке. Только те, кто хорошо знали этот язык, могли его понимать без особенного труда. Каждой эпохе присущ свой условный язык и излишне приводить примеры условных языков нашего времени — это достаточно понятно. Образы, которые присутствуют на каждой странице Апокалипсиса, в каждой строчке, много говорили людям, читавшим книгу Еноха, книгу Вознесения Моисея, книгу Юбилеев и другие апокалиптические произведения. Очень возможно, что апокалипсис Баруха был написан еще до Иоаннова Апокалипсиса, и людям было понятно, что означают отдельные апокалиптические обороты.

В понимании Апокалипсиса в следующие эпохи наметилось как бы два направления: первое направление воспринимало весь символический язык буквально, и эта реалистическая, если не сказать материалистическая эсхатология с ее реальными громами, реальными катастрофами и видимым вещественным вторжением небесных сил в мир, и борьба с темными силами в виде войны Армагеддон,— все это очень легко впитывалось людьми как в первом веке, так и в двадцатом. Между тем, зная язык Священного Писания, можно убедиться, что главное в Апокалипсисе — не символы, а то, что кроется за ними, то, что ясновидец хотел сказать н а м, то, что было ему открыто; ведь пророку-ясновидцу, мудрецу открывается не форма, в которой он излагает свое богооткровение, а сущность. Сущность же он передает теми средствами, которыми владеет и которые соответствуют его аудитории.

Почему же людей очень часто привлекала реалистическая эсхатология с вторжением ангелов с настоящими мечами, которые крушат вавилонские башни и ломают весь мир? В какой-то степени это происходит, если нам позволено так говорить, от особого рода маловерия или особого рода неверия. Дело в том, что когда человек видит торжество зла на земле и не видит величия добра, он начинает страдать, и естественное чувство справедливости, от Бога данное людям, требует какого-то совершенно реального возмездия. Это чувство вырастает до мстительности, и когда люди смотрели на ненавистные им города, на Рим, который распинал христиан, на Петербург, который возник на костях, на Москву или на города современной цивилизации, они шептали: «Вавилон будет разрушен», и потирали руки с чувством глубокого удовлетворения. Это м с т и т е л ь н а я эсхатология; человеку хочется, чтобы Бог взял дубину и все сокрушил.

Но у Господа Бога Свои планы. И ожидание того, что завтра явятся знамения и начнутся сокрушения, и людям неверующим будет дано доказательство, а мы скажем: «ага! вот вы вчера над нами смеялись, а сегодня Господь Бог вам все это показал!», надежда на это — неблагородная надежда. Но именно такого рода упование и движет людьми, когда они ожидают реалистической эсхатологии. Это очень сильное чувство, подобное глубоким страстям, которые трудно вырвать из сердца, и каждый может это понять. Цивилизация во все времена часто выступала со своей «вавилонской» стороны и давила человека. И люди, смотря на это, думали — вот торжество, так сказать, земное. А когда человек вспоминал, что Господь Бог все это разрушит, ему становилось легче на душе. Думается, что мы должны подходить к этому иначе, с другими чувствами, во всяком случае без злорадства.

Эта маленькая преамбула помогает объяснить, с чем связаны многочисленные ошибочные — материалистические, реалистические толкования Апокалипсиса. Историю изучения Апокалипсиса можно было бы назвать так: понимание Апокалипсиса и злоупотребление им. С самого начала Апокалипсис был встречен не просто. Дело в том, что в начале II века, когда он стал распространяться, большинство сирийских и греческих церквей целиком восприняли эллинскую культуру. Апокалипсис же нес в себе еще слишком большой груз ветхозаветных восточных символов, которых уже многие не понимали, поэтому он был единственной из книг Нового Завета, которая еще в древней Церкви подвергалась критическому анализу, и некоторые даже отвергали ее. Так, св. Дионисий Александрийский (II—III в. н. э.) не считал, что Апокалипсис написан апостолом Иоанном. Но все-таки Церковь признала Апокалипсис как священную книгу, хотя в богослужении она у нас сейчас не употребляется, что тоже связано именно с эллинистической, с греческой традицией, которая укрепилась в Церкви. Тем не менее Апокалипсис привлекал большое внимание.

Во II веке возникло движение монтанистов. В Малой Азии, в стране диких, оргиастических культов, пророк Монтан и две пророчицы, которые были когда-то языческими пророчицами, возглавили движение, которое было реакцией на с т а г н а ц и ю в Церкви. Поймите это правильно: Церковь упорядочилась, она становилась чем-то связанным с жизнью обычных людей, но при этом она теряла свой динамизм, ту насыщенность огнем и Духом, эмоциональный накал, который был свойствен первому веку. Отцы Церкви уже начинали внушать людям, что конец неизвестен, но во всяком случае, он не наступит вот-вот, надо жить сегодня. И именно против этого

восстал Монтан и очень многих смутил, и образовал даже целую самостоятельную монтанистскую церковь. Монтан считал себя тем утешителем, который обещан был Христом, и предсказывал близкий конец мира.

С тех пор эсхатологические движения неоднократно вспыхивали в различных ответвлениях христианской Церкви, и они продолжают свое существование вплоть до нашего времени. Время от времени появляется кто-то, находящий в Апокалипсисе «точные» приметы своей эпохи и начинает возвещать конец света, что является сильнодействующей приманкой для людей слабых или склонных к излишней экзальтации. Особенно привлекает людей идея тысячелетнего царства Христова, поэтому в греческой церкви был хилиазм (от греч. хилиа, «тысяча»), и в современном нам мире в его недавно христианизированных и малоцивилизованных уголках время от времени вспыхивает движение милленаристов (от лат. «милле», что также означает «тысяча»), и адвентисты седьмого дня — такая разновидность протестантизма — тоже время от времени «точно» вычисляют дату Страшного Суда. Но несколько таких дат уже прошло (очевидно, за две тысячи лет — немало), а предсказанное светопредставление так и не наступило.

Пожалуй, можно сказать, что такое вот исступленное ожидание конца — нездоровое явление духовной жизни, противоречащее в корне самой идее упования на Господа, противоречащее христианским воззрениям на те свойства человеческой личности, к которым обращался Христос, носителем которых Он Сам был — на веру, надежду, терпение, кротость.

Суммируя основной тезис христианской эсхатологии, один человек говорил, что мы должны жить так, как будто Страшный Суд наступит завтра, а трудиться так, как будто у нас впереди вечность, то есть не откладывать дело своего спасения («бодрствуйте и молитесь» — учит нас Евангелие), но и никуда не торопиться, не навязывать Господу свою волю, а с радостью и терпением выполнять Его волю.

Публикация Н. Ф. Григоренко
Текст подготовлен к печати А. Я. Андреевой

Lacrimosa Уолтера Миллера

Уолтер Майкл Миллер-младший родился в январе 1923 года во Флориде. С детства он был воспитан в строгой католической вере. В 1940 году поступил в Университет штата Теннеси, но, не закончив его, был призван в армию: Америка вступила в войну... Военный летчик Миллер неоднократно бомбил города Европы, а однажды ему, человеку глубоко верующему, судьба подготовила особое испытание — лично принять участие в *особо варварском* налете на союзный монастырь итальянских бенедиктинцев в Монте-Кассино.

После этих минимальных биографических сведений читателю, надеюсь, станет более понятен пафос романа, с начальными главами которого он сейчас познакомится. (Наверное, так же нелишне перед чтением воннегутовской «Бойни № 5» взять на заметку, что автор воевал в Европе, был пленен и чудом уцелел во время еще более варварской бомбардировки — *своими же* — Дрездена.)

Впрочем, бомбы будут падать и на монастырь Ордена Святого Лейбовица, но только под занавес. Случится это в финале романа, когда столь лелеемое братством на протяжении веков хранилище знания и культуры — их *монастырь* — обрушится, как гнев божий, на последнего настоятеля и убьет его. Но перед тем падающий свет с небес, Люциферов огонь (ибо имя его означает не только Зло, врага рода человеческого, но и просто, в переводе с греческого,— *Светоносец...*) еще даст, по прихотливой фантазии романиста, рождение новой *непорочной деве,* внезапно прозревшей от слепящего атомного пламени: ее взор впервые откроется миру, невинный и любопытный взор ребенка. (Я пишу «она», «ее», хотя речь идет о внезапно проснувшейся... *второй голове* женщины-мутанта!) Цивилизация на Земле рухнет в очередной раз, вероятно, окончательно и бесповоротно, а последний звездолет с членами Ордена отправится на далекую звездную колонию — чтобы *попытаться еще раз...*

Однако я забегаю вперед. Полностью роман читатели тоже вскоре смогут прочитать на русском (*не пропустите рекламный анонс, помещенный сразу после этой публикации!*); пока же им предстоит знакомство только с первой третью романа, представляющей собою как бы самостоятельное произведение. Не ищите тут какой-то «редакционный садизм»; предлагаемая вашему вниманию часть первоначально и была опубликована в 1955 году журналом «Фэнтези энд сайнс фикшн» — как короткая повесть; и неизвестно, виделось ли самому автору в ту пору какое-то *про*должение...

Итак, Уолтер Миллер. Имя, нашему читателю практически незнакомое. Если не считать дежурной фразы, которую критики во время оно без устали переписывали друг у друга: «У американца Уолтера Миллера (роман «Гимн Лейбовицу») на испепеленной атомной

катастрофой Земле первой возрождается апостольская римско-католическая церковь». И все — как ярлычок привесили.

Между тем влияние этого писателя на современную американскую научно-фантастическую литературу, как сказано в авторитетной «Энциклопедии научной фантастики», вышедшей в 1979 году под редакцией Питера Никколса, «обратно пропорционально незначительному количеству выпущенных им книг».

Если быть точными, то выпустил он их всего *три* — роман и пара сборников. По американским стандартам это все равно что ничего. Как согласно закивают головами издатели, критики, литагенты, при *такой* продуктивности в Америке себе имя не сделаешь. По крайней мере, в фантастике, где даже маститые авторы постоянно и целеустремленно должны *напомнить о себе...*

А Уолтер Миллер сделал. Наперекор законам рынка.

И сделал имя всего за 6 лет! В 1951 году появился его первый рассказ, «Секрет храма Смерти», а после 1957, когда в журнале вышла третья, заключительная часть романа (в принципе для того, чтобы сделать имя, хватило бы его одного), писатель надолго, совсем *не по-американски* замолчал. Вышли лишь два сборника ранее написанного, «По всем кондициям — человек» и «Взгляд со звезд»; да была издана отдельной книгой «Песнь для Лейбовица». Последнее событие случилось в 1959 году — и уже в следующем читатели признали роман Миллера *лучшим* за прошедший год, наградив премией «Хьюго» (с тех пор книга выдержала десятки изданий).

Кроме романа, Уолтер Миллер опубликовал еще около сорока рассказов и коротких повестей, одна из них также награждена премией «Хьюго». Его произведения в целом были хорошо встречены американскими любителями фантастики конца пятидесятых: в то время фокус интереса переместился с галактических приключений, путешествий во времени и «моральных терзаний» роботов — на *человека*. А Уолтер Миллер никогда ни о чем (ни о ком) другом не писал.

И все-таки он легко *затерялся* бы в водопаде новейшей фантастики, если бы не «Песнь для Лейбовица».

Этот роман может понравиться, а может и оттолкнуть своей жестокой и одновременно сострадающей *правдой* о человечестве (странное слово для характеристики произведения фантастики, верно?). Но представить себе эту литературу в XX веке без книги Миллера,— подтвердит вам любой мало-мальский авторитетный критик,— просто невозможно.

Не стану выписывать их комплиментарных оценок. Мне представляется *более объективным* подход известного писателя-фантаста Джека Уильямсона (уже разменяв *шестой десяток*, он стал по совокупности и критиком, защитив диссертацию на тему *преподавания научной фантастики в американской высшей школе!*).

А сделал Уильямсон вот что. Исследовав внимательно семьдесят семь университетских курсов по фантастике (дело было в 1974 году), он выписал те книги, которые чаще всего попадались в списках «обязательного чтения». (Напомню, что в Америке нет ничего похожего на *утвержденные программы*, каждый профессор волен строить свой курс, как ему заблагорассудится. Последнее обстоятельство лично меня, воспитанного в иных представлениях, чрезвычайно травмировало на протяжении всего семестра, когда я преподавал в американском университете — тяжело жить без *догляда...*) Эксперимент был, что называется, «чистым», ибо профессора не сговаривались и списки никак не коррелировали.

В результате...— вы уже догадались? — абсолютное первое место «завоевал» роман Уолтера Миллера! Его включили в программу курса двадцать три преподавателя. Для сравнения приведу имена некоторых других «призеров»: Роберт Хайнлайн, «Чужак в чужой стране» (21), Герберт Уэллс, «Война миров» (18), Фредерик Пол и Сирил Корнблат, «Торговцы космосом» (наш читатель знает это произведение под другим названием — «Операция «Венера») (17), Фрэнк Херберт, «Дюна» (16), Олдос Хаксли, «Дивный новый мир», и Урсула Ле Гуин, «Левая рука Тьмы» (по 15) — и так далее...

Это все, что я хотел сказать о личности писателя и месте его романа в американской фантастике. Свое же собственное мнение о книге вы составите сами. (Две последующие части лишь развивают и углубляют то, что намечено в первой.)

Однако на одном моменте я бы хотел остановиться, предваряя ваше чтение. Мысли, разумеется, субъективные, но это одна из привилегий автора «вреза» — высказать их.

Это безусловно произведение *религиозное*. Говоря так, я вовсе не имею в виду антураж и героев, но скорее *внутреннее чувство*, настроение и неистребимую веру автора в некие высшие ценности. Веру *слепую*, инстинктивную, несмотря ни на что — несмотря даже на ужасную, обескураживающую правду (относительно того, как человек следует этим ценностям...), которую *художник* Миллер не может отбросить, как наваждение.

И вот столкновение религиозной веры и объективного знания (а научная фантастика, по крайней мере в лучших своих образцах, остается для меня литературой беспощадно трезвой, иконоборческой),— на мой взгляд, как раз самое интересное в этом романе.

Почему автор так, я бы сказал, *болезненно* привязан к человеку, сострадает ему, хотя порой и ненавидит — за упрямство, эгоизм, монотонное циклическое повторение одних и тех же ошибок, «сциентистскую» гордыню...— так вот, откуда в писателе эта гипертрофированная *человечность*,— читателю-верующему ясно без лишних слов. Конечно, она — производное от глубокой искренней веры *автора* (вопрос о конфессии отпадает сам собой, стоит только прочитать «Песнь для Лейбовица»: кажется, во время оно римско-католическая церковь благодарно приобщала к лику святых и *за меньшее...*). И разумеется, при желании его роман без труда читается как «Gloria!» христианской вере и ее неусыпным старателям на Земле.

Но откуда же тогда легко уловимая в романе *ирония*? Грустный сарказм и беспощадная трезвость (ведь деятельность малограмотных монахов по сохранению «культуры прошлого» — как *они ее понимают*! — порой вызывает ухмылку и даже раздражение у читателя, особенно неверующего) как-то менее всего уживается в моем сознании (я-то как раз отношусь к последним) с религиозной проповедью, с торжественной осанкой и благоговением.

Думаю, все дело в том симбиозе, на который я уже намекнул. Это *и* религиозная проповедь, *и* научная фантастика — а не «проповедь *вместо* фантастики», чего мы в последнее время тоже начитались изрядно. Автора «подводит» искренность. Он просто не считает для себя возможным играть с читателем; да и особое таинство *литературы* порой выкидывает такие фортели с пишущими, что не они оказываются *верующими*, а их герои, образы, характеры. В данном случае мы имеем дело с несомненной *литературой*, и уж так *она* пожелала, чтобы автор, хотел он того или нет, органически перевел свою торжественную мессу, свое «славься» — в не менее величавый, пронзительно-трагический Requiem...

Другое дело, что ему от этого легче не стало.

Можно прочитать этот роман как апологию религии — единственного оплота знания и культуры в темное, смутное время «после Бомбы». Но почему же тогда, несмотря на все тщание и бескорыстное служение Знанию, дело монахов Ордена Святого Лейбовица все-таки безнадежно проиграно — *с самого начала*? Почему у Святого Престола *не вышло* и на этот раз? Как, в сущности, не выходило *никогда*, несмотря на все претензии быть хранителем знания и культуры... Может быть, все дело в том, что знание и культуру не спасешь конкретными предписаниями, содержащимися в *написанных людьми* документах, будь то папские буллы или даже те первокниги мировых религий, что верующими признаны священными...

А что же, что спасет? Ясно, что во всяком случае — не *одно* какое-нибудь лекарство, не панацея. Прочитав роман, написанный религиозным человеком, с особой остротой ощущаешь, что и *не религия*... Во всяком случае, каков бы ни был ответ (а если б я, не признающий те книги священными, знал его, то оставалось бы, вероятно, умереть от счастья!), роман Уолтера Миллера заставляет задуматься над всем этим. Как минимум — отрешиться еще от одной иллюзии, химеры, столь модной в наши «неолуддитские» времена.

...Классический музыкальный реквием обязательно состоит из нескольких функциональных частей. Это канон, хотя и допускающий некоторую свободу перестановок. Традиционно где-то в середине мессы композитор помещает самую пронзительную и щемящую часть — «Lacrimosa», «Слезную»; она обычно следует после того, как отзвучал мощный «Dies Irae» — «Судный День» — в преддверии финальной части «Lux Aeterna», «Вечный Свет».

Lacrimosa американского писателя — это плач по павшему человечеству. Это слезная молитва о прощении его грехов, сострадание к нему и робко высказанная надежда на пришествие света. Но это еще и трагическое осознание того, что все в нашем мире взаимосвязанно, и свет может явиться в образе Люцифера.

Если закрывать на это глаза — обязательно явится.

Печатается с небольшими сокращениями.

Вл. ГАКОВ

Иллюстрация Е. Силиной.

У. Миллер

Песнь для Лейбовица

Роман

Часть 1
Да будет Человек (Fiat Homo)

1

Брат Френсис Джерард из Юты так, вероятно, никогда бы и не обиаружил благословенные бумаги, если бы не паломник с опоясанными чреслами, появившийся в пустыне, когда юный послушник говел на Великий пост.

Брату Фреисису никогда прежде ие доводилось видеть иастоящего паломника с опоясаниымн чреслами, но в подлииности пришельца усомниться он и ие подумал — во всяком случае, когда пришел в себя после того, как заметил иа горизонте, в знойном мареве движущуюся точку и ощутил леденящий ужас. Точка превратилась в безногую, с крошечной головкой буквицу «йота», неизвестио откуда взявшуюся на залитой слепящим солицем разбитой дороге. Казалось, «йота» приближается не шагом, а какими-то рывками, и брат Френсис, вцепившись в крестик на своих четках, прочел «*Ave*», а потом и еще раз «йота», вернее всего, была мелким порождением демонов зноя, истязавших землю а разгар полудня, когда все обитатели пустыни (кроме ястребов-каиюков да иескольких отшельников вроде Френсиса) затаились без движения в своих норах или попрятались от свирепого солнца под камнями. Лишь тварь чудовищная, противоестественная, либо же лишенная всякого разумения, могла направиться куда-то в полуденный час.

Брат Френсис поспешно помолился еще и Святому Раулю Циклопейскому, покровителю выродков, дабы святой уберег его от своих злосчастных подопечиых. (Ибо кто же не знает, что земля ныне населена чудищами? Все живорожденное по аакону, устаиовленному церковью и природой, должно было жить, и проиаведшие живое существо на свет обязаны были взрастить его. Закону этому повиновались ие всегда, однако достаточно часто, чтобы там и сям разаелись всякие чуднща, нередко избираашне для своих скитаний отдаленнейшие уголки,— они кружили по ночам в прериях, вокруг костров, разожженных путниками.) Но в конце концов «йота» выбралась из марева на чистый воздух, и стало видио, что это паломник; брат Френсис пробормотал «аминь» и выпустил из пальцев крестик.

Паломник оказался длинным, тощим стариком, обросшим косматой бородой, с посохом в руке, в плетеной из прутьев шляпе и с перекинутым через плечо бурдюком. Ои так смачно чавкал и отплевывался, что никак не мог быть виденнем; а для удачливого разбойника или людоеда старик был слишком щупл, да к тому же еще и хром. И все же Фреисис предпочел затаиться, он спрятался за грудой камней, откуда мог наблюдать за паломником, оставаясь незамеченным. Встреча двух иезнакомцев в пустыне была происшествием нечастым, вызывавшим подозренне у обоих — и тот и другой изготавливались к любому повороту событий, к дружбе и к войне.

Миряне или страинники проходилн по этой древией дороге мимо аббатства раза три в год, не чаще, хоть моиастырь и располагался в оазнсе — ииаче монахи просто ие смогли бы здесь выжить. Аббатство могло бы стать пристанищем, гостиницей для путников, да только дорога эта вела ниоткуда и в иикуда, как говорили в те времена. Возможно, в прежние века оиа соединяла Великое Соленое Озеро с древним Эль-Пасо; к югу от монастыря дорога пересекала такую же ленту потрескавшегося камня, тянувшуюся с востока на запад. Перекресток совсем обветшал, но не от ног страиствующих — от времени.

Паломник был уже совсем близко, одиако послушник не спешил покинуть свое убежище. Чресла путника были опоясаны куском грязной мешковины. Больше на нем ничего и не было, если не считать шляпы и сандалий. Он шагал, размеренио прихрамывая, наступая на больную ногу, опирался на тяжелый посох. Походка паломника была ритмична, как у того, кто пришел нздалека н идти намерен еще долго. Однако, дойдя до раавалин, он остановился и осмотрелся по сторонам.

Фреисис пригнулся поннже.

Тени на холмах, где когда-то стояли дома, не было, одиако кое-где валялись большие камнн, способные дать приют и прохладу путнику, умеющему жить в пустыие. Паломник оказался именно таким. Ои огляделся вокруг, подыскивая подходящую глыбу. Брат Френсис с одобрением отметил, что старик не стал опрометчиво упираться в камень плечом, а с безопасного расстояния вытянул вперед свой посох, засунул его под глыбу и, подложив сиизу камень поменьше, слегка приподнял глыбу этим импровизированиым рычагом. Потом подождал, пока выползет неминуемая шипящая гадина, бесстрастно убил ее посохом и отшвыриул еще извивающийся труп в стороиу. Избавившись от предыдущего обитателя прохладного места, путник, как водится, пе-

перевернул глыбу, чтобы иасладиться прикосновением нижней холодной поверхности камня. Затем он задрал набедренную повязку, сел тощими ягодицами на прохладный камень, сбросил сандалии и прижался подошвами к холодному песку, оставшемуся на месте перевернутого камня. Освежившись таким образом, он пошевелил пальцами ног, беззубо осклабился и замурлыкал какую-то песенку. Потом он вполголоса запел что-то вроде псалма на языке, которого послушник не знал. Брат Френсис беспокойно переменил позу, устав сидеть согнувшись.

Продолжая петь, паломник достал сухарь и кусок сыра. Он умолк и, встав на мгновение, выкрикнул на местном наречии: «Будь благословен Адоной Элохим, Царь всего сущего, дающий хлебу произрастать из земли»; его гнусавый крик сильно смахивал на мычание. Потом старик снова сел и начал есть.

Этот странник уже давно в пути, подумал брат Френсис, ибо сам он не знал по соседству государств, управляемых правителем с таким незнакомым именем и такими странными притязаниями. Старик совершает паломничество в покаянии, предположил брат Френсис,— может быть, к «святилищу» в монастыре, хотя «святилище» еще не было официально признано, и даже сам «святой» таковым еще не считался. И все же брат Френсис решил, что по-другому не объяснить появление старого паломника на этой дороге, ведущей в никуда.

Путник жевал хлеб и сыр, не спеша; и по мере того, как тревога послушника стихала, ему все труднее было сохранять неподвижность. Обет молчания во время поста не дозволял ему разговаривать со стариком; а если он оставит свое убежище за камнями прежде, чем уйдет старик, тот, конечно, увидит или услышит послушника. Уходить же отсюда до окончания поста юноше запрещалось.

Все еще слегка колеблясь, брат Френсис громко откашлялся и выпрямился.

Хлеб и сыр выпали из рук паломника. Старик схватил свой посох и вскочил.

— Ты чего это подкрадываешься!

Он угрожающе замахнулся посохом на фигуру в капюшоне, поднявшуюся из-за груды камней. Брат Френсис заметил, что на толстом конце посоха был шип. Послушник в высшей степени учтиво поклонился, но это не произвело на незнакомца никакого впечатления.

— Оставайся там, где стоишь! — каркнул он.— Не подходи, урод! У меня для тебя ничего нет кроме сыра, вот, возьми. Может, тебе нужно мое мясо, так у меня лишь кожа да кости, но без боя я их не отдам. Уходи! Уходи отсюда!

— Подожди...

Послушник запнулся. Милосердие или хотя бы простая вежливость допускали нарушение обета, если этого требовали обстоятельства; но всякий раз, когда приходилось принимать подобные решения, брат Френсис нервничал.

— Я не урод, добрый простак,— продолжал юноша, употребив вежливое обращение. Он откинул капюшон, чтобы видно было его монашескую стрижку, и протянул свои четки.— Ты знаешь, что это?

Паломник, как приготовившаяся к прыжку кошка, несколько мгновений изучающе смотрел на обожженное солнцем юное лицо послушника. Ошибку старика можно было понять.

Нелепые создания, рыскавшие по пустыням, часто надевали капюшоны, маски или широкие одежды, чтобы скрыть свое уродство. Среди них встречались уроды не только физические, были и такие, что считали путешественников подходящим средством пропитания.

После быстрого и внимательного осмотра паломник распрямился.

— А... Ты из этих.— Он стоял, опираясь на посох, и хмурился.

— Это вон там что, Монастырь Лейбовица? — спросил он, указывая на тесную кучку домов, темневшую далеко на юге.

Брат Френсис вежливо поклонился и утвердительно кивнул.

— Что ты делаешь в этих развалинах?

Юноша подобрал среди камней кусочек мела. Маловероятно, что старик грамотный, но брат Френсис решил попробовать. Простонародные диалекты не имели ни алфавита, ни орфографии, поэтому он нацарапал на плоском большом камне латинские слова: «Послушание. Уединение. Молчание» и затем пониже написал эти слова на древнеанглийском. И несмотря на большое желание поговорить с кем-нибудь, послушник все же надеялся, что старик поймет надпись и оставит его в одиночестве накануне завершения поста.

Старик криво усмехнулся, взглянув на надпись. Его смех больше был похож на блеяние.

— Хе-хе, все еще пишете шиворот-навыворот,— сказал он. Но если он и понял слова, то не удосужился принять их к сведению. Старик отложил посох, снова сел на камень, подобрал с песка хлеб и сыр и стал счищать с них грязь. Френсис облизнул губы и отвернулся. С тех пор, как начался Великий пост, юноша не ел ничего, кроме кактусов да горсточки высохших зерен; когда дело касалось испытаний, предписанных послушнику, правила поста и воздержания были весьма строги.

Заметив эти переживания, паломник отломил хлеба и сыра и предложил их брату Френсису. И хотя организм юноши страдал от недостатка влаги, его рот мгновенно наполнился слюной. Глаза не могли оторваться от руки, протягивающей пищу. Вселенная сузилась; в самом ее центре царило чудное лакомство: грубого помола хлеб и сыр с налипшими песчинками. Дьявол, вселившийся в послушника, сделал шаг правой ногой, затем левой, дьявол завладел рукой, и юноша прикоснулся к руке паломника. Пальцы ощутили хлеб, они как бы даже попробовали его на вкус. Невольная дрожь пробежала по изнуренному телу. Послушник закрыл глаза и увидел, как отец настоятель свирепо смотрит на него и взмахивает хлыстом из бычьей кожи.

— Изыди, сатана! — прошипел он, отпрыгнув назад и бросив еду. Потом внезапно окропил старика святой водой из крошечного пузырька, спрятанного в рукаве. Перегревшийся на солнце мозг послушника в этот момент не делал различия между старым паломником и Лукавым.

Эта неожиданная атака на силы Зла и Искусительства не имела немедленных сверхъестественных последствий, но несверхъестественные результаты не замедлили сказаться. Паломник Вельзевул не превратился в облако серного дыма, но зато зарычал, побагровел и с диким воплем бросился на Френсиса. Френсис побежал прочь, но запутался в складках туники; и удар посоха с шипом не достиг послушника только потому, что враг его забыл надеть сандалии. Атака хромого старика закончилась неудачным прыжком. Казалось, он вдруг вспомнил о раскаленных камнях, куда ступали его босые ноги, он остановился в раздумье. Когда брат Френсис оглянулся, то увидел, что паломник на цыпочках скачет назад, в прохладу.

Он наблюдал, как юноша высматривал подходящие камни, руками замерял их, браковал один и тщательно выискивал другой и, спотыкаясь, волочил за собой. Он протащил один камень несколько шагов и вдруг присел, уронив голову на колени, явно стараясь не потерять сознание. Он некоторое время посидел задыхаясь, потом снова встал и покатил камень к месту постройки. Он продолжал и продолжал свою работу, и паломник смотрел уже не со злостью, а с изумлением.

Пылающее солнце посылало свое полуденное проклятие выжженной земле и предавало анафеме любую влагу. Френсис трудился, не обращая внимания на жару.

Путешественник запил водой из бурдюка свою трапезу, надел сандалии, встал ворча и заковылял меж развалин — посмотреть, что там строится. Заметив это, брат Френсис отбежал на безопасное расстояние. Старик шутливо замахнулся на него своим посохом с шипом, но, казалось, его больше занимает постройка, чем мысль о мести. Он начал осматривать убежище юноши.

Там, где кончались развалины, брат Френсис прорыл неглубокую канаву, пользуясь палкой вместо мотыги и руками — вместо лопаты. В первый день поста он прикрыл канаву сверху колючками и так защитил себя от волков ночью. Но время шло, и постепенно ночные волчьи вылазки становились все более наглыми; когда потухал костер, хищники подбирались к самому укрытию.

Сначала Френсис попытался отбить у них охоту подходить к его укрытию тем, что еще гуще навалил колючек над канавой и окружил ее плотным кольцом из камней. Но прошлой ночью какой-то зверь прыгнул прямо на колючки и завыл; Френсис все это время дрожал на дне канавы. Поэтому он решил укрепить свое убежище и, используя камни, положенные им вдоль канавы в качестве фундамента, начал возводить стену. Чем выше становилась стена, тем больше она прогибалась вовнутрь; но поскольку ниша была грубой овальной формы, каждый новый слой камней придавливал предыдущий, и поэтому конструкция не разваливалась. Брат Френсис надеялся, что если он правильно подберет камни, то сможет закончить купол. В результате над норой послушника как символ его старания, опровергая все законы гравитации, возвышалась арка, лишенная опоры. Брат Френсис взвизгнул по-щенячьи, когда паломник постучал посохом по арке. Пока старик исследовал постройку, послушник подошел ближе, беспокоясь за свое убежище. В ответ на его визг старик взмахнул посохом и кровожадно зарычал. Брат Френсис тут же споткнулся о край туники и упал на песок. Старик хихикнул.

— Ага. Тебе нужен камень такой формы, чтобы прикрыть эту дырку,— сказал он и провел посохом по верхнему слою камней, где оставалось незакрытое отверстие.

Юноша кивнул и отвернулся. Он все еще молча сидел на песке, опустив глаза,— хотел дать понять старику, что не может разговаривать с ним, вообще ни с кем во время своего поста. Послушник начал писать на песке сухой веткой: «Не вовлекай нас во искушение».

— Я же не предлагаю тебе превратить эти камни в хлеб, так ведь? — сердито сказал старый паломник.

Брат Френсис кинул на него быстрый взгляд. О! Так значит, странник умел читать и даже знал Писание. Кроме того, его слова показывали, что старик прекрасно понял и попытку окропить его святой водой, и почему послушник находится здесь. Сообразив, что паломник дразнит его, брат Френсис снова потупился и стал ждать.

— Ага. Значит, тебя нужно оставить одного, так? Ну что ж, тогда я пойду себе дальше. Скажи-ка, твои братья в монастыре дадут старому человеку отдохнуть немного в тени?

Брат Френсис кивнул.

— Они также накормят и напоят тебя,— мягко добавил он из милосердия.

Паломник хихикнул.

— За это я найду тебе подходящий камень, прежде чем уйду. Бог с тобой.

«Нет, не нужно»,— хотел крикнуть брат Френсис, но промолчал. Он смотрел, как старик медленно заковылял прочь. Паломник блуждал туда-сюда среди каменных груд.

А брат Френсис пока отдыхал. Он молился, чтобы к нему вернулась душевная умиротворенность — ведь именно ради нее он постился в этой пустыне,— чистый пергамент духа, на котором в уединенной пустыне проступят слова Божьего призыва, если, конечно, Неизмеримое Одиночество,

имя которому Бог, протянет свою руку, дабы коснуться одиночества человеческого и призвать его. Малая книга, которую дал ему в прошлое воскресенье приор Чероки, служила руководством в его размышлениях. Она была очень древняя и называлась «Сочинение Лейбовица», хотя авторство приписывалось самому Блаженному лишь по старой недостоверной традиции.

«...О Господь мой! Как мало любил я Тебя во времена юности моей, посему скорблю я чрезмерно в зрелые лета мои. Тщетно бежал я от Тебя в те дни...»

— Эй, где ты там! — раздался крик откуда-то из-за камней.

Брат Френсис поднял глаза, но паломника нигде не было видно. Юноша снова уткнулся в книгу.

«Отвергал тебя и был дерзок, уповал лишь на ученость, в нее лишь веря, то есть почитал видимую оболочку...»

— Эй, парень! — снова услышал Френсис.— Я нашел тебе камень. То, что надо.

На этот раз Френсис заметил мельком, что старик стоит на груде камней и зовет его, взмахивая посохом. Вздохнув, послушник вернулся к своему чтению.

«О непостижимый Исследователь сущего, к кому повернуты все сердца, если призовешь меня, к тебе устремлюсь. Если же сочтешь меня недостойным призвания...»

Из-за груды камней донеслось уже с раздражением:

— Ну ладно, как хочешь. Камень я тебе помечу, а там гляди сам...

— Спасибо,— со вздохом произнес послушник, но он не был уверен, что старик услышал.

А юноша продирался дальше сквозь текст: «Избави меня, Господи, от грехов моих, дабы в сердце моем жаждал я лишь воли Твоей и услышал...» (*лат.*)

— Вот здесь,— прокричал старик,— ты увидишь отметину! И может быть, скоро ты обретешь голос, мальчик. Олла аллай!

Вскоре после этого брат Френсис поднял взгляд и увидел, что странник медленно тащится по дороге, ведущей к монастырю. Послушник прошептал коротенькую молитву за благополучное странствие.

Вновь обретя душевную умиротворенность, брат Френсис положил книгу обратно в нору и кое-как продолжал свою постройку, даже не потрудившись посмотреть, что там для него отыскал старик. И пока истощенное тело шаталось, напрягаясь под тяжестью камней, мозг машинально повторял моление о призвании.

«Избави меня, Господи, от грехов моих, дабы в сердце моем жаждал я лишь воли Твоей и услышал зов Твой, если воспоследует он. Аминь».

«Избави меня, Господи, от грехов моих, дабы в сердце моем...»

Кучевые облака с гор, обещая одарить жестокую высушенную пустыню благословенной влагой, начали заслонять солнце, и темные тени пролегли через мозолистую землю, обещая короткий, но блаженный отдых от испепеляющего солнца. Когда тень нависала над развалинами, послушник работал быстрее; когда же тень уходила, он отдыхал, ожидая, пока следующее стадо белых барашков заслонит солнце.

Камень, помеченный паломником, брат Френсис обнаружил совершенно случайно. Бродя неподалеку, он споткнулся о колышек, который старик вбил в землю в качестве отметины. Послушник упал на четвереньки и уткнулся взглядом прямо в написанную мелом свежую надпись на древнем камне.

Закорючки были тщательно выписаны, и брат Френсис сразу же предположил, что это какие-то символы, но с минуту поломав над ними голову, так и остался в неведении. Может, это заклинание? Но нет, старик сказал «Бог с тобой», а колдун такого не произнес бы. Послушник очистил камень от сора и сдвинул с места. Сразу же груда камней слабо заурчала изнутри и сверху скатился небольшой булыжник. Френсис отпрыгнул, опасаясь внезапного обвала, но тревога была напрасной. Однако на том месте, где лежал камень со стариковой отметиной, теперь появилась маленькая дыра.

Дыры часто бывали обитаемы. Но эта, казалось, была так плотно заткнута тем камнем, что даже блоха едва ли смогла бы залезть внутрь, прежде чем Френсис отодвинул камень. Тем не менее он подобрал палку и осторожно сунул ее в отверстие. Палка не наткнулась ни на какое препятствие. Когда юноша опустил палку, она скользнула в дыру и исчезла в подземном пространстве. Он нервно ждал. Наружу никто не выполз.

Послушник снова встал на колени перед норой и осторожно принюхался. Не учуяв ни запаха животного, ни даже намека на серу, Френсис взял горсть щебня, бросил камешки в нору и склонился над ней. Он услышал, как камешки несколько раз стукнулись обо что-то совсем близко, потом ниже, ударились о металл и наконец затихли глубоко внизу. Эхо говорило о том, что под землей пещера.

Брат Френсис неуверенно поднялся на ноги и огляделся. Как и прежде, он был один, если не считать стервятника, который, паря в высоте, с некоторых пор наблюдал за юношей с таким интересом, что другие ястребы слетались с горизонта на разведку.

Френсис решил заткнуть нору стариковым камнем, как раньше; но соседние камни слегка сдвинулись, и вернуть все в прежнее положение было уже нельзя. Кроме того, дыра в верхнем слое убежища оставалась незакрытой, и паломник был прав: этот камень и по форме, и по размерам подходил идеально. После недолгих сомнений Френсис поднял камень и поволок к своей постройке.

Камень пришелся в самый раз. Френсис, чтобы проверить пнул стену ногой, но постройка держалась прочно, хотя от удара осыпалось несколько камешков внизу. Значки, которыми старик пометил камень, немного стерлись от перетаскивания, однако

были достаточно видны, чтобы их списать. Послушник тщательно перерисовал их на другой камень, пользуясь обугленной на конце палочкой. Приор Чероки скоро будет совершать свой воскресный объезд удалившихся в пустыню; возможно, священник сможет объяснить, что означают эти письмена — заклинание или проклятие. Бояться языческого колдовства запрещалось, но послушнику, по крайней мере, было любопытно, что за знаки написаны прямо над тем местом, где он спит,— все же камень весил порядком.

Юноша продолжал трудиться под палящим послеполуденным солнцем. А в голове сидела мысль о той норе[1] — манящей и устрашающей маленькой дыре и о том, как гравий со слабым эхом стукнулся обо что-то далеко внизу. Френсис знал, что развалины эти были очень старыми. Он знал также из рассказов, что руины постепенно превратились в груды камней после того, как целые поколения монахов и случайных странников искали кто камень, кто куски ржавой стали — люди разбивали большие колонны и плиты и извлекали оттуда древние полоски этого металла, таинственным образом помещенного в камень строителями эпохи, о которой уже забыл мир. Человеческие руки уничтожили почти всякое сходство этих руин со зданиями, высившимися здесь когда-то; хотя нынешний монастырский главный каменщик гордился своей способностью распознавать и указывать контуры былых архитектурных строений. И кое-где еще можно было найти металл, пробившийся сквозь толщу камня.

Сам монастырь тоже был построен из этих камней. То, что среди этих развалин после стольких веков можно было обнаружить что-нибудь интересное, Френсис считал нелепой фантазией. Да и не слышал он никогда даже упоминания о подвале или подземелье. Сейчас послушник вспомнил, что главный каменщик особенно подчеркивал: располагавшиеся здесь здания были построены наспех,— они не имели глубокого фундамента и размещались по большей части на плоских плитах.

Завершив постройку своего убежища, брат Френсис отважился снова подойти к дыре и заглянул внутрь: как житель пустыни он не мог поверить, что некое место, где можно спрятаться от солнца, еще не занято кем-то другим. Даже если нора и необитаема, кто-нибудь непременно заползет в нее еще до завтрашнего рассвета. С другой стороны, решил юноша, если в норе кто-то и живет, то лучше познакомиться с ним не ночью, а днем. Поблизости не было видно ничьих следов, кроме его собственных, паломника и следов волков.

С внезапной решимостью послушник начал очищать дыру от песка и мелкого щебня. Через полчаса работы дыра не стала больше, но возросла его убежденность в том, что это вход в подземелье. Два небольших полузакрытых валуна, примыкающих к отверстию, были притиснуты один к другому,— казалось, ими заткнули бутылочное горлышко. Стоило Френсису приподнять один камень, как другой тут же скатывался на его место. Еще хуже было, когда Френсис пытался протолкнуть камни внутрь. Но он продолжал свои попытки.

Внезапно палка, которой юноша пользовался как рычагом, выскочила у него из рук от рывка, стукнула его по голове и исчезла в провале. От резкого удара Френсис упал и покатился. Осыпающиеся камни били его по спине, а он лежал задыхаясь и не мог понять, свалился он в дыру или нет. Наконец он ощутил под собой твердую землю и припал к ней. Рев обвала был оглушающим, но коротким.

Ослепший от пыли, Френсис лежал, ловя ртом воздух, и думал, сможет ли он сдвинуться с места — боль в спине была очень сильной. Немного отдышавшись, он с трудом просунул руку под рясу и пощупал, не переломаны ли ребра. В том месте сильно болело. Вынув руку, Френсис увидел, что пальцы влажные и красные. Он дернулся, но, застонав, остался в прежнем положении.

Раздался мягкий звук хлопающих крыльев. Брат Френсис открыл глаза как раз вовремя — он увидел, как стервятник приготовился приземлиться на груду камней недалеко от юноши. Птица тут же снова взлетела, но Френсису показалось, что она наблюдала за ним почти с материнской заботой, как беспокойная наседка. Он быстро огляделся. В небе собралось целое полчище черных птиц, и они кружили удивительно низко. Стоило юноше шевельнуться, как они взмыли выше. Вдруг, забыв о том, что у него может быть сломан позвоночник или ребро, Френсис вскочил на ноги.

Пыльный столб, поднявшийся из дыры, унесся прочь, гонимый ветром. Послушник надеялся, что кто-нибудь увидит этот столб пыли с монастырской дозорной башни и придет узнать, в чем дело. У его ног в земле зияла дыра, в которую провалилась часть камней. Вниз вела лестница, но лишь верхние ее ступеньки не были погребены под обвалом, который, начавшись шесть веков назад, сейчас — с помощью брата Френсиса — завершился с таким грохотом и ревом.

На стене виднелась до половины засыпанная надпись. Собрав воедино свои скудные познания в древнем английском, послушник с запинкой шепотом прочитал: «Радиационное убежище. Максимальное число людей — 15. Запас продовольствия на 180 дней для одного человека. Войдя в убежище, удостоверьтесь, что первая дверь надежно заперта и герметизирована, что подключено защитное устройство против вторжения лиц, получивших дозу облучения. Убедитесь, что с внешней стороны зажглись предупредительные огни...»

Остальное было скрыто под камнями, но первого слова для Френсиса оказалось достаточно. Он никогда не видел «радиации» и надеялся, что и впредь не увидит. Подробного описания этого чудовища не сохра-

нилось, но юноша слышал когда-то легенды. Он перекрестился и попятился от дыры. Предание гласило, что сам Блаженный Лейбовиц столкнулся с Радиацией и был одержим ею много месяцев, до тех пор, пока не совершил обряд крещения и не изгнал дьявола.

Брат Френсис представлял себе Радиацию наполовину Саламандрой потому, что согласно легенде, она родилась в Огненном Потопе, и наполовину демоном, оскверняющим сияющих дев, ибо разве не называли всяких уродов «детьми Радиации»? То, что демон этот способен обрушить на человека все несчастья, постигшие Иова, было фактом установленным, не подлежащим сомнению.

Послушник в растерянности вглядывался в надпись. Смысл ее был достаточно ясен. Френсис нечаянно вломился в жилище (он молился, чтобы оно оказалось пустым) не одного, а целых пятнадцати ужасных существ! Он схватился за пузырек со святой водой.

2

От вкушения плотского,
О Господи, избави нас.
От молнии и бури,
О Господи, избави нас.
От трясения земного,
О Господи, избави нас.
От чумы, голода и войны,
О Господи, избави нас.
От выжженной земли,
О Господи, избави нас.
От кобальтовых дождей,
О Господи, избави нас...

Такие стихи из Литании Святых с придыханием шептал брат Френсис и осторожно спускался по лестнице древнего радиационного убежища, вооруженный лишь святой водой да самодельным факелом, зажженным от тлеющих углей вчерашнего костра. Юноша более часа ждал, что кто-нибудь из монастыря придет узнать, почему взвился столб пыли. Никто не пришел.

Покинуть, даже ненадолго, место своего бдения, не будучи серьезно больным или не получив специального приказания вернуться в монастырь, считалось фактически отказом от притязаний стать монахом Альбертинского ордена Лейбовица. Для брата Френсиса лучше было умереть. Таким образом, он стоял перед выбором: или осмотреть эту жуткую дыру до захода солнца, или провести ночь, не зная, кто может в темноте прокрасться в подземелье. Из ночных напастей с него вполне хватало волков, а волки все же были просто-напросто существами из плоти и крови. С тварями же более эфемерными юноша предпочитал встретиться при свете дня; хотя дневной свет слабо проникал в дыру — солнце уже клонилось к западу.

Обломки, упавшие в яму, образовали горку, вершина которой приходилась возле верхней ступени лестницы, и между камнями и потолком осталась только узкая щель. Френсис пролез туда ногами вперед и обнаружил, что и дальше вынужден продвигаться тем же образом, так как склон был слишком обрывистый. Итак, повернувшись спиной к неведомому, в непрочной груде разбитых камней он нащупывал место, куда поставить ногу, и постепенно спускался вниз. Время от времени, когда факел начинал гаснуть, послушник останавливался и давал пламени возможность разгореться. В эти минуты он старался определить степень опасности вверху и внизу. Почти ничего не было видно. Френсис находился в подземном помещении, но по меньшей мере треть его была завалена обломками, упавшими в дыру. Каскад камней обрушился на пол, разломал на куски мебель, а остальную, вероятно, засыпал совсем. Френсис увидел полузаваленные камнями сломанные металлические шкафы, лежавшие на боку. В дальнем конце комнаты находилась металлическая дверь, открывающаяся вовне и прочно заблокированная обломками. На облупившейся краске двери виднелась трафаретная надпись: «Внутренний люк. Герметичная среда».

Очевидно, комната, в которую он спустился, была только вестибюлем. Но что бы ни находилось за «внутренним люком», оно было завалено несколькими тоннами камней. «Среда» действительно была «герметизирована», если только здесь не имелось другого выхода.

Спустившись с груды камней и удостоверившись, что в вестибюле не таилось никакой опасности, послушник осторожно обследовал металлическую дверь при свете факела. Под трафаретными буквами «Внутренний люк» виднелась покрытая ржавчиной надпись помельче: «Предупреждение. Не герметизировать люк до тех пор, пока весь личный состав не окажется внутри, а также пока не осуществлена полностью и в установленном порядке система мер безопасности, предусмотренная «Технической инструкцией СД-ВИ-83-А». После герметизации воздух внутри убежища будет сжат до уровня на 2,0 Па, превышающего барометрический уровень окружающей среды, чтобы минимизировать внутреннюю диффузию. После герметизации люк автоматически открывается сервомониторной системой лишь в случае наличия одного из следующих условий: 1) уровень радиоактивности внешней среды опустился ниже допустимого; 2) отказала система очистки воды и воздуха; 3) иссяк запас продовольствия; 4) отказал внутренний источник питания. Более подробные инструкции см. в СД-ВИ-83А».

Это «Предупреждение» немного смутило брата Френсиса, но он надеялся избежать опасности, вовсе не прикасаясь к двери. С таинственными изобретениями древних лучше было не шутить — это могли подтвердить своим последним вздохом многие незадачливые любители покопаться в развалинах.

Брат Френсис заметил, что обломки, пролежавшие несколько веков под землей, были темнее по цвету и грубее на ощупь, чем те, которые жарились на солнце и обдувались песчаными ветрами до сегодняшнего дня. При взгляде на камни было понятно, что «Внутренний люк» засыпан не сегодня — обвал произошел очень давно, даже раньше, чем построили монастырь Лейбовица.

Если в «герметичной среде» и таилась Радиация, то демон этот не открывал «внутреннего люка» со времен Огненного Потопа, еще до Опрощения. И если Радиация находилась за железной дверью так долго, то не было оснований, сказал себе Френсис, бояться, что она выскочит оттуда до Христова Воскресения.

Факел начал гаснуть. Френсис нашел отбитую ножку от стула и зажег ее от слабеющего пламени; потом собрал обломки разбитой мебели и соорудил из них основательный костер, не переставая размышлять, что могут означать эти древние слова — «радиационное убежище».

Брат Френсис прекрасно понимал, что его владение древним английским еще далеко от совершенства. Его самым слабым местом всегда было то, как в этом языке соотносятся определение и определяемое. И в латинском, как в большинстве простых местных наречий, и даже в английском словосочетание «молодой раб» было равно по значению словосочетанию «раб-юноша». Но на этом сходство кончалось. Послушник наконец усвоил, что «домашняя кошка» вовсе не означает «дом для кошки». Но что подразумевалось под словами «радиационное убежище» — «убежище для радиации»?

Брат Френсис потряс головой. В «Предупреждении» на «внутреннем люке» упоминалось о воде, пище и воздухе; а они, конечно же, не были самыми необходимыми вещами для демонов преисподней. Временами послушнику казалось, что древний английский сложнее, чем введение в ангелологию или даже теологические исчисления святого Лесли.

Он разложил костер на склоне каменной осыпи, откуда пламя ярко освещало все закоулки помещения. Потом юноша пошел посмотреть, не осталось ли чего-нибудь, не засыпанного обломками. Развалины наверху совершенно обезличились благодаря стараниям целых поколений мародеров; а к этим подземным руинам, казалось, не притрагивалась ни одна рука, кроме зловещей длани некоего безликого бедствия. Чудилось, что здесь остановилось время. В темном углу на камнях лежал череп, в его оскале остался золотой зуб — бесспорное доказательство, что сюда не вторгались бродяги. Золотой резец мерцал в отсветах пламени.

Брат Френсис не раз наталкивался в пустыне возле какого-нибудь высохшего русла на небольшую кучку человеческих костей, тщательно обглоданных и выбеленных на солнце. Он не был особенно брезглив — ну кости и кости. Поэтому не испугался, когда заметил в углу череп. Но мерцание золота в этом оскале неумолимо притягивало его взгляд, когда юноша взламывал дверцы (запертые или заклиненные) ржавых шкафов и вытаскивал ящики (тоже заклиненные) из покореженного металлического стола. Этот стол мог оказаться бесценной находкой, если бы в нем обнаружились документы или одна-две книги, уцелевшие после гневных костров Эпохи Опрощения. Пока Френсис старался открыть ящики, костер почти потух; юноше почудилось, что череп начал светиться своим собственным сиянием. Подобное явление не было чем-то из ряда вон выходящим, но в этом мрачном подземелье оно действовало на нервы. Френсис бросил в костер побольше щепок и снова стал терзать ящики стола, стараясь не обращать внимания на скалящийся череп. Все еще слегка опасаясь подкрадывающейся в темноте Радиации, послушник уже достаточно пришел в себя от первого испуга, чтобы сообразить: это подземелье, а в особенности стол и шкафы, могли быть полны сокровищами той эпохи, о которой большая часть человечества постаралась забыть.

Это был благословенный дар провидения. Найти осколок прошлого, который избежал и огня и нашествия грабителей, было редкой удачей в эти дни. К этому, однако, всегда примешивалась доля риска. Бывало, монастырский землекоп, падкий до древних сокровищ, вылезет из дыры в земле, победно потрясая каким-нибудь странным цилиндрическим предметом, а потом, желая почистить или определить его назначение, нажмет не ту кнопку или повернет не ту ручку и таким образом окончит земной путь без последнего причастия.

Всего восемьдесят лет назад преподобный Бодуллус с нескрываемым восторгом написал настоятелю, что его небольшая экспедиция обнаружила остатки, по его собственным словам, «межконтинентальной пусковой площадки даже с несколькими потрясающими цистернами». Никто в аббатстве не понял, что имел в виду под «межконтинентальной пусковой площадкой» преподобный Бодуллус, но тогдашний отец настоятель строго-настрого повелел монастырским любителям древности под страхом отлучения отныне обходить стороной подобные «площадки». После того письма уже никто никогда не видел преподобного Бодуллуса, ни его отряд, ни его «пусковую площадку», ни деревушку, которая там находилась. Сейчас вместо той деревни ландшафт украшало живописное озеро, возникшее благодаря каким-то пастухам, которые изменили течение ручья и направили его в кратер. И в засуху их стада не страдали от жажды, а пили накопленную таким образом воду. Путешественник, пришедший из тех мест лет десять назад, рассказывал, что в том озере замечательная рыбалка, но тамошние пастухи считают рыб душами землекопов и крестьян из той деревни и отказываются удить рыбу, опасаясь «бодоллоса», — гигантской зубатки, блуждающей на глубине.

«...не затевать никакого копания, если только оное изначально не служит цели дополнения к Меморабилии» — эти слова

в указе аббата означали, что брату Френсису следует искать в подземелье только книги и бумаги, а не возиться со всякими диковинными предметами. Продолжая надрываться с ящиками стола, Френсис краешком глаза видел, что золотой зуб все мерцает и как бы даже подмигивает. Ящики никак не поддавались. Он в последний раз пнул ногой стол и, обернувшись, со злобным нетерпением посмотрел на череп.

— Ну? Почему бы тебе не посмеяться над чем-нибудь еще для разнообразия?

Череп продолжал золотозубо скалиться. Он лежал, зажатый между камнем и ржавым металлическим ящиком. Оставив в покое стол, послушник пробрался через обломки, чтобы получше рассмотреть останки. Очевидно, человек скончался на месте, сбитый с ног потоком камней и почти целиком заваленный обломками. На поверхности остались только черепа да кость одной ноги. Она была сломана, затылок черепа раздроблен.

Брат Френсис, вздохнув, помолился за упокой души усопшего, потом очень аккуратно поднял череп и повернул его зубом к стене. Тут его взгляд упал на ржавый ящик. Ящик по форме напоминал сумку и, скорее всего, служил для тех же целей. Ему можно было бы найти много разных применений, но каменный обвал покорежил ящик довольно сильно. Юноша осторожно высвободил его из-под камней и перенес поближе к огню. Замок, наверное, сломался, но крышка проржавела и не открывалась. Когда Френсис встряхнул ящик, внутри что-то загремело. Было ясно: ящик — не совсем подходящее место, чтобы искать там книги или документы; но — и это было также ясно — вещь имела свойство открываться и закрываться и вполне могла содержать что-нибудь полезное для «Меморабилии». Тем не менее, памятуя о судьбе брата Бодуллуса и других, послушник окропил ящик святой водой, прежде чем попытаться его взломать. И вообще обращался с древней реликвией как только мог почтительно, сбивая камнем ржавые скобы.

Наконец, они поддались, и крышка упала. Маленькие железки выскочили из своих гнезд, просыпались, и некоторые из них безвозвратно провалились в щели между камнями. Но зато внутри ящика, под гнездами, юноша увидел бумаги! Вознеся краткую благодарственную молитву, он подобрал рассыпавшуюся железную мелочь, какую мог найти, неплотно захлопнул крышку и начал карабкаться по обломкам вверх, к видневшемуся клочку неба, крепко зажав ящик под мышкой.

Минуту спустя, усевшись на большую потрескавшуюся плитку, Френсис стал вынимать вещицы из стекла и металла, лежавшие в гнездах. По большей части это были маленькие трубочки с проволочными хвостиками на обоих концах. Такие он раньше уже видел. В небольшом монастырском музее хранилось несколько подобных штучек разного размера, цвета и формы. А однажды

Френсис видел шамана язычников с гор, и у него на шее висело ритуальное ожерелье из таких вот трубочек. Язычники полагали, что это — «частицы тела богини», легендарной Аналитической Машины, которую они почитали как наимудрейшее из божеств. Они верили, что если шаман проглотит одну из этих штук, то обретет «непогрешимость». Шаман и в самом деле мог достичь таким образом непререкаемого авторитета у своего племени, если, конечно, трубочка не оказывалась ядовитой. В музее такие трубочки тоже были соединены вместе, но не в форме ожерелья, а представляли собой сложный и довольно беспорядочный лабиринт внутри маленькой металлической коробки. Табличка гласила: «Радиосхема. Назначение неизвестно».

На крышке ящика изнутри была приклеена записка. Клей давно превратился в порошок, чернила выцвели, бумага до такой степени покрылась пятнами ржавчины, что и хороший-то почерк читался бы с трудом, не говоря уж об этих торопливых каракулях. Освобождая гнезда от трубочек, Френсис старательно изучал записку. Язык напоминал английский, но прошло целых полчаса, прежде чем он разобрал большую часть написанного.

«Карл, через двадцать минут улетает самолет в (неразборчиво), я должен успеть. Ради Бога, оставь Эмми у себя, пока не выяснится, война это или нет. Умоляю! Постарайся, чтобы она попала в дополнительный список тех, кто подлежит эвакуации в убежище. На мой самолет устроить ее не смог.

Не говори ей, зачем я отправил ее к тебе с сундучком этого барахла. Пусть она побудет с тобой, пока мы не (разборчиво). Может быть, ей повезет — кто-то не явится, и ей найдется место в убежище. И. Э. Л.

Это первое, что попалось мне под руку,— сундучок с деталями. Я опечатал замок и прилепил «Совершенно секретно», чтобы Эмми не заглядывала внутрь. Сунь его в мой ящик или еще куда».

Записка показалась брату Френсису ужасной бессмыслицей. В тот момент он был слишком возбужден, чтобы сосредоточиться на чем-то одном. Еще раз подосадовав на торопливые каракули, юноша начал сдвигать каркас, на котором крепились гнезда, чтобы достать бумаги со дна ящика. Каркас был подвижным — похоже, он раскладывался лесенкой; но болты намертво заржавели, и Френсис счел необходимым извлечь их с помощью короткого стального инструмента, лежавшего тут же, рядом.

Вынув каркас, послушник благоговейно прикоснулся к бумагам. Вот эта горстка сложенных листков — настоящее сокровище. Ведь они избежали гневных костров Опрощения, в которых даже священные рукописи скручивались и чернели, превращаясь в дым; а невежественные толпы выли от восторга, приветствуя это. Он обращался с бумагами, как с драгоценными реликвиями, прикрывая их от ветра своей рясой, ибо от времени все они стали ломкими и ветхими. Пачка небрежных набросков и чертежей. И еще странички, написанные от руки, два больших сложенных листа и маленькая книжка, озаглавленная *«Memo»* (записная книжка).

Сначала он рассмотрел исписанные странички. Они были нацарапаны той же рукой, что приклеенная к крышке записка; почерк выглядел не менее отвратительным. «Фунт салями,— гласила одна страничка,— консервированная капуста, шесть пепси принести домой Эмми». Другая напоминала: «Не забыть взять форму 1040 для дядиной декларации». На следующей была лишь колонка цифр и их сумма, обведенная кружочком, из нее вычиталось другое число, и, наконец, какие-то проценты, а следом за ними — слово «черт!». Брат Френсис проверил вычисления. Цифры были уродливо написаны, но ошибки не было. Однако он не смог определить, что здесь подсчитывали.

С *«Memo»* послушник обращался с особым почтением, потому что это название наводило на мысль о «Меморабилии». Прежде чем открыть книжку, юноша перекрестился и пробормотал «Благословение книжное». Но книжица не оправдала надежд. Он ожидал увидеть типографский шрифт, а обнаружил только написанные от руки имена, адреса, цифры и даты. Даты относились к концу пятидесятых — началу шестидесятых годов двадцатого века. Снова неоспоримое доказательство! — содержимое подвала осталось от смутного периода Эпохи Просвещения. Безусловно, важное открытие.

Один из больших сложенных листов оказался так туго скручен, что стал рассыпаться, когда Френсис попытался его развернуть. Можно было только разобрать слова «Беговой тотализатор» и все. Отложив лист в ящик, чтобы потом отреставрировать, Френсис обратился ко второму. Этот лист так истончился на сгибах, что послушник осмелился лишь отогнуть уголок и заглянуть внутрь.

Опять чертеж, но какой — белые линии на темной бумаге!

Он вновь почувствовал восторг первооткрывателя. Это, конечно же, была синька! А ведь в монастыре не имелось ни одной настоящей, только несколько чернильных копий. Оригиналы давно выгорели на свету. Френсис никогда раньше оригиналов не видел, однако он пересмотрел достаточно нарисованных копий, чтобы сразу узнать — вто синька. Она запачкалась и полиняла, но все же осталась достаточно разборчивой после стольких столетий, потому что пролежала в сыром подвале среди кромешной темноты. Френсис перевернул документ и аж задохнулся от злости. Какой идиот осквернил бесценную бумагу? Оборотную сторону покрывали сплошь небрежные геометрические фигуры и дурацкие рожицы. Какая варварская беспечность...

Гнев прошел после минутного размышления. Возможно, в те времена синьки были самой обычной вещью, а кроме того, сделать это мог и сам владелец ящика. Послушник прикрывал бумагу от солнца собственной тенью и все пытался отогнуть побольше. В нижнем правом углу виднелся прямоугольник и в нем обычными печатными буквами — разные названия, даты, «номера патентов», какие-то цифры и имена. Он пробежал по ним взглядом и вдруг наткнулся на слова: «Разработка схемы выполнена Лейбовицем И. Э.».

Брат Френсис зажмурил глаза и потряс головой, пока не зазвенело в ушах. Потом взглянул опять. Там по-прежнему отчетливо значилось: «Разработка схемы выполнена Лейбовицем И. Э.». Он снова перевернул бумагу. Между фигурами и рожицами явственно проступал фиолетовый штамп: «Переслать копию проектировщику Лейбовицу И. Э.». Имя было вписано явно женским почерком, не похожим на те каракули. Юноша еще раз посмотрел на подпись под запиской, потом на «Разработка схемы выполнена...». Те же самые инициалы встречались и на других бумагах.

Уже давно шла дискуссия, как будут называть Блаженного основателя Ордена, если он наконец будет канонизирован,— Святой Исаак или Святой Эдуард. Некоторые даже полагали, что Святой Лейбовиц будет вернее, так как до сего времени Блаженного тоже звали по фамилии.

«Блаженный Лейбовиц, заступись за меня!» — прошептал брат Френсис. Его руки так сильно дрожали, что могли повредить хрупкие документы.

Итак, он обнаружил реликвии Святого.

Правда, Новый Рим еще не провозгласил Лейбовица святым; но брат Френсис был настолько убежден в неоспоримости этого факта, что осмелился добавить: «Святой Лейбовиц, заступись за меня!»

Послушник без колебаний пришел к заключению: самими Небесами ему дарован знак о его призвании. Брат Френсис понимал это так: он нашел то, ради чего и был послан в пустыню. Его призвание — стать членом Братства святого Ордена.

Сидя у огня, Френсис мечтательно вглядывался в темноту, туда, где находилось «Радиационное убежище», и старался представить величественную базилику, возведенную на этом месте. Видение было приятным, но трудно вообразить, что кто-то выберет этот отдаленный уголок пустыни для центра будущей епархии. Ну пусть не базилика, пусть маленькая церковь с часовней — Храм Святого Лейбовица в пустыне, окруженный садом и стеной; и к храму потянется с севера множество паломников с опоясанными чреслами. Отец Френсис из Юты предложит странникам осмотреть руины, даже проведет через «люк № 2» в великолепие «Герметичной среды», в подземелье Огненного Потопа, где... где... ладно, а потом он отслужит для паломников мессу у алтаря, в котором будет храниться реликвия того, чьим именем названа церковь. Что это будет — кусок мешковины? волокна из петли палача? обрезки ногтей со дна ржавого ящика? А может быть, «Беговой тотализатор»? Но

воображение что-то слишком разыгралось. Шансы брата Френсиса стать священником практически равнялись нулю — не будучи миссионерским Орденом, лейбовицианцы довольствовались только священниками для самого монастыря, да еще для нескольких монашеских общин в других местах. Более того, сам Святой официально все еще звался Блаженным; и не было еще случая, чтобы святым объявили не совершившего каких-нибудь основательных и бесспорных чудес. Чудесами следовало подкрепить свою блаженность, которая не давала столь высокого статуса, как канонизация, хотя монахам Ордена Лейбовица разрешалось почитать своего основателя и покровителя, правда, вне месс и других церковных служб. Воображаемая церковь уменьшилась до размеров придорожной часовни, а поток паломников превратился в тонкий ручеек. Новый Рим занят другими делами, такими, как ходатайство об официальном решении вопроса о Чудодейственной Благодати Святой Девы.

Удовлетворившись маленькой часовенкой и редкими паломниками, брат Френсис задремал. Когда он проснулся, вместо костра остались только тлеющие угольки. Что-то было не так. Один ли он здесь? Юноша, сощурившись, вгляделся в кромешную тьму.

Рядом с красноватыми углями стоял волк.

Послушник завизжал и нырнул в угол. Трясясь от страха в своем укрытии из камней и веток, он решил, что визг хоть и был нарушением обета молчания, но непреднамеренным. Юноша лежал, обняв металлический ящик, и молился, чтобы поскорее прошли дни великопостного бдения, а мягкие лапы все скреблись о стенки его убежища.

3

Отец Чероки, облаченный в епитрахиль, пристально посмотрел на кающегося послушника, стоявшего перед ним на коленях под палящим солнцем. Священник был поражен, как удалось этому юноше (не особенно умному, насколько можно заметить) согрешить или почти согрешить, будучи совершенно одиноким в бесплодной пустыне, вдали от суеты и всех источников искушения. Здесь не много поводов согрешить для послушника, вооруженного всего лишь четками, огнивом, складным ножичком и молитвенником. Так казалось отцу Чероки. Но исповедь что-то затягивалась, священнику хотелось, чтобы юноша закруглялся. Снова заныли суставы, но в присутствии Святого Причастия, лежавшего на переносном столике, который он брал с собой в объезды, священник предпочитал стоять или преклонить колено вместе с кающимся. Отец Чероки зажег свечку перед маленьким золотым ларцом, где лежали Дары, но пламя не было видно из-за яркого солнечного света, и ветерок все норовил погасить свечу.

— В чем ты исповедуешься — в грехе гневливости?

— Итак, в помыслах и деяниях имел намерение есть мясо во время поста. Пожалуйста, будь впредь осторожнее. Думаю, ты надлежащим образом облегчил свою совесть. Что-нибудь еще?

— Довольно много.

Священник поморщился. Ему предстояло посетить еще несколько отшельников — нужно было долго трястись под палящим солнцем, а колени сильно болели.

— Продолжай, но прошу тебя, поскорее,— вздохнул Чероки.

Точно такие же признания отец Чероки обычно слышал от любого кающегося, любого послушника, и ему казалось, что брат Френсис уж мог хотя бы проговорить все самообвинения аккуратно и по порядку, без всяких этих подсказываний и выспрашиваний. Френсису, видимо, с трудом удавалось выражать свои мысли в словах, священник ждал.

— Мне кажется, ко мне снизошло призвание, отче, но...— Юноша облизнул потрескавшиеся губы и посмотрел на жука, ползущего по камню.

— О, вот как,— голос Чероки не выражал ничего.

— Да, я думаю, да. Но, отче, было ли это грехом, что, когда я впервые увидел почерк, я подумал о нем насмешливо? Я имею в виду...

Чероки заморгал. Почерк? Призвание? О чем он говорит? Несколько секунд священник изучал серьезное лицо послушника, потом нахмурился.

— Вы с братом Альфредом обменивались письмами? — с угрозой спросил он.

— О нет, отче?

— Тогда о чьем почерке ты говоришь?

— Блаженного Лейбовица.

Чероки задумался. Хранился ли в монастырском собрании древних документов какой-либо манускрипт, собственноручно написанный основателем Ордена? Немного поразмыслив, священник ответил на вопрос утвердительно: да, оставалось несколько клочков, запертых и тщательно охраняемых.

— Ты говоришь о чем-то, что произошло еще в монастыре? До того, как ты вышел оттуда?

— Нет, отче. Это случилось вон там,— Френсис повел головой влево,— за тремя холмиками, возле высокого кактуса.

— Ты говоришь, это касалось твоего призвания?

— Д-да, но...

— Ты, конечно, не хочешь сказать,— отрезал Чероки,— что ты получил от Блаженного Лейбовица — покойного, слышишь, покойного вот уже шесть столетий — письменное приглашение произнести твои торжественные обеты? А ты насмехался над его почерком? Прости, но из твоих слов получается именно так.

— Ну да, отче, примерно так.

Чероки сплюнул. Начиная беспокоиться, брат Френсис вынул из рукава клочок бумаги и протянул священнику. Бумага была ломкой и запачканной, чернила выцвели.

— «Фунт салями,— начал читать отец Чероки, запинаясь на незнакомых словах,— консервированная капуста, шесть пепси принести домой Эмми». Какое-то время он, не отрываясь, смотрел на брата Френсиса.— Кем это написано?

Френсис объяснил. Чероки задумался.

— В таком состоянии ты не можешь исповедаться надлежащим образом. И мне не следует отпускать грехи, пока ты немного не в себе.

Видя, что послушник вздрогнул, Чероки ободряюще похлопал его по плечу.

— Не тревожься, сын мой, поговорим, когда тебе станет лучше. Я выслушаю твою исповедь после. А сейчас...— Он с беспокойством взглянул на ларец с евхаристией.— Я хочу, чтобы ты собрал вещи и тотчас же вернулся в монастырь.

— Но отче, я...

— Я приказываю тебе,— ровным голосом повторил священник,— немедленно вернуться в монастырь.

— Д-да, отче.

— Итак, я не отпускаю твоих грехов, но, так или иначе, ты хорошо сделаешь, если вознесешь двадцать молитв в знак покаяния. Благословить тебя?

Послушник кивнул, едва сдерживая слезы. Священник благословил его, встал, преклонил колено перед Причастием, взял его и вновь прикрепил к цепочке, висевшей у него на шее. Положил в карман свечку, сложил столик и прикрепил ремнями к седлу. Кивнув на прощание Френсису, отец Чероки сел на кобылу и поехал дальше совершать свой объезд. Френсис опустился на горячий песок и зарыдал.

Все было очень просто, если бы он смог отвести священника в подземелье и показать ему древнюю комнату, если бы выложил перед ним ящик со всем содержимым и предъявил письмена на камне, сделанные паломником. Но священник был при дароносице — как можно требовать, чтобы он на четвереньках пролезал в подвал, рылся в содержимом старого ящика и вступал в археологические дискуссии. Нечего было и заикаться. Пока на шее у Чероки висел ларц со Святым Причастием, он был преисполнен торжественности; но после того, как была использована последняя облатка, он мог и согласиться выслушать что-либо, не относящееся к исповеди.

Послушник не винил отца Чероки за то, что тот посчитал счесть его ненормальным. Френсис и вправду слегка одурел от солнца и немного заикался. Нередко послушники возвращались со своих бдений с поврежденным рассудком.

Делать нечего — нужно возвращаться в монастырь.

Он подошел к подземелью и еще раз заглянул внутрь, как бы стараясь себя уверить, что подвал действительно существует; потом пошел за ящиком. Френсис собрал содержимое ящика и был готов отправляться, когда на юго-востоке появился столб пыли, возвещающий, что из монастыря везут припасы и воду. Брат Френсис решил дождаться провизии, прежде чем отправляться в долгий путь.

Поднимая пыль, по дороге шагали три осла и монах. Ведущий осел тащился с братом Финго на спине. Несмотря на капюшон, Френсис узнал помощника повара по сутулой спине и длинным волосатым лодыжкам, болтавшимся по бокам у осла, таким длинным, что сандалии брата Финго волочились по земле. Два других осла были нагружены мешочками с кукурузой и бурдюками с водой.

— Хрю-хрю-хрю! Хрю-хрю! — прокричал Финго, приставив руки ко рту, словно звал свинью; и оглядел развалины, прикидываясь, что не замечает брата Френсиса, ожидавшего его на дороге.

— Хрю-хрю-хрю! О, ты здесь, Франциско! А я-то думаю, что это за кучка костей! Ничего-ничего, мы тебя подкормим, пусть волкам будет повкуснее. На, бери, воскресное угощение. Как проходит жизнь отшельника? Когда начнешь делать карьеру? Так, бери бурдюк и мешочек с кукурузой. Берегись копыт Малисни: у бедняжки течка и она капризничает, лягнула давеча Альфреда прямо в коленную чашечку. Будь с ней осторожен! — Брат Финго откинул капюшон и захихикал, глядя, как Френсис и ослица опасливо косятся друг на друга. Финго, без сомнения, был самым уродливым человеком на свете; и когда он смеялся, его розовые десны и огромные зубы разного цвета не прибавляли ему очарования. Он был мутантом, но такого мутанта едва ли можно было назвать чудовищем. В его родной Миннесоте это считалось довольно распространенным наследственным явлением — плешивость и очень неровная пигментация. Долговязый монах как бы весь состоял из живописных пятен цвета бычьей печени и шоколада на молочно-белом фоне. Однако его неизменно веселый нрав настолько компенсировал уродство, что его очень скоро переставали замечать. А после длительного общения разноцветная физиономия брата Финго казалась столь же естественной, как шкура пегого пони.

На его месте человек мрачный показался бы отвратительным, а бьющее через край веселье Финго делало его похожим на размалеванного клоуна. Службу на кухне Финго исполнял в качестве наказания, и она была временной. Будучи резчиком по дереву, он работал в плотницкой мастерской. Финго ужасно возгордился, когда ему позволили вырезать из дерева фигуру Блаженного Лейбовица, и настоятель приказал перевести его на кухню до тех пор, пока не проявит должного смирения. Между тем недоконченная скульптура Блаженного так и валялась в мастерской.

Ухмылка Финго исчезала по мере того, как он приглядывался к Френсису, а тот сгружал кукурузу и воду с норовистой ослицы.

— Ты похож на больную овечку, парень,— сказал он послушнику.— Что случилось? У отца Чероки опять был припадок злости?

Брат Френсис покачал головой:

— Да нет, я бы не сказал.
— Тогда что не так? Ты и вправду заболел?
— Он приказал мне вернуться в монастырь?
— Что-о-о?
Финго перекинул волосатую ногу через спину осла и ступил на землю. Поглядев на брата Френсиса сверху вниз, он хлопнул его мясистой ладонью по плечу и наклонился, чтобы получше рассмотреть его лицо.
— У тебя что, желтуха?
— Нет. Он думает, что я...— Френсис покрутил пальцем у виска.
Финго рассмеялся.
— Ну это понятно, тоже мне новость. Но почему он тебя назад-то отсылает?
Френсис смотрел на сундучок, стоявший у его ног.
— Я нашел вещи, принадлежавшие Блаженному Лейбовицу. Стал ему рассказывать, а он не верит. Даже объяснить ничего не дал. Он...
— Чего-чего ты нашел?
Финго недоверчиво улыбнулся, потом опустился на колени и открыл сундучок. Послушник с тревогой следил за его действиями. Монах потрогал пальцем стеклянные цилиндрики с усиками и тихо присвистнул:
— Никак амулеты горных дикарей? Это древность, Франциско, настоящая древность.— Он увидел записку на крышке ящика и поднял глаза на печального Френсиса.— А это что за каракули?
— Древний английский.
— Мне не приходилось его учить, разве что песни для хора.
— Это написано самим Блаженным.
— Это? — Брат Финго таращился то на записку, то на Френсиса, то снова на записку. Внезапно он покачал головой, захлопнул крышку и встал. На лице его появилась натянутая улыбка.
— Может, отче и прав. И вправду, иди-ка назад и попроси брата Аптекаря сварить тебе какое-нибудь из его снадобий из жабьего дерьма. Это лихорадка, брат.
Френсис пожал плечами:
— Наверное.
— Где ты нашел эту штуку?
— Вот у той дороги, за холмиками,— показал послушник.— Я сдвинул несколько камней, и вдруг случился обвал. Я нашел там подземелье. Можешь сам посмотреть.
Финго покачал головой:
— Нет, мне трогаться уже пора.
Френсис зажал ящик под мышкой и, пока Финго возился со своим ослом, побрел было по направлению к монастырю. Но пройдя несколько шагов, послушник вернулся.
— Послушай, Пестрый, ты можешь уделить мне две минуты?
— Ну,— ответил Финго,— чего тебе?
— Ты только пойди и загляни в дыру.
— Зачем?
— Если она там есть, ты скажешь об этом отцу Чероки.
Занесший было ногу, чтобы влезть на спину осла, Финго замер, потом опустил ногу обратно.
— Ладно, если ее там нет, я скажу об этом тебе.

Две недели голодания брали свое. Через две-три мили он начал спотыкаться. Когда же до монастыря оставалось около мили, Френсис потерял сознание. И только под вечер его, лежавшего на дороге, заметил отец Чероки, возвращавшийся со своего объезда. Чероки торопливо вылез из седла и смачивал водой лицо юноши до тех пор, пока тот потихоньку не начал приходить в себя. На обратном пути Чероки встретил груженых ослов и остановился послушать рассказ Финго, подтверждавший находку брата Френсиса.
Хотя священник не склонен был верить, что Френсис обнаружил что-нибудь действительно важное, он пожалел, что был так нетерпелив с мальчишкой. Заметив, что содержимое ящика рассыпалось на дороге, и бегло взглянув на записку на крышке — Френсис тем временем, слабый и смущенный, сидел на краю дороги,— Чероки подумал, что теперь он скорее склонен считать бессмысленную болтовню послушника результатом романтической фантазии, нежели безумием или бредом. Он не спускался в подвал и не рассматривал бумаги, но во всяком случае, было ясно: во время исповеди юноша рассказывал не о галлюцинации, он просто неверно истолковал происшедшее.
— Ты можешь завершить исповедь, как только мы вернемся,— мягко сказал он, помогая Френсису вскарабкаться на кобылу сзади него самого.— Я думаю, что смогу отпустить твои грехи, если ты не будешь настаивать, что святые самолично пишут тебе записки. Договорились?
Брат Френсис был слишком слаб в эту минуту, чтобы настаивать на чем бы то ни было.

4

— Вы правильно поступили,— проворчал наконец настоятель. Вот уже минут пять он медленно вышагивал по келье, его широкое крестьянское лицо, изборожденное морщинами, было сердито напряжено, в то время как отец Чероки беспокойно ерзал на краешке стула. С тех пор, как священник, по приказу настоятеля, пришел к нему в келью, тот молчал. Чероки даже слегка вздрогнул, когда настоятель Аркос наконец произнес эти слова.
— Вы правильно поступили,— повторил настоятель, останавливаясь посреди комнаты, и покосился на приора, понемногу начинавшего расслабляться. Было около полуночи, и Аркос собирался удалиться на час-другой для сна перед заутреней и обедней. Еще влажный и растрепанный после купания в бочке, он, как казалось отцу Чероки, походил на медведя, не вполне удачно превратившегося в человека. Настоятель был одет в рясу из шкуры койота, и единственным отличительным признаком его сана служил наперсный крест, висевший на груди и вспыхивавший на черном мехе от света свечей при малейшем движении. В этот момент он менее всего походил на священника; напротив, мокрые волосы, свисавшие на лоб, короткая торчащая борода и шкура койота делали его похожим на воинственного вождя, едва сдерживающего ярость после недавнего сражения.
Отец Чероки, происходивший из денверского баронского рода, очень серьезно относился к внешним атрибутам власти. Он всегда почтительно вел себя по отношению к человеку, носящему регалии, стараясь не обращать внимания на его личные свойства. В этом смысле Чероки следовал вековой придворной традиции. Таким образом он поддерживал сдержанно-дружественные отношения с символами настоятельской власти — пастырским перстнем и наперсным крестом; но заставлял себя не замечать чисто человеческие качества аббата Аркоса. В данных обстоятельствах это было довольно трудно: преподобный отец настоятель, разгоряченный после купания, шлепал босиком по комнате. Он, очевидно, только что срезал мозоль и сильно поранился — большой палец весь был в крови. Чероки старался не обращать внимания, но чувствовал себя очень неловко.
— Вы понимаете, о чем я говорю? — нетерпеливо рявкнул Аркос.
Чероки помедлил с ответом.
— Прошу вас, отец настоятель, будьте чуточку поконкретней, если, конечно, это не нарушает тайны исповеди.
— А! Ну да! Черт меня побери! Он же вам исповедался, я совсем забыл. Хорошо, пускай он вам расскажет все заново, чтобы вы могли пересказать мне. Хотя, Бог свидетель, весь монастырь уже говорит об этом... Нет, не ходите к нему. Не будем нарушать таинства исповеди, я и сам вам все расскажу. Вы видели эти вещи? — настоятель махнул рукой на стол, где лежало содержимое Френсисова ящика.
Чероки медленно кивнул.
— Он выронил их на дороге, когда упал. Я помог их собрать, но не приглядывался.
— Значит, вы слышали, что он утверждает?
Отец Чероки отвел взгляд. Казалось, он и не расслышал вопроса.
— Ну ладно, ладно,— проворчал настоятель,— неважно, что он там утверждает. Посмотрите-ка сами внимательно и скажите, что вы обо всем этом думаете.
Чероки склонился над столом и начал тщательно разглядывать бумаги одну за другой, а настоятель тем временем продолжал ходить по келье, разговаривая не столько со священником, сколько с самим собой.
— Это невозможно! Вы правильно сделали, отправив его назад, прежде чем он еще что-нибудь раскопал. Но даже не это самое худшее. Хуже всего тот старик, о котором он болтает. Это переходит все границы! Я не знаю ничего более вредного для нашего дела, чем обрушившаяся лавина невероятных «чудес». Какие-то реальные события — пожалуйста! Для того чтобы произошла канонизация, должно быть доказано, что Блаженный сотворил некие чудеса. Но надо же знать меру! Посмотрите, Блаженный Чанг причислен к лику блаженных два века назад, а до сих пор не канонизирован. А почему? Да потому, что его орден слишком хотел этого, вот почему. Каждый раз, когда кто-то вылечивался от насморка,— это была чудодейственная помощь Блаженного. Видения в подвале, воскресение мертвых на колокольне — все это больше смахивало на истории о привидениях, чем на чудодейственные события. Может быть, два-три из них действительно произошли. Но как узнать, когда так много чепухи?
Отец Чероки поднял глаза. Костяшки его пальцев, опирающихся на край стола, побелели, лицо напряглось. Казалось, он не слушал.
— Простите, что вы сказали, господин настоятель?
— Что-что. А то, что то же самое может произойти здесь,— сказал аббат и продолжал шлепать туда-сюда по комнате.— В прошлом году — брат Нойон со своей веревкой палача. Ха! А за год до того — чудодейственное выздоровление брата Смирнова от подагры. Как? Возможно, после прикосновения к реликвиям нашего Блаженного Лейбовица, как утверждали молодые олухи. А сейчас этот Френсис. Он встречает паломника, одетого — во что бы вы думали? — в юбку из той самой мешковины, которую нацепили на голову Блаженному Лейбовицу, прежде чем повесить. А что у старика было вместо пояса? Веревка. Какая веревка? Ну конечно, та самая...
Настоятель замолк на полуслове, поглядел на Чероки.
— По вашему недоуменному взгляду я понимаю, что об этом вы еще не слышали. Нет? Ах да, вы не можете говорить. Нет-нет, Френсис этого не говорил. Вот что он сказал,— аббат Аркос постарался своим обычно грубым голосом изобразить фальцет.— Вот что он сказал: «Я встретил щуплого старика, и я думал, что это паломник, направляющийся в монастырь, потому что он шел той дорогой. И он был одет в старую мешковину, перевязанную обрывком веревки. И он сделал отметину на камне, отметина выглядит вот так».
Аркос достал из кармана своей меховой рясы клочок пергамента и поднес его к лицу. И хотя у настоятеля не очень получалось, он продолжал передразнивать брата Френсиса:
— «Ума не приложу, что это значит. А вы знаете?»
Чероки пристально посмотрел на непонятные буквы и отрицательно покачал головой.
— Я не спрашиваю вас,— рявкнул настоятель уже своим обычным голосом.— Это спросил Френсис. Тогда я не знал.
— А теперь?
— А теперь знаю. Мне сказали. Это буква ламедх, а это — садхе. Древнееврейский.

— Садхе ламедх?

— Нет. Справа налево. Ламедх садхе. Произносятся, как звуки «л» и «ц». Если бы была огласовка, то можно прочитать, как «луц», «лоц», «лец», «ляц», «лиц» — что-то вроде этого. Если бы между двумя буквами были другие, то все могло бы звучать, как л-л-л... ну, догадайтесь!

— Лейбо... Не может быть!

— Может! Брат Френсис не додумался до этого. Постарался кто-то другой. Брат Френсис не придал значения ни мешковине, ни веревке висельника; сообразил кто-то из его дружков. Итак, что происходит? К ночи весь монастырь будет гудеть о том, что Френсис встретил самого Блаженного и тот сопроводил нашего дурачка туда, где валялась вся эта дребедень, и сказал: «Вот твое призвание».

Чероки озадаченно нахмурился.

— Брат Френсис так сказал?

— Нет!!! — заревел Аркос.— Вы что, оглохли? Френсис такого не говорил. Пусть бы только попробовал, я бы негодяя... Но он рассказывает об этом с невероятным простодушием, я бы даже сказал — с тупостью, а выводы делают другие. Я с ним еще не беседовал, послал ректора Меморабилии расспросить его.

— Мне кажется, будет лучше, если я сам поговорю с братом Френсисом,— пробормотал Чероки.

— Да уж! Когда вы вошли сюда, я, по правде говоря, собирался вас живьем зажарить. За то, что вы отослали мальчишку сюда, я имею в виду. Разреши вы ему остаться в пустыне, не заварилась бы вся эта каша. Но, с другой стороны, останься он там, невозможно себе представить, что бы еще откопал этот парень в подвале. Так что вы все же правильно сделали, прислав его обратно.

Чероки, отправивший Френсиса в монастырь совершенно по другим соображениям, предпочел промолчать.

— Поговорите с ним,— проворчал настоятель,— и пришлите потом ко мне.

В понедельник, ярким солнечным утром, брат Френсис робко постучался в кабинет настоятеля. Послушник славно выспался на жесткой соломенной подстилке в старой, привычной келье, да плюс к тому съел менее привычный завтрак. Невозможно было восстановить истощенную плоть и освежить одуревшие от солнца мозги, но эти весьма относительные роскошества, по крайней мере, достаточно прояснили его голову, чтобы Френсис сообразил: у него есть основание бояться. Он так тихо постучал, что на его стук в дверь ответа не последовало. Френсис и сам-то своего стука не услышал. Подождав несколько минут, он собрал остатки мужества и постучал снова.

— Господин настоятель вызывал меня? — прошептал послушник.

Настоятель Аркос поджал губы и медленно наклонил голову.

— М-м-да, господин настоятель посылал за тобой. Войди и закрой дверь.

Брат Френсис затворил дверь и весь дрожа встал в середине комнаты. Настоятель вертел в руках те штучки с проволочками из старого ящика для инструментов.

— Или уместнее было бы,— сказал аббат Аркос,— чтобы ты посылал за преподобным отцом настоятелем? Ты ведь у нас теперь такой знаменитый — еще бы, само провидение избрало тебя, а? — Он ласково улыбнулся.

— А? — вопросительно хихикнул Френсис.— О нет, мой господин.

— Ну-ну, не спорь. За одну ночь ты достиг вершины славы. Провидение посчитало тебя достойным обнаружить этот...— настоятель широко обвел рукой реликвии, лежавшие на столе.— Это барахло, если я не ошибаюсь, прежний владелец называл это именно так?

Послушник только беспомощно пыхтел и силился изобразить улыбку.

— Тебе семнадцать лет, и ты, очевидно, идиот, так?

— Истинная правда, господин настоятель.

— Какое можешь ты представить оправдание тому, что вообразил, будто призван служить религии?

— Никакого, мой господин.

— Ах так! Значит, ты не чувствуешь призвания служить Ордену?

— О... Я чувствую...— задохнулся послушник.

— Но у тебя есть оправдание?

— Нет.

— Ты, маленький кретин, я хочу от тебя объяснений. Так как объяснений нет, я считаю, что с этого момента ты должен отрицать и свою встречу в пустыне с кем бы то ни было, и находку этого... этого старого ящика с барахлом, и все остальное, что я слышал от других монахов. Это всего лишь больное воображение!

— О нет, дом Аркос!

— Что — нет?

— Я не могу отрицать то, что видел собственными глазами, преподобный отче.

— Хм. Значит, ты встретил ангела. А может, это был святой? Или не святой? И он показал тебе, где искать?

— Я вовсе не говорил, что он...

— И вот из-за него ты вообразил, будто получил истинное призвание? Этот... это...— могу я назвать его «существо»? — сказал тебе: «обретешь голос», пометил камень своими инициалами, велел тебе поискать там, и ты откопал эту рухлядь. Так?

— Да, дом Аркос.

— И как ты оцениваешь твое мерзкое тщеславие?

— Ему нет прощения, господин учитель.

— Ты возомнил о себе настолько, что даже свое непомерное тщеславие считаешь непростительным! — заревел настоятель.

— Мой господин, я всего лишь червь.

— Хорошо. Отрицай только встречу с паломником. Ты же знаешь, никто больше не видел эту личность. Насколько я понял, он шел по дороге, ведущей сюда. И даже сказал, что, может быть, остановится в монастыре. И спрашивал про монастырь. Все так? Но тогда куда же он исчез, если и в самом деле существовал? Такой человек здесь не проходил. Брат, дежуривший на дозорной башне, не видел его. А? Ты признаешь, что просто выдумал его?

— Если бы не та отметина на камне, которую он... Тогда, может быть, я и...

Настоятель закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Надпись действительно есть, хоть и едва различимая,— признался он.— Может, ты сам ее сделал?

— Нет, мой господин.

— Ты признаешь, что выдумал старика?

— Нет, мой господин.

— Хорошо же, ты хоть понимаешь, что с тобой будет дальше?

— Да, преподобный отче.

— Тогда приготовься.

Дрожащими руками послушник подобрал полы туники, обернул их вокруг пояса и наклонился над столом. Настоятель достал из ящика толстую указку из орехового дерева, взвесил ее на ладони и резко ударил Френсиса по ягодицам.

— Благодарение Господу! — послушно отозвался Френсис, слегка задохнувшись.

— Ты передумал, мой мальчик?

— Преподобный отче, я не могу отрицать...

Бац!

— Благодарение Господу!

Бац!

— Благодарение Господу!

Десять раз была повторена эта простая, но мучительная литания; брат Френсис взвизгивал свою благодарность Господу за каждый обжигающий урок добродетельного смирения, что от него и требовалось. После десятого удара настоятель остановился. Послушник слегка раскачивался, стоя на цыпочках. Из-под сжатых век выкатилась слеза.

— Мой дорогой брат Френсис,— сказал аббат Аркос,— ты совершенно уверен, что видел того старика?

— Уверен,— пробормотал Френсис, мысленно приготовившись к продолжению экзекуции.

Настоятель Аркос пристально поглядел на юношу, обошел вокруг стола и, выругавшись, уселся. Некоторое время он сердито разглядывал клочок пергамента с перерисованными древнееврейскими буквами.

— Как ты думаешь, кто это был? — рассеянно спросил Аркос.

Брат Френсис открыл глаза, и слезы потекли по щекам.

— Ты убедил меня, мальчик, что ж, тем хуже для тебя.

Френсис ничего не сказал, но мысленно взмолился, чтобы нужда убеждать настоятеля в своей правдивости возникала не слишком часто.

Повинуясь раздраженному жесту аббата, юноша опустил тунику.

— Можешь сесть,— произнес настоятель уже нормальным, чуть ли не добродушным голосом.

Френсис подошел к указанному креслу, уже было сел, но вдруг сморщился и снова поднялся.

— Если преподобному отцу настоятелю все равно...

— Ладно, тогда стой. Я не собираюсь больше тебя задерживать. Ты можешь идти и заканчивать твое бдение.

Он умолк, заметив, что лицо послушника просияло.

— Ну уж нет! — отрезал Аркос.— Ты не вернешься на прежнее место! Ты поменяешься с братом Альфредом и близко не подойдешь к тем развалинам. Далее. Я приказываю тебе не обсуждать это происшествие ни с кем, кроме твоего исповедника и меня; хотя один Бог знает, сколько уже нанесено вреда. Ты хоть понимаешь, что ты наделал?

Брат Френсис потряс головой.

— Вчера было воскресенье, преподобный отче, и от нас не требовалось хранить молчание; во время рекреации я и рассказывал все ребятам. Я думал...

— Да, а эти твои «ребята» сварганили очень миленькое объяснение, сын мой. Знаешь, с кем ты, оказывается, встретился? С самим Блаженным Лейбовицем.

Френсис оторопел, потом снова затряс головой:

— О нет, господин настоятель. Я уверен, что это был не он. Блаженный мученик не стал бы делать таких вещей.

— Каких это таких?

— Он не стал бы гоняться за мной и не старался бы ударить меня палкой с шипом на конце.

Настоятель вытер губы, чтобы скрыть невольную улыбку. Через мгновение ему удалось принять задумчивый вид.

— О, а я и не знал об этом. Так это он за тобой гонялся, да? Я так и думал. А своим приятелям ты и об этом рассказал? Да? Вот видишь, а они все равно не сомневаются, что это был Блаженный. Интересно, много ли таких людей, за которыми бы Блаженный гонялся с палкой... — он остановился, не в силах сдержать смех при виде выражения лица послушника.— Ну ладно, сынок, а ты-то сам как думаешь, кто это мог быть?

— Я думаю, что, возможно, тот старик — паломник, шедший посетить наш храм, преподобный отче.

— Ты не можешь пока его так называть, он еще не стал храмом. В любом случае твой старик — не паломник и не шел сюда. И в ворота наши не заходил, разве что дозорный спал. Однако послушник, бывший на часах, клянется, что не спал, хотя и признает, что в тот день его сильно клонило ко сну. Так в чем, по-твоему, дело?

— Если преподобный отец настоятель позволит, я сам несколько раз дежурил на часах.

— Ну и?..

— Понимаете, в яркий, солнечный день, когда вокруг не движется никто, кроме ястребов, через несколько часов начинаешь следить лишь за этими ястребами.

— Так вот чем ты занимаешься! Вместо того, чтобы глаз не спускать с дороги!

— И если слишком долго смотришь на небо, то как будто бы отключаешься — не спишь, нет, а становишься вроде как завороженным.

— Значит, вот что ты делаешь, стоя на часах? — рассердился настоятель.

— Не обязательно. Я хочу сказать, если бы так оно и было, я бы не знал сам. С братом Дж... м-м-м, ну с одним из братьев, которого я сменял, случилось то же самое. Он даже не знал, что пришло время сменяться с поста. Он сидел там, в башне, и пялился с открытым ртом на небо. Как бы в забытьи.

— В один прекрасный день, когда ты будешь в подобном «забытьи», прискачет отряд язычников из Юты, перебьет садовников, порушит оросительную систему, вытопчет наш урожай и засыплет камнями колодец, прежде чем мы начнем защищаться. Почему у тебя вид такой странный? Ах да, я забыл совсем — ты ведь сам родом из Юты. Но неважно, может, ты и прав насчет дозорного в том смысле, что он мог проглядеть старика. А скажи, ты уверен, что это был самый обыкновенный старик и ничего больше? Не ангел? Не блаженный?

Послушник в задумчивости поглядел в потолок, потом быстро взглянул на своего правителя:

— Разве ангелы или святые отбрасывают тень?

— Да... то есть нет... Откуда мне знать! Он что, отбрасывал тень?

— Отбрасывал. Такую маленькую тень, ее едва было видно.

— Как так?

— Ведь был почти полдень.

— Идиот! Я не прошу тебя рассказывать, какой он. Я и так это знаю, если ты вообще его видел.— Настоятель Аркос несколько раз с силой ударил по столу.— Единственное, что я хочу знать: ты, именно ты, ничуть не сомневаешься, что это был самый обыкновенный старик?

Подобный поворот дела озадачил брата Френсиса. В его голове не существовало четкой границы между обычным порядком вещей и сверхъестественным. Между ними как бы пролегала некая промежуточная полоса. Существовали вещи совсем обычные и существовали вещи совершенно необычные. Но между этими двумя крайностями находилась область смешанная (для Френсиса) — противоестественное, где просто земля, воздух, огонь или вода начинали вести себя не как простые вещи, а как Вещи. Для брата Френсиса эта область включала в себя все, что он мог увидеть, но не мог понять. Френсису невозможным представлялось «ничуть не сомневаться», как требовал от него настоятель, в том, что он все правильно понял. Таким образом, задав этот вопрос, аббат Аркос невольно погрузил Френсисова паломника в эту сумеречную область, в то знойное марево, из которого впервые появился старик, в ту самую промежуточную зону, где паломник очутился сразу же после того, как вся Вселенная сузилась и в ее центре царило одно — еда на вытянутой ладони.

Если некое сверхъестественное создание решило прикинуться человеком, разве под силу было бы Френсису разгадать этот маскарад или хотя бы заподозрить, что дело нечисто? Да это самое существо, поди, не забыло бы и про тень, и про следы, и про хлеб с сыром, только б не раскрыться. Жевало бы, плевалось не хуже варана и постаралось бы изобразить поведение обычного смертного, ступившего без сандалий на раскаленный песок.

Нет, Френсис ни за что не взялся бы судить о ловкости, предприимчивости, разумении адского или, наоборот, небесного создания, не решился бы сказать о мере их актерских способностей. Как бы то ни было, в их адском (или небесном) хитроумии сомневаться не приходилось. Настоятель уже самой постановкой своего вопроса предопределил реакцию послушника: тот погрузился в мысли, прежде ему в голову не приходившие.

— Ну так что, сынок?

— Господин настоятель, неужто вы предполагаете, что это мог быть...

— Нет! Я-то как раз против всяких предположений. Потому и спрашиваю тебя для ясности: был ли он или не был обычным человеком, из плоти и крови?

Вопрос привел Френсиса в ужас. Еще страшнее было то, что прозвучал он из уст самого господина аббата, хоть послушник и понимал — дому Аркосу нужен ясный ответ. Очень нужен. А значит, вопрос-то задан, ой, какой важный. Если уж он кажется таким важным господину настоятелю, то что говорить о нем, Френсисе? Он не имеет права ответить неправильно.

— Я... Мне кажется, что он был из плоти и крови, достопочтенный отче. Но «обычным» я бы его не назвал. Кое в чем он был очень даже необычен.

— В чем? — резко спросил аббат Аркос.

— Плевался очень далеко и метко. И еще, по-моему, он умел читать.

Настоятель закрыл глаза и потер виски, испытывая неимоверную усталость. Проще всего было бы сказать мальчишке, что старик — обыкновенный чудаковатый бродяга, и запретить думать о паломнике как-либо иначе. Однако, дав послушнику почувствовать свое сомнение, аббат уже лишил себя такой возможности. Нельзя приказывать мысли — она все равно подчиняется одному лишь разуму. Можно приказать парню не думать, но его разум теперь уже не подчинится. Как всякий мудрый правитель, дом Аркос не отдавал пустых приказов, да еще таких, за исполнением которых не мог проследить. Лучше сделать вид, что ничего не замечаешь. Зачем он задал вопрос, на который не смог бы ответить сам, не видев того старика? Теперь он потерял право на вынесение окончательного решения.

— Пошел вон,— бросил настоятель, не открывая глаз.

5

Несколько озадаченный суматохой, начавшейся в монастыре, Френсис в тот же день вернулся в пустыню, чтобы в неприкаянности и одиночестве продолжить великопостное бдение. Он-то думал, что все поразятся найденным реликвиям, а монахов почему-то взволновал только старый бродяга. Френсис рассказал-то о нем только потому, что старик случайно или по воле провидения помог найти подземелье и чудесные реликвии. Послушник считал, что встреча с паломником — всего лишь незначительный эпизод в этой истории, а главное в ней — священная находка. Однако его товарищи гораздо больше заинтересовались стариком, и даже настоятель беседовал с ним не о ящике, а о страннике. Они все прямо засыпали его вопросами о паломнике. А что он мог ответить? «Я не заметил». «Я не посмотрел». «Может, он и говорил, да я не помню». Некоторые из вопросов были чудные. И вот теперь Френсис спрашивал сам себя: «Мне что, нужно было смотреть во все глаза? Я вел себя как дурак, да? Зря не прислушивался к его словам? Неужто я, одурев от солнца, пропустил мимо ушей что-нибудь важное?»

Френсис мрачно размышлял обо всем этом, а вокруг его нового пристанища бродили волки и наполняли ночь своим воем. Размышлял и днем, когда ему надлежало бы молиться и духовно совершенствоваться. В этом Френсис исповедался приору Чероки, когда священник приехал к нему в свой очередной субботний объезд. «Не забивай себе голову романтическими бреднями других послушников, у тебя и своих бредней хоть отбавляй,— посоветовал священник, как следует отчитав исповедующегося за пренебрежение благочестивыми думами и молитвами.— Твоих приятелей не заботит истина, им бы только какое-нибудь чудо посногсшибательней. Все это чушь! Могу сообщить тебе, что достопочтенный отец Аркос запретил послушникам разговоры на эту тему.— Немного помолчав, Чероки имел неосторожность добавить: — Ведь в старике не было ничего сверхъестественного, верно?» — Причем в голосе его слабо, но отчетливо прозвучала нотка надежды.

Брат Френсис не знал, что ответить. Если и было что-то сверхъестественное, он не заметил. Однако, судя по количеству вопросов, поставивших его в тупик, он вообще не заметил очень многое. Теперь Френсис чувствовал, что виноват,— почему он оказался таким ненаблюдательным? Помнится, обнаружив убежище, он испытал благодарность к паломнику. Но чудесное событие Френсис истолковал исключительно в собственных интересах — ему так хотелось получить какой-нибудь знак, что намерение провести всю жизнь в монастыре рождено не его волей, а милостью Божией, подсказавшей рассудку решение. Он был так поглощен самим собой, что не понял куда более важного смысла происшедшего.

«И как ты оцениваешь свое мерзкое тщеславие?»

«Мое мерзкое тщеславие делает меня похожим на кота из басни, который решил заняться орнитологией, господин аббат».

Действительно, разве страстное желание Френсиса принять монашеские обеты не напоминало историю о знаменитом коте? Тот решил посвятить себя орнитологии, дабы возвысить собственную орнитофагию — отныне он станет вкушать Passer domestiens, (воробей домашний), а не каких-то вульгарных «воробушков». Если природа создала кота птицеедом, то Френсиса его собственное естество неудержимо влекло к знаниям. В ту пору школы были только в монастырях, поэтому он и надел рясу послушника. Зачем же теперь воображать, будто посвятить свою жизнь Ордену ему повелели Природа и сам Господь?

И чем бы еще он мог заниматься? На родину, в Юту, Френсису пути не было. Еще ребенком его продали шаману, который воспитал бы из него своего слугу и ученика. Но мальчик сбежал, и теперь на родине его ждал бы суровый суд собственного племени. Он осмелился похитить собственность, принадлежавшую шаману,— то есть самого себя. Вообще-то в племени Юта воровство почиталось делом благородным, но украсть у колдуна, а потом еще и попасться — хуже преступления быть не могло. Да и не захотел бы теперь, после монастырской школы, Френсис возвращаться к убогой жизни невежественного пастушеского племени.

Куда же тогда податься? Континент был малонаселенным. Френсис вспомнил карту, висевшую на стене в библиотеке: редкие закрашенные пятна, где располагались области, пусть не цивилизации, но хотя бы относительного порядка, где существовало хоть какое-то подобие законности, а не просто дикарство и дикость. На прочем пространстве разрозненными кланами жили люди лесов и равнин — не столько даже дикарские племена, сколько просто маленькие общины охотников, собирателей, примитивных земледельцев. Уровень рождаемости был столь низок (если не считать мутантов и выродков), что численность населения едва-едва сохранялась от поколения к поколению. За исключением обитателей нескольких приморских областей, жители континента занимались исключительно охотой, земледелием, войной или колдовством. Других «прогрессий» не существовало, а последняя считалась самой перспективной для юноши, желающего чего-то добиться в жизни.

Учеба в монастыре не дала Френсису никаких навыков и знаний, которые могли бы пригодиться в темном, невежественном, тяжко живущем мире, где не ведали грамоты. Зачем общине был нужен грамотный юнец, не умевший пахать или воевать, или охотиться, или искусно воровать, или находить воду и залежи металла? Даже в немного-

численных княжествах, где существовало нечто вроде государственного устройства, грамотность Френсиса была бы никому не нужна, кроме церкви. Бароны иногда нанимали на службу писцов, но это случалось крайне редко, и вакансии, как правило, занимали монахи или специально обученные в монастырях миряне.

Более всего писцы и секретари были потребны самой Церкви, негустая иерархическая сеть которой охватывала весь континент. Подчас она достигала и заморских берегов, но тамошние епархии, по сути дела, были совершенно независимы от Нового Рима, хоть номинально и признавали власть Святого Престола. Объяснялось это не схизмой, а просто безбрежностью океана, пересекать который удавалось нечасто. Для поддержания порядка по всей этой обширной сети нужна была система связи. Так Церковь — ненамеренно и даже случайно — стала единственным передатчиком новостей и сведений из одного края земли в другой. Если на северо-востоке континента начиналась эпидемия чумы, то со временем об этом узнавал и юго-запад из рассказов посланцев Нового Рима.

А если где-нибудь на северо-западе дикие племена угрожали нашествием какому-нибудь христианскому княжеству, со всех амвонов юга и востока зачитывалось папское послание, предостерегающее об опасности и обещающее апостольское благословение людям любого сословия, «искусным в обращении с оружием, кои имеют средства пуститься в дальний путь и благочестиво решатся прийти на помощь возлюбленному сыну Нашему такому-то, законному правителю той земли, и служить ему верой и правдой столько времени, сколько понадобится для защиты христиан от языческой орды, варварское жестокосердие которой общеизвестно, ибо она, к величайшему прискорбию Нашему, замучила, убила и пожрала живьем тех пастырей Божьих, коих Мы направили к ним со Словом, дабы дикари вступили агнцами в Божье стадо, пастырем которого на Земле являемся Мы. И хоть Мы не оставили надежды и молений об обращении сих детей тьмы в светлую Веру Христову и мирное присоединение их к державе Нашей (ибо не следует изгонять пришельцев из сей пустой и обширной земли, а, напротив, всячески приветствовать приходящих к нам с миром, пусть бы даже не принадлежали они к видимой Церкви и Божественному ее Основателю, а лишь бы в сердцах их был написан Закон Природы, духовно роднящий с Христом любого из людей, хоть бы и не слыхавших Его имени), все же уместно и разумно будет, если Христианство, не оставляя молений о мире и обращении язычников, выступит на защиту северо-западного края, где скапливается орда и участились набеги дикарей. А посему на каждого из вас, возлюбленные дети Наши, кто возьмет оружие и отправится на северо-запад, дабы присоединиться к тем, кто готовится оборонять свои земли, дома и церкви, простираем Мы в знак особой милости Апостольское Наше Благословение».

Френсис подумал, не отправиться ли ему на северо-запад, если не удастся найти свое призвание у альбертианцев. Он был довольно крепок и неплохо владел мечом и луком, да вот только статью не вышел, а язычники, говорят, ростом по девять футов каждый. Может, и врут, конечно. А что, если нет?

Впрочем, кроме гибели на поле брани, ничего больше в голову не приходило — зачем Френсису жизнь, если он не сможет посвятить ее Ордену?

Нет, он не разуверился в своем призвании, лишь слегка заколебался. В том повинны суровый настоятель, отхлеставший его указкой да еще мысль о птицеведе, которого природа сотворила птицеедом. От мысли этой послушник пришел в такое расстройство, что не смог устоять перед искушением. В Вербное Воскресенье, когда до окончания поста оставалось всего шесть дней, приор Чероки услышал от Френсиса,— точнее, от высохших, обожженных солнцем останков оного, в которых каким-то чудом еще теплилась жизнь, — самую короткую за все время исповедь, несколько хриплых всхлипов:

— Благословите, отче... Я ящерицу съел...

Приор, имевший многолетний опыт исповедования отшельников, привык ко всякому и, не моргнув глазом, деловито спросил:

— Во-первых, было ли это в день полного воздержания от пищи? И, во-вторых, зажаренной ты ее съел или сырой?

Страстная неделя была куда разнообразнее первых шести недель Великого поста, но к этому времени отшельникам было уже все равно. А между тем предпасхальную литургию служили за стенами монастыря, в пустыне, чтобы духовно укрепить постящихся. Дважды в пустыню выносили святые дары, а в Великий Четверг настоятель в сопровождении отца Чероки и еще тринадцати монахов сам отправился в объезд, совершив обряд омовения ног перед каждым из отшельников. Аббат Аркос прикрыл свое пастырское облачение клобуком; лев изо всех сил старался изобразить смиренного агнца, обмывая и целуя ноги своих постящихся подопечных. При этом он был весьма скуп в словах и движениях, зато свита пела антифоны. В Страстную пятницу процессия монахов с завешенным распятием обошла всех отшельников. Перед каждым из них покров с креста приподнимали очень медленно, чтобы те лицезрели, а хор тем временем распевал «Укоризну»: «Народ мой, что сделал я тебе? И чем обидел тебя? Ответь... Вознес я тебя силой добродетельной, а ныне распинаешь меня на кресте...»

Потом пришла Святая суббота.

Продолжение следует

Когда профессор Чайников, Миша Кувалдин и Марина сидели в буфете и пили чай, профессор Чайников сказал:

— Я что-то устал от повышенной научности. Мне очень хочется провести какой-нибудь практический эксперимент. Например, проверить точность измерения скорости радиоволн или скорости света. Или установить с точностью до сантиметра расстояние от Земли до Луны. Может быть, нам вместе с нашими дорогими телезрителями следует оторваться на минуту от экранов и выйти на природу?

— А что? — согласилась Марина.— Давайте завтра сделаем передачу «Практические физические опыты». И пусть наши телезрители, сидя у своих экранов, выйдут на вольный простор природы.

— Очень хорошо,— обрадовался профессор.— Тогда для завтрашнего опыта нам понадобятся пушка, очень хорошие часы, по-научному говоря, хронометр, и двое ассистентов, свидетелей.

— А в кого мы будем стрелять? — спросила Марина Рубинова.

— В хронометр,— предположил Миша Кувалдин.— Или в свидетелей.

— Что за бред? — удивился профессор Чайников.— Зачем нам стрелять в свидетелей?

— Во всех кино стреляют в свидетелей,— объяснил Миша отсталому профессору.— Их убирают.

Это отрывок из произведения Эдуарда Успенского, открывателя бессмертного Чебурашки. Но это не сказка, не детская повесть, это... учебник по радиотехнике.

Необычный этот учебник для детей «Лекции профессора Чайникова» выпущен в издательстве «Самовар» в конце нынешнего года.